

Родная № 1-2 (55–56) ' 2021 **ДАДОГА**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — член Союза художников России.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Валентина Ветловская. Ф. М. Достоевский о Православии. <i>К 200-летию Ф. М. Достоевского</i>	5
Александр Щипков. Новый русский консерватизм	122
Владимир Мясников. Поднять и понести культурную ношу предков. <i>Некоторые исторические оценки современного состояния России</i>	126

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир Катасонов. Загадки «Сна смешного человека» Ф. М. Достоевского	11
Василий Новиков. Митрополит Константин: богослов и ученый	54

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анастасия Кошечко. Сердце как духовно-нравственный феномен в аксиологической системе Ф. М. Достоевского	43
Валентина Ефимовская. «О Вечности мысля...», или Возможность бесконечности. <i>Отражение неограниченной реальности в поэзии Андрея Реброва. К 60-летию поэта</i>	142

ПОЭЗИЯ

Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин)	52
Войслав Караджич	131
Ели Видева	134
Андрей Ребров. <i>К 60-летию со дня рождения</i>	152
Андрия Радулович	215
Элка Няголова	218
Сергей Корытин	235
Андрей Родосский	238

ЛЕСТВИЦА

Священник Константин Павлюченко. Архипастырь. <i>Жизнь как служение. Духовный путь митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (Горянова). К 30-летию архиерейской хиротонии</i>	60
---	----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «Чувства добрые». <i>Некоторые размышления о русской литературе и революции</i>	100
Виктор Молчанов. Символ веры Ф. М. Достоевского. <i>К 200-летию Ф. М. Достоевского</i>	241
Аркадий Елфимов. Зримый образ веры. <i>Евангелие Достоевского. К 200-летию со дня рождения великого русского писателя</i>	246

Точка ЗРЕНИЯ

Валерий Байдин. Истоки русской самобытности. О книге «Древнерусское предхристианство» 137

НАСЛЕДИЕ

Архимандрит Елеазар (Иванов) (1936–2011). Возсиявшу Солнцу 158
Михаил Зарубин. Ненаписанное письмо 205

Русские СУДЬБЫ

Игорь Андрушкевич. Русская Пасха. Орывки из пасхальных воспоминаний ... 163

Связь ВРЕМЕН

Марина Ганичева. Какой он, Гагарин? К 60-летию первого полета человека в космос 171

ДОСПЕХИ

Владимир Юдин. «Я не первый, а единственный!». К 125-летию со дня рождения Г. К. Жукова 180

ИСКУССТВО

Лев Миловидов. Главное произведение жизни художника Евгения Дацко. К 80-летию начала Великой Отечественной войны 199
Филипп Москвитин. Скульптурный портрет и иконописный образ. Лука Крымский – жертвенный служитель и милосердный предстатель 221

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита Шевцов. Елена Наумова. Всё могут кустари. По следам «Павловских очерков» В. Г. Короленко 228

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; Украинская повстанческая армия (УПА); «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрике»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрике» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

**Валентина
ВЕТЛОВСКАЯ**

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О ПРАВОСЛАВИИ

*К 200-летию
Ф. М. Достоевского*

Валентина Евгеньевна Ветловская — родилась в г. Бежецке Тверской области. Литературовед, доктор филологических наук. Окончила филологический ф-т ЛГУ, аспирантуру. Научный сотрудник ИРЛ (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН). Член СП России, член-корр. ПАНИ, член редколл. ж-ла «Dostoevsky Monographs» (IDS) и др. Член Международного ред. совета изд. «Достоевский и мировая культура». Участвовала в подготовке Большого (Полного) и Малого академ. изданий собр. соч. Ф. М. Достоевского (1972–1990; 1988–1996). Автор пяти книг и более 200 статей. Лауреат ряда лит. премий. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Судьбы русского народа и Православия вызывали большую озабоченность у писателя в зрелые годы его жизни. Это было время явного оскудения религиозных чувств и верований в высших слоях общества как на Западе, так и в России, которая с периода Петровских реформ взяла Запад за образец для обязательного подражания.

Высокие идеи прежних эпох, возникшие на почве христианства, начиная с Возрождения и особенно после Великой французской революции конца XVIII в., потеряли или почти потеряли всякую цену. В 1877 г. Достоевский писал: «*Наступает <...> материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей*»¹. Убогое состояние современных ему умов, принявших за идеал сытость и земной комфорт, Достоевский увязывал с упадком и пороками западного христианства — католичества и протестантизма. То и другое, уступая человеческой слабости (в противовес, будто бы, слишком суровым требованиям христианского учения), в результате пошли у нее на поводу. Человек со всем его несовершенством становился центром мира, а потому для него не только суровые, но и любые религиозные (да и прочие) запреты и предписания оказывались ненужной и обременительной обузой. Это вело к отказу от всякой религии, к богоборчеству и атеизму.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 85. Все ссылки в тексте статьи даны по этому изданию. В квадратных скобках: первая цифра — том, вторая — страница.

В том же направлении, стараясь не отстать, а нередко и опережая западных вожakov, двигалась в огромном большинстве и русская либеральная публика. Духовная основа русской государственной жизни, ее православные корни сделались предметом ядовитой насмешки и безоговорочного отрицания. Во имя новейших европейских понятий и достижений цивилизации. Это не могло не вызывать презрения тех, кто не собирался плыть в русле широкого и мутного потока. Тютчев в 1864 г. писал:

*<...> Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья у Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы¹.*

Но и само европейское просвещение, утратив к этому времени питавшую его христианскую почву, свое богатство и разнообразие, выродилось в несколько жалких формул, несущих, однако, руководящий смысл. Достоевский пояснял: «Они (европейцы. — В. В.) отвергли происшедшую от Бога и откровением возведенную человеку единственную формулу спасения его (имеется в виду спасение земное и небесное. — В. В.): “Возлюби ближнего как самого себя” и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous” (“Каждый за себя, а Бог за всех”) — или научными аксиомами вроде “борьбы за существование”» [26; 90]. Однако «борьба за существование», перенесенная из природного мира в мир человеческих отношений, означает войну всех со всеми и каждого против всех. Это же значение включает в себе и французская поговорка, ибо, если «каждый за себя», то нет никаких оснований уступать кому бы то ни было, и Богу, который «за всех», остается одно — всеобщую войну одобрить. Но воевать можно и без одобрения. Ссылка на Бога, да и сам Бог, здесь излишни.

Поскольку война всех со всеми признается нормальным состоянием людей, то водворить среди них более или менее сносный порядок и соединить их в некую общность нельзя иначе, как тоже только войною. Отсюда слова Бисмарка во время Франко-прусской войны (1870), которые цитирует Тютчев в стихотворении «Два единства» (1870). Речь идет о двух противостоящих друг другу способах создания единства — католико-протестантском и православном, русско-славянском:

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...²*

Для Достоевского, как и для Тютчева, утверждение Бисмарка насчет железа и крови — яркое свидетельство отступничества западного мира от христианства, открытая измена учению Христа. Почти веком раньше об этом же возвестила Великая французская революция, начертавшая на своих знаменах святые слова о свободе, равенстве, братстве, общем счастье и собравшаяся

¹ Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 362.

² Тютчев Ф. И. Ук. изд. Т. 1. С. 384.

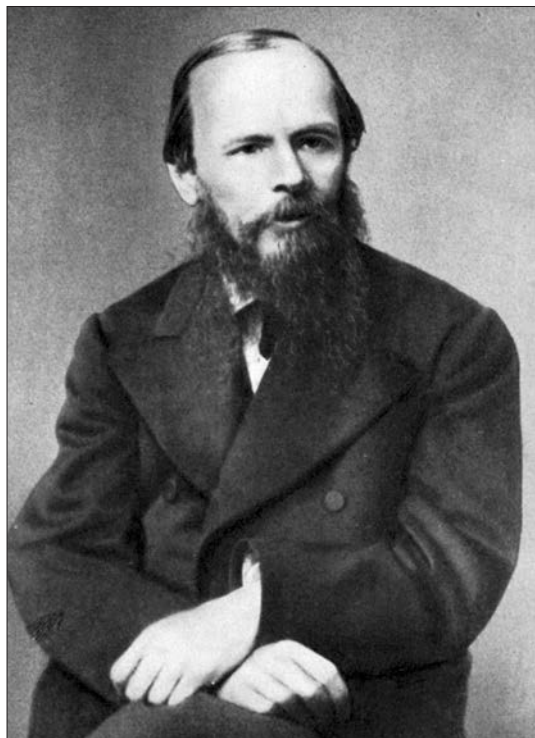
достигнуть этой цели с помощью гильотины и миллионов отрубленных голов. Она естественно захлебнулась в собственной крови, поскольку, как говорит у Достоевского старец Зосима: *«Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас. Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекиши меч погибнет мечом»* [14; 288].

Единство, основанное на любви, — идеал святой Руси. Он возник и укрепился на почве восточного христианства, православной веры, сохранившей преданность Христу. Накануне крестного страдания и смерти Господь говорил своим ученикам: *«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас; нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я запове-*

дую вам...»; *«Сие заповедую вам, да любите друг друга»* (Ин. 15: 12–14, 17). Заповедь жертвенной любви, заключенную в словах Христа и подтвержденную Его крестной мукой, как главную (но, разумеется, не единственную) и усвоил, благодаря православной вере, исповедующий эту веру русский народ. *«Утраченный (на Западе. — В. В.) образ Христа, — писал Достоевский, — сохранился во всем свете чистоты своей в православии»* [26; 85].

Отвечая либералам и западникам, обвинявшим народ в том, что он груб, темен, непросвещен и т. д., Достоевский писал: *«Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает <...>, но это возражение пустое: все знает, все то, что нужно знать <...>. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей»* [26; 150]. Пусть он не все понимает в подробностях богослужения, зато он слышит молитву, которую Великим постом читает священник: *«Господи и Владыко живота моего...»* В этой молитве *«вся суть христианства, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть. Знает тоже он наизусть многие из житий святых <...>. Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, опранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки», а вместе «с Христом, уж конечно, принял и истинное просвещение»* [26: 151].

Оно строится на убеждении, воспринятом умом и чувством, что высшей ценностью и одновременно — единственно прочным, неколебимым фунда-

*Федор Михайлович Достоевский.
(11 ноября 1821 — 9 февраля 1881 гг.)*

М. В. Нестеров, 1933. Страстная неделя.
(Фрагмент. Крайний справа: Ф. М. Достоевский)

ментом для общего блага является самоотверженная любовь. Несмотря ни на какие пороки и отступления, русскому народу присуще это «обогащение любви, кротости, смирения», готовность жертвовать собой и служить другим до мыслимых, а иногда и до немислимых пределов — до полного самозабвения [24; 192]. Из жертвенного подвига и добровольного служения другим, полагал Достоевский, и выйдет наконец не в фантазиях только, а уже на деле «свобода, равенство и братство для всех» [24; 192]. «Были бы братья, — повторял он, — будет и братство» [26; 167 и др.]. Вот почему «христианство народа нашего есть, и должно остаться навсегда, самую главную жизненную основу просвещения его!» [26; 151]. Отказ от православия, от отеческой веры равносильен, по мысли писателя, отказу не только от «истинного просвещения», но и от народной жизни вообще, во всяком случае — от жизни самостоятельной и полноценной. В этой связи у Достоевского возникали серьезные опасения относительно будущего: «Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть *самим собою*.

(NB. Весь прогресс через школы предполагается в том, чтоб отучить народ быть собою.) Все черты народа осмеяны и преданы позору. <...> вместе с темным царством осмеяно и все светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле Божией. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти» [24; 301–302]. Ничего хорошего от такого попечения о нем передовой и прогрессивной интеллигенции, взыскующей исключительно западных благ, народу ждать не приходилось, ведь народ в большинстве своем не помышлял изменять своей вере.

Незадолго до своей кончины Достоевский писал: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все. — Православие есть церковь, а церковь — увенчание здания (имеется в виду социальное здание, государственные структуры. — В. В.) и уже навеки» [27; 64]. Говоря о церкви, Достоевский разумел исторический идеал народа, его «неустанную жажду <...> великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созижделась еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее <...> в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют». Народ верит, что «спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово». Возражая «господам европейцам нашим», Достоевский продолжал: «О, есть много и других “идей” в народе <...>. Об них, об этих остальных идеях, я теперь и упоминать не буду <...>. Но теперь я об этой лишь главной идее народа нашего говорю, об чаянии им грядущей и зиждательной в нем, судьбами Божиими, его церкви вселенской. И тут прямо можно поставить формулу: кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Мало того: тот не может и любить народа русского <...>. А так как народ никогда таким не сделается, каким бы его хотели видеть наши умники, а останется самим собою, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение» [27; 19].

Рассуждая о всеобщем братском единении, Достоевский не мог не думать о путях его осуществления. Эти пути, на взгляд писателя, и сложные, и простые вместе. Они заключаются в одном — в деятельной любви. Проповедь деятельной любви пронизывает последний роман Достоевского — «Братья Карамазовы» (1879–1880). Старец Зосима говорит: «*Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно*» [14; 52]. Число этих ближних ничем не ограничено. Оно естественно начинается с родных, а далее, в принципе, может увеличиваться за счет всех и каждого. В черновиках к «Братьям Карамазовым» сохранились заметки: «О родственных обязанностях. Старец говорит, что Бог дал родных, чтоб учиться на них *любви*»; «Учитесь любить <...>. С родственников»; «...на родственниках учиться любви»; «Семейство как практическое начало любви. Семейство расширяется: вступают и неродные, заткалось начало нового организма» [15; 205, 207, 208, 249]. Речь идет о вселенской церкви, объединяющей людей органическими узами живой любви, а не насилем и механическим принуждением.

Достоевский не мог согласиться с мнением, что государство есть общество «по преимуществу свободное от религии и христианства», он считал, что такое мнение возникает из страха, «будто христиане (в христианском государстве. — В. В.) станут тотчас же избивать не христиан. Напротив,

Ф. М. Достоевский в Оптиной пустыни.
Художник А. М. Смолин. (ГПНТБ СО РАН. Новосибирск. www.spsl.nsc.ru)

полная свобода вероисповеданий и свобода совести есть дух настоящего христианства. *Уверуй свободно* — вот наша формула. Не сошел Господь со креста, чтоб *насильно* уверить внешним чудом, а хотел именно свободы совести. Вот дух народа и христианства!» [27; 80–81]. Писатель не видел религиозной нетерпимости в русском народе даже на каторге. А прискорбные уклонения бывают везде и во всем [27; 81].

У Достоевского, однако, мелькала мысль, что вселенская церковь, будучи идеалом братской и счастливой гармонии, вряд ли достижима. Однажды в записной тетради 1875–1876 годов он для себя заметил: «Основная идея и всегда должна быть недостигаемо выше, чем возможность ее исполнения, например, христианство» [24; 69]. Но писателя, похоже, это не смущало. Ведь идеал и всегда — нечто труднодостижимое. Главное в том, что он дает общее направление, цель и исход чувствам и стремлениям, а, по убеждению Достоевского, вселенская церковь, как идеал, соответствует самому существу и потребностям русской души. Именно ей предстоит внести примирение в терзающие мир социальные противоречия, вместить в себя «с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал» [26; 148].

Это было убеждение, выстраданное всей жизнью и выраженное писателем на последнем ее пороге.

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир КАТАСОНОВ

ЗАГАДКИ «СНА СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**Владимир Николаевич Ката-
сонов** — доктор философских
наук, доктор богословия, про-
фессор. Член Межсоборного
присутствия Русской Право-
славной Церкви. Член Экспер-
тного совета ВАК по теологии.
Профессор Общецерковной
аспирантуры и докторантуры
им. св. равноап. Кирилла и Ме-
фодия. Член редколлегии не-
скольких журналов. Автор 200
научных работ, 7 книг. **Живет
в Москве.**

Но дважды два четыре — все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре — ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица.

Ф. М. Достоевский
«Записки из подполья», IX.

1. Главный вопрос. Небольшой рассказ «Сон смешного человека» был опубликован Ф. М. Достоевским в 1877 году в рамках очередной тетради «Дневника писателя». Современная ему критика почти не обратила внимания на этот рассказ, однако, в дальнейшем, в особенности в начале XX века, к рассказу не раз обращались многие русские мыслители¹. В чем же притягательность этого рассказа, чем он интересен и по сегодняшний день, смеем даже сказать: что в нем позволяет причислить его к лучшим произведениям *философской прозы* великого писателя? Сюжет рассказа несложен. Герой рассказа, «русский прогрессист и петербуржец», типичный «человек из подполья» Достоевского, доведенный до предела бессмысленностью своего существования, задумывает совершить самоубийство. Но неожиданно он засыпает и видит сон о «золотом веке» человечества, о роде человеческом, не совершившим грехопадения и счастливо живущем на Земле². Любовь, пронизывающая все

¹ См., например: *Розанов В. В.* О Достоевском. Биографический очерк. 1893; *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968 (переиздание работы 1923 года). Нельзя обойти вниманием и работу: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. В ней обсуждаются жанровые особенности «Сна смешного человека».

² Достоевского в свое время поразила картина французского пейзажиста Клода Лоррена (1600–1682) «Пейзаж с

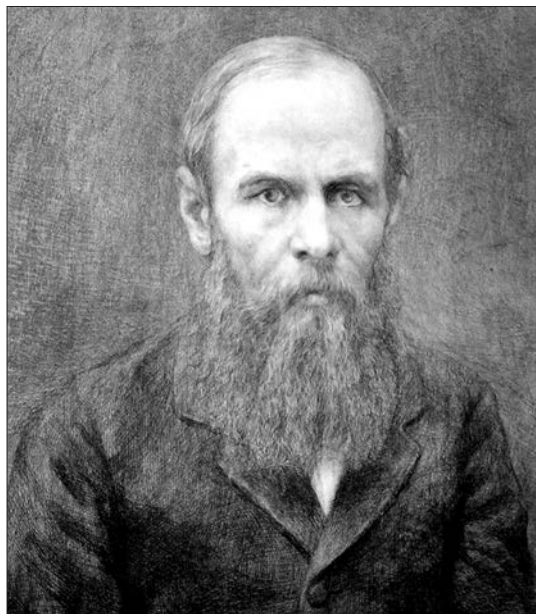
отношения этих людей, глубоко трогает и главного героя, он буквально «молится на них». Однако его испорченная нравственная природа берет верх, и он «развращает» всех этих людей, всю эту цивилизацию. Появляются ложь, зависть, рабство, сладострастие, убийства, ложные и человеконенавистнические теории и т. д. Главный герой пытается проповедовать о прежней жизни, пытается объяснить всем, что это он виновник деградации человеческого рода, хочет принести себя в жертву, но его никто всерьез не слушает. Тут он просыпается и, одушевленный идеалом золотого века, виденным им образом жизни людей, построенной на любви, во-первых, изменяется сам, а во-вторых, начинает активную проповедь в пользу старой истины, «...которую биллион раз повторяли и читали...»: люби других, как самого себя. И тогда вернется золотой век!.. «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» [XXV; 119]¹. Все это прекрасно, но есть одно затруднение, никак не позволяющее считать рассказ еще одним образцом банальной утопической литературы. Главный вопрос, который встает перед внимательным читателем, это: почему главный герой развратил всех людей золотого века? Произошло ли это *машинально*, просто, по заразности греха, или же потому, что в этом золотом веке чего-то не хватало, чего-то, что по своей ценности перетягивает даже всю их счастливую и лучащуюся любовью жизнь?.. В пользу последнего говорит постоянно подчеркиваемое героем обстоятельство: после падения, говорит главный герой, «я... любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны» [XXV; 117]. Какая же ценность может возвышать падший мир над миром счастья и любви? Какая ценность может быть в страдании? Интересно то, что Достоевский нигде в этом рассказе не дает прямых ответов на эти вопросы. Более того, его герой идет проповедовать не мир страдания, а именно тот мир счастья, который предвиделся ему в его сне! Именно тот мир, который он любил меньше и который он развратил!?. Попробуем приблизиться к разгадке, — не скажу, разгадать, — этой загадки.

2. Нигилизм. Герой «Сна смешного человека», как мы уже сказали, типичный для Достоевского человек из подполья, а это значит и *идеолог*, для которого задача нахождения смысла жизни принципиальна. Если обычный человек может как-то имитировать жизнь, то герои — идеологи у Достоевского не могут позволить себе подобной роскоши. Они идут до конца: «Если Бога нет, то все дозволено! Если нет смысла в жизни, то с ней надо кончать!» Вот и герой «Сна» с раннего возраста открывает для себя ужасную истину *нигилизма*: «...это постигшее меня одно убеждение в том, что на свете везде *все равно*» [XXV; 105]. Это *всеравенство* значит, прежде всего, отсутствие фундаментальных ценностей в жизни и, в первую главу, отсутствие Сверхценности, Святыни, Бога. Другими словами, это ницшеанское «Бог умер!», только лишенное своего громогласного пафоса, и еще более ужас-

Акисом и Галатеей», которую он считал как бы изображением «золотого века» человечества. О «земном рае человечества» где-то на Греческом архипелаге говорит и Версилев в «Подростке», рассказывая о своем сне, и опять вспоминает картину Лоррена [XIII; 375]. Именно в такой связи мы говорим об изображении «Золотого века» в «Сне смешного человека. В самом рассказе термина *золотой век* нет.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1984. Здесь и далее ссылки на произведения Достоевского указаны в квадратных скобках с указанием номера тома и страницы.

ное в своей обыденной безысходности... Поразительно то, как не раз показывает Достоевский, что эта внутренняя пустота, внутреннее отчаяние может быть совместимо с внешней активностью, страстными спорами и столкновениями. Герой «Сна» знает это по себе, видит это и в других. Именно последнее позволяет ему снисходительно относиться к насмешкам над собою и воздерживаться от участия в спорах. Ему все равно. Но он видит, что и спорящим также все равно, они только делают вид, что это для них очень важно, а на самом деле, если они трезво посмотрят на себя, как это и сделал однажды он сам, они вдруг увидят, что им все равно и, на самом деле, не о чем и спорить, и нет причины горячиться. Он

*Портрет Ф. М. Достоевского.
Художник Михаил Рундальцов
(1871–1935)*

так и говорит им прямо: «Господа, ведь вам, говорю, все равно» [XXV; 105]. В ответ — только смех... Это отсутствие высот и низин в жизни поначалу тяготило героя, но постепенно он привык. Он понял, что не только сейчас все равно, но и раньше, в прошлом, также было все равно. Также и в будущем, всегда все будет равно. И перед лицом этого мертвящего свинцового равенства жизнь теряет все свои краски, теряет яркость, радость, теряет смысл: жить или не жить становится одинаково равно, и мысль о самоубийстве естественно проскальзывает в душу. Она уже не страшит, а притягивает к себе: все что-то новое..., хотя, впрочем, и это иллюзия, ведь все равно.

3. Наука (рассудок) и корни нигилизма. Откуда берется это *всеравенство*? Каковы его корни? Ведь есть же детство, юность, когда жизнь кажется таким многообещающим предприятием, когда каждый день несет новые открытия и новые обещания. Достоевский последнего десятилетия своей жизни глубоко убежден, что генезис нигилизма тесно связан с пафосом *научной истины*. Наука второй половины XIX столетия вдохновляется успехами тематического естествознания, механики. Методы последней стремятся перенести и на всю науку, на исследование живого, и человека, в частности. Господствует материализм Бюхнера и Молешотта. Человека стремятся понять просто как часть природы. Согласно материалистической философии вся духовная составляющая человека должна быть объяснена, в лучшем случае, в духе позитивизма. Человек есть такое же место игры безличных природных сил, как река, камень, лягушка. Социальные силы также поддаются позитивистскому истолкованию. Марксово определение человека, как совокупности социальных отношений, подводит черту: для человеческой *экзистенции* просто не остается места в культуре. Эту антигуманную сущность новой культуры чуткие души уловили уже в начале XIX века. В России

Н. Н. Страхов, многолетний близкий знакомый Достоевского, последовательно развивал критику узко материалистического или позитивистского понимания науки. «*Мир есть целое, имеющее центр*, — писал Страхов, — именно он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия»¹. Достоевский по-своему также участвует в этой традиции, продолжает ее критику. Он основывает ее на том, что само *понимание истины* потеряло экзистенциальное измерение. Истина человека, сведенная к математической формуле, не может никого подвигнуть на самопожертвование или подвиг. Формальная истина науки обесценивала все человеческие чувства и эмоции, любовь, мужество, благоговение.

Еще более опасна *идеология науки, вера в науку*, которая считает, что все знание человеческое должно быть представлено в научной форме, которая от всего требует доказательств. Эта научная идеология беспощадно разрушает все традиционные ценности, на которых веками стояла человеческая жизнь, и прежде всего, религию, веру христианскую. Как показывала жизнь, и как нередко демонстрировал своими героями Достоевский, эта вера в науку могла прекрасно совмещаться с дилетантством, с высшей степени поверхностным знанием самой этой науки. Немало страниц у Достоевского посвящено критике этой *полунауки*, научной идеологии, сформировавшейся нередко только лишь под влиянием газетного чтения. Если человек сам не занимался всерьез наукой и не мог оценить ее действительных успехов и ее границ, то он оказывался в ситуации, когда все абсолютные ценности были разрушены пафосом научного скепсиса, а те ценности, которые оставались, были в атмосфере этого преклонения перед научным доказательством предельно *релятивизированы*. Все становилось относительным — мораль, религия, добро, зло — все таким же относительным, как относительно само научное знание... Но если все относительно, начинали сомневаться наиболее пронизательные, вроде тех идеологов — одиночек, которых мы встречаем на страницах Достоевского, то может быть и вообще нет никаких иерархий, никакой разницы между высоким и низким, и *все равно?*.. Так, *вера* в науку убивала веру в традиционные ценности и даже веру в жизнь. И хотя параллельно с развитием науки шла несомненная нравственная деградация европейского человечества, о которой предупреждал еще Руссо, и принесяшая столь очевидные плоды уже в наши дни, тем не менее, вера в науку была непоколебима. В «Сне смешного человека» жители воображаемой планеты после своего грехопадения (развращения), осознавая всю трагичность своего положения говорят: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердный Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья» [XXV; 116]. «Вот что говорили они, — пишет далее Достоевский, — и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал» [XXV; 116].

¹ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. М., 2007. С. 67.

4. Нравственный опыт как сингулярность. Наука не постигает всех глубин человеческой жизни, которые открываются через непосредственный духовный опыт человека, убежден Достоевский. Вот и в обсуждаемом рассказе герой его, уже, казалось бы, дошедший до самых безжизненных глубин нигилизма, все, казалось бы, испытавший и во всем изверившийся, прямо решившийся ближайшей ночью застрелиться из заранее приобретенного револьвера, оказывается вдруг остановлен неожиданным обстоятельством: проснувшейся в нем жалостью к плачущему ребенку. «Девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая (напомним, на улице ноябрьский петербургский дождь. — В. К.), но я запомнил особенно ее мокрые разорванные башмаки и теперь помню. Они мне особенно мелькнули в глаза. Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать... Она была от чего-то в ужасе и кричала отчаянно: “Мамочка! Мамочка!”... Хоть она и не договаривала слова, но я понял, что ее мать где-то помирает, или что-то там с ними случилось, и она выбежала позвать кого-то, найти что-то, чтоб помочь маме» [XXV; 106]. Герой прогнал девочку от себя, более того, накричал на нее, однако, отогнать мысли о ней уже не может. Контрапунктом к этим его мыслям за тонкой *перегородкой*, отделяющей его бедную чердачную комнату от соседей, «идет содом». Живущий там отставной капитан уже третий день пьет водку, играет в карты и, время от времени, дерется со своими сотоварищами. Но все это не задевает нашего героя, почти незаметно проходит мимо его сознания. Герой «Сна» уже очень далек от позиции, в которой высказывают какие-либо моральные претензии к себе или к окружающим. Ведь ему все равно: «...капитан во весь месяц, с тех пор как живет у нас, не возбудил во мне никакой досады» [XXV; 107]. Но вот от мыслей о девочке, которую он оттолкнул, которой он не помог, наш герой никак отвязаться не может. Почему? Речь идет совсем не о жалости к этой бедной девочке, жалости, на которую герой способен, как он и сам признается, но дело не в этом. Его мучает отнюдь не раскаянье за свой поступок, что он оттолкнул эту несчастную. Все это, так сказать, эмпирия жизни, которая, хотя и существует в душе героя в определенной степени, но, однако, уже давно переоценена: ведь, на самом деле, все равно. Героя мучает не *эмпирия*, а *онтология* происходящего, упрямый чисто теоретический вопрос: как на фоне этого господствующего *всеравенства* вообще возможно чувство *жалости*, или чувство *раскаяния*?.. Этот умственный эксперимент, который герой рассказа производит на самом себе, усугубляется еще и тем, что он, размышляя об этом в своей чердачной комнате, под пьяный шум, доносящийся из-за перегородки, уже твердо решил этой ночью покончить с собой. «...Неужели сознание о том, что я сейчас *совершенно* не буду существовать, а стало быть, и ничто не будет существовать, не могло иметь ни малейшего влияния ни на чувство жалости к девочке, ни на чувство стыда после сделанной подлости? Ведь я потому-то и затопал и закричал диким голосом на несчастного ребенка, что, “дескать, не только вот не чувствую жалости, но если и бесчеловечную подлость сделаю, то теперь могу, потому что через два часа все угаснет”» [XXV; 108]. Причем, подчеркивает Достоевский, речь идет не просто об уничтожении одного самосознания в результате самоубийства. Ведь решающих аргументов против солипсизма не нашел никто, не знаем и мы их сегодня. Может быть, мир зависит от меня не только как восприятие, но и онтологически: и если меня

не будет, то и мира не будет. И неужели вся эта онтология бессильна перед мыслью о «слезинке ребенка»?.. Умственный эксперимент героя переходит в новую фазу. Он задает себе вопрос: а что если бы я на Луне или на Марсе совершил бы «какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок», был бы там за него поруган и обесчещен, то потом, живя на Земле, на которой по условию не было бы никакой связи с прежней жизнью на других планетах, было ли бы мне стыдно за этот проступок, или же было бы все равно?¹ Герой остро ощущает видимую праздность этих вопросов перед тем шагом, на который он решился. Это бесит его, это отдаляет решающий момент самоубийства, утомляет героя, и он, неожиданно для самого себя, засыпает. «Одним словом, — говорит он впоследствии, — эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел» [XXV; 108].

Что же происходит? В жизни героя с почти нулевой нравственной температурой, во всем этом *всеравенстве*, не нарушаемом даже решением убить себя, вдруг обнаруживается, говоря языком физики², *сингулярность*, не сводимая к той нравственной нейтральности, вне которой, кажется, уже ничего и не существует. И эта закатанная в асфальт нигилизма жизнь вдруг обнаруживает способность давать новые ростки. Правда, лишь чахлые и хилые поначалу. Ведь чувство жалости к девочке, которое герой испытал, не подвинуло его на то, чтобы помочь ей. Однако оно сразу же породило реакцию его разума: Как это возможно, если все равно? Как на фоне этой полной однородности нигилизма возможна сингулярность нравственного движения?.. И разум его, как хирург-патологоанатом, рассекающий еще почти живые ткани, в недоумении анализирует и разлагает этот невозможный факт душевной жизни: как возможно, будучи нравственно мертвым, еще оставаться живым?.. Вывод один: значит, разум лжет, вывод о всеравенстве поспешен, значит, есть опыт сердца, опровергающий это самоубийственное безразличие жизни. Как позже говорил известный русский философ В. С. Соловьев, близкий знакомый Достоевского в последнее десятилетие его жизни, «Стыжусь, значит существую!»³ И этот вывод есть прелюдия «сна», который видит наш герой, сна, обнаруживающего новые глубины опыта сердца. Так ли уж важно, что мы видим во сне? «Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так превозносите, я хотел погасить самоубийством, а сон мой, сон мой, — о, он возвестил мне новую, великую, обновленную, сильную жизнь! [XXV; 109]».

5. «Сны моего сердца, мечты моего ума...» Герою «Сна» снится, как он выстрелил себе в сердце, как его похоронили, как он пришел в себя похороненный в гробу, — мы еще вернемся ниже к анализу этих мест. Но вот он чувствует, как могила его разверзлась, и он был взят из нее «каким-то темным и неизвестным существом». Тайнственное существо это несет его через пространства в неизвестные дали вселенной, но вот, вдруг, герой обнаруживает, что они приближаются к нашей солнечной системе и к Земле, на которой он различает уже знакомые очерки континентов. Тайнственный

¹ Сравни тождественное по смыслу рассуждение Ставрогина в разговоре с Кирилловым в «Бесах» [X; 187].

² Который нередко столь подходит к умственным экспериментам Достоевского. См. рассуждения об *евклидовом уме* в «Братьях Карамазовых» [XIV; 214–215].

³ Оправдание добра. С. 125 // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988.

спутник оставляет героя, и он оказывается ...на нашей Земле, но с единственным отличием: в ее истории люди не совершили грехопадения, — оказывается в «Золотом веке». Писатель не жалеет красок для описания этой жизни безгрешного человечества. «О, все было точно также, как у нас, но, казалось, всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Ласковое изумрудное море тихо плескалось о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как-бы выговаривали какие-то слова любви. Мурава горела яркими ароматными цветами. Птички стадами перелетали в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И наконец, я увидел и узнал людей счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали меня. Дети солнца, дети своего солнца, — о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой. Глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость» [XXV; 112]. В обществе их господствовала любовь, они любовались друг другом, слагали песни друг о друге, «...это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая и всеобщая» [XXV; 114]. Эта любовь изливается и на нашего героя: «Эти люди, радостно смеясь, теснились ко мне и ласкали меня; они увели меня к себе, и всякому из них хотелось успокоить меня. О, они не расспрашивали меня ни о чем, но как бы все уже знали, так мне казалось, и им хотелось согнать поскорее страдание с лица моего» [XXV; 112]. Эта любовь отражалась и в сердце нашего героя: «Я... целовал при них ту землю, на которой они жили, и без слов обожал их самих, и они видели это и давали себя обожать, не стыдясь, что я их обожаю, потому что много любили сами» [XXV; 113].

Достоевский подчеркивает то, что в этом Золотом веке не было науки, в нашем понимании. Герой рассказа поначалу даже не понимает, как это возможно. Но вскоре ему становится ясно, «...что знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле... Знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится познать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания» [XXV; 113]. Достоевский рисует мир, в котором знание, наука имеют интуитивный характер, характер прямого проникновения в сущность вещей, без дискурсивных построений, без доказательств¹. Люди Золотого века *понимали* растения, животных, как бы зная их язык, и даже «...соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем» [XXV; 113]. Герой все более осознает это внутреннее проникновение этих людей в тайны жизни и бытия, но понять его не может. Для выражения этой полноты жизни Достоевский часто употребляет здесь

¹ Сверхрассудочное познание, о котором говорят мистики всех времен.

слово *восполненный*, из церковно-славянского языка, которое почти и не используется в современном русском: восполненное знание, восполнившийся восторг, восполненная радость и т. д. У человечества Золотого века была любовь, у них рождались дети, которые становились новыми участниками в их блаженстве, но не было ссор и ревности, и «...никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и каждого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» [XXV; 113]. Стариками их умирали тихо и спокойно, здесь не было скорби, «...а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного» [XXV; 114]. Слова прекрасных песен, которые поют жители этой новой (старой?) земли, нередко, непонятны герою, не позволяют ему проникнуть в полноту их значения, но сердце его все более открывается этому миру, видя в нем воплощение своих самых заветных надежд. «Я часто говорил им, что я все это давно уже предчувствовал, что вся эта радость и слава сказывалась мне еще на нашей земле зовущею тоскою, доходившей подчас до нестерпимой скорби; что я предчувствовал всех их и славу их в снах моего сердца и в мечтах ума моего...» [XXV; 114]. Наш герой, проповедующий нравы Золотого века и подвергаемый насмешкам, готов даже и согласиться, что все это было лишь сном, детали которого он сам потом и выдумал, но сон этот имеет такое высокое нравственное значение, что он просто не может не рассказывать о нем: «Было, может быть, в тысячу раз лучше, светлее и радостнее, чем я рассказываю. Пусть это сон, но все это не могло не быть» [XXV; 115].

6. Свобода и подполье. Вот мы и добрались до главного вопроса нашей статьи, объявленного вначале: почему же герой «Сна», столь восторженно поклоняясь явленному ему образу Золотого века, *обожая* чистых и безгрешных людей этого мира, тем не менее «...развратил их всех!» [XXV; 115]. Само это событие понимается героем как некое откровение, несомненно свидетельствующее о своей истине. Более того, вероятно, свидетельствующее не только о значимости сна, но и о том, что все происшедшее действительно произошло, а не просто приснилось. «Знаете ли, я скажу вам секрет, — говорит наш герой, — все это, быть может, было вовсе не сон! Ибо тут случилось нечто такое, нечто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во сне. Пусть сон мой породило сердце мое, но разве одно сердце мое в силах было породить ту ужасную правду, которая потом случилась со мной? Как бы мог я ее один выдумать или пригрезить сердцем? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды!» [XXV; 115]. В чем же состоит эта ужасная правда? В том ли только, что зло имеет корни в нашем же человеческом сердце, и что сердце испорченное отравляет все и вокруг себя, «...как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства» [XXV; 115]?.. В том ли, что зло не пришло к нам извне, а всегда воспроизводится в глубине нашего же человеческого сердца и передается от поколения к поколению? Все это, несомненно, верно, но почему же герой наш, развратив целый мир, восклицает: «Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, *но любил их, может быть еще больше*, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. *Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше*, чем когда

она была раем, за то лишь, что на ней явилось горе (курсив мой. — В. К.)» [XXV; 117]. Чем же эта оскверненная земля, эти развращенные люди могут быть дороже, могут вызывать большую любовь, чем жизнь Золотого века?.. Попытаемся ответить на эти непростые вопросы.

Вообще говоря, ответы на эти вопросы можно отчасти обнаружить в гораздо более раннем произведении Достоевского, в знаменитых «Записках из подполья», вышедших в 1864 году. Именно здесь великий писатель дает тот образ «человека из подполья», который потом не раз встречается на страницах его творчества, черты которого мы узнаем и в Раскольнике, и в Ставрогине, и в Иване Карамазове, и многих других. Духовная конституция героя «Сна смешного человека», рассказа, написанного через 13 лет после «Записок», — во многом тождественна с героем «Записок»; добавлены только некоторые новые моменты, характеризующие больший *духовный возраст* героя «Сна». «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек», — такими словами начинаются «Записки из подполья» [V; 99]. Контрапунктом к ним звучит и начало «Сна смешного человека»: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим» [XXV; 104]. Все то же одиночество, все та же гордыня... Но герой «Сна», как мы уже сказали, несколько духовно старше: если тон подпольного человека более публицистичен, он обращен к окружающим, он стремится преодолеть их аргументы своими аргументами, он стремится найти какие — то контакты с окружающими, то герой «Сна» (до своего перерождения) уже «подустал», и психологически и духовно, — никому ничего доказать нельзя, всегда все равно, и он в основном молчит в обществе товарищей, или же с безразличной резиньяцией высказывает им: «Господа, ведь вам, говорю, все равно» [XXV; 105]. На что и господа даже и не обиделись, а только засмеялись... Диалог и вызовы главного героя в «Сне» с уровня публицистического и психологического ушли на более глубокий уровень философии и метафизики. И это неудивительно, ведь «Сон» написан уже после «Идиота» (1868), «Бесов» (1872), «Бобка» (1873) и «Подростка» (1875).

Герой «из подполья» был ценен Достоевскому тем, что в нем он высказал свои самые заветные и фундаментальные представления о человеке, о человеке вообще и о русском человеке, в особенности. Говоря языком средневековой философии, антропология Достоевского принципиально *волюнтаристична*. Определяющим началом в человеке, в его поступках писатель считает *волю*. В том была, — и осталась! — непреходящая оригинальность взглядов и героев Достоевского, что во время, когда европейская культура все более соблазнялась успехами научного знания, как в естествознании, так и в познании общества, когда пропаганда социалистических идей все более подавалась как результат научного изучения истории, как «научный социализм», Достоевский и философски, и как писатель отстаивал концепцию человека, центрированную на понятии *воли*. Он спорил здесь со всей традицией Просвещения, с французскими энциклопедистами, с родоначальниками социализма, а на русской почве — с кумирами общественного сознания 60—70 годов: Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым. В частности, если представители теории «разумного эгоизма», выдуманной Чернышевским, доказывали, что человек, просвещенный знанием законов исторического развития, сам, без всякого принуждения, на чисто разумных основаниях откажется от эксплуатации ближнего, от причинения ему зла,

откажется от прежней порочной жизни и будет честно трудиться ради общей пользы и благосостояния, то Достоевский настойчиво доказывал, что подобные взгляды есть в высшей степени наивное и поверхностное представление о человеке. Герой «Записок из подполья» беспощадно, порой до карикатурности критикует эти просвещенческие мифы. Он доказывает, что никакими сияющими перспективами социализма человеческую свободную волю «не заговорить», что никакие призывы к благоразумию не смогут перевесить фундаментальную ценность человеческой свободы и волю, желания поступать из свободы. Критикуя утопию общества, построенного на основе науки и благоразумия, он пишет: «Тогда-то, — это все вы говорите, — настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностию... Тогда выстроится хрустальный дворец... (Но. — В. К.) Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в бока и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что непременно последователей найдет: так человек устроен. И все это от самой пустейшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоит: именно от того, что человек всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а иногда и *положительно должно*...» [V; 113]. Подобное эксцентричное противопоставление разума и воли нуждается, конечно, в объяснении. Почему же столь *неразумное* гнушение *разумом*, человеческой выгодой, расчетом? Достоевский считал, что причина, породившая «человека из подполья» — быстрота и насильственность Петровских реформ и связанных с ними социальных трансформаций. Старые начала, православные начала Московской Руси были изгнаны, а новые, западноевропейские усвоены наспех и поверхностно. Традиции разумного, целесообразного, цивилизованного устройства общества не стали еще общепринятыми, а вера уже ослабла, и ... явился человек из подполья. «Причина подполья, — пишет Достоевский в черновиках к роману «Подростку», — уничтожение веры в общие правила. «Нет ничего святого». Недоконченные люди (вследствие Петровск<ой> реформы вообще)...» [XVI; 130].

Продолжим, однако, анализ позиции подпольного человека, как она выступает в «Записках». Герой их отнюдь не отрицает значения разума вообще, он только призывает правильно расставлять акценты, и не рассматривать разумное начало в человеке как высшее и определяющее. «Видите ли-с: рассудок, господа, есть вещь хорошая, это бесспорно, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни, то есть всей человеческой жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями. И хоть жизнь наша в этом проявлении выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня» [V; 115]. Герой из подполья согласен, что чем более человек развит, тем более он стремится обдумывать свои поступки, а не действовать непосредственно под влиянием голого хотения,

что чем более он развит, то тем более учитывает он в своих поступках соображения выгоды. «Но повторяю вам в сотый раз, есть один только случай, только один, когда человек может нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего, а именно: чтоб *иметь право* пожелать себе даже и глупейшего и не быть связанным обязанностью желать себе одного только умного. Ведь это глупейшее, ведь этот свой каприз... может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, — потому что во всяком случае **сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность**» [V; 115]. Центр нашей личности, согласно этой антропологии, находится в воле. В воле, которая, по факту-то, сплошь и рядом может желать неразумного. Можно было бы сказать, что это поврежденная, *больная воля*. Так оно и есть, вообще говоря, с христианской точки зрения. Апостол Павел пишет об этой неразумности воли грешного человека: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:22–24).

Однако рассуждения героя Достоевского отнюдь не центрированы на христианской антропологии. И на осуждение в болезни воли герой Достоевского мог бы ответить: «А почему вы знаете, какая воля больная, а какая здоровая?.. И как ее лечить?» Эту задачу исцеления своей больной воли герои Достоевского лишь постепенно осознают через опыт страдания, а то и преступления... Тем не менее аргументы против рационалистических утопий Просвещения и коммунизма, аргументы от воли, от свободы, столь ярко представленные в произведениях Достоевского, остаются верными навсегда. Человек сотворен свободным, со свободной волей, и спасен он должен быть только вместе со своей свободой, а никак не жертвуя ей ради каких-либо идолов, пусть это даже есть разум. Человек не просто фортепьянная клавиша, на которой играют законы природы, утверждает Достоевский, и никогда не согласится быть фортепьянной клавишей. «Да ведь мало того: даже в том случае, если бы он действительно оказался бы фортепьянной клавишей, если бы это доказать ему даже естественными науками и математически, так и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно из одной неблагодарности; собственно чтоб настоять на своем. А в том случае, если средств у него не окажется, — выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем» [V; 117]. Вот, мы уже и совсем близко к объяснению, или скорее, к *уяснению* нашего главного вопроса, вынесенного из чтения «Сна смешного человека».

7. Свобода и идеал. Действительно, подобию в основных ценностных установках героев «Записок из подполья» и «Сна смешного человека» так велики, что можно сказать: то, что развернуто в рассказ «Сон смешного человека» имеет своей программной, теоретической основой первую часть «Записок из подполья». Почти все фундаментальные темы «Сна», все решающие повороты сюжета находят себе обоснование в рассуждениях парадоксалиста из подполья. Герой сна развратил всех в «Золотом веке», разрушил целую цивилизацию. Но в «Записках» подробно выясняется эта склонность человека к разрушению, ее глубинные духовные основы. Чи-

таем здесь: «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? Вот это скажите-ка! Но об этом мне самому хочется заявить два слова особо. Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание? Почему вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит созидать его, а не жить в нем, предоставляя его потом аих *animaux domestiques* (домашним животным, *франц.* — В. К.), как то муравьям, баранам и проч., и проч. Вот муравьи совершенно другого вкуса...» [V; 118]. Критике *социалистического муравейника* и в том смысле, как он рисовался утопистами вроде Чернышевского, и в более принципиальном смысле, как противоречащего самой природе человека, посвящено у Достоевского немало страниц, в том числе и в «Записках из подполья». В нашу задачу не входит сейчас анализировать эту критику. Для нас важно подчеркнуть в приведенной цитате другой важнейший момент: по мысли Достоевского, человек, хотя и проектирует непрерывно «светлое будущее» и «хрустальные дворцы» в нем, однако, при всем при этом, сам оказывается глубоко неудовлетворен своими же проектами... «И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мере, человек всегда как-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положим, человек только и делает, что отыскивает эти дважды два четыре, океаны переплывает, жизнью жертвует в этом отыскании, но отыскать, действительно найти, — ей-богу, как-то боится. Ведь он чувствует, что как найдет, так уж нечего будет тогда отыскивать» [V; 119]. Достоевский фиксирует здесь человеческую особенность, имеющую глубочайшее духовное значение. Сколько ни существует человечество в своей истории, всегда оно мечтало о лучшем общественном устройстве, об обществе, в котором господствовали бы справедливость и добрые отношения между людьми. Множество общественных программ, политических манифестов, философских проектов создавалось ради реализации этой мечты; они стремились рассчитать, конкретизировать, а то и художественно представить то общественное устройство, на утверждение которого нужно было направить усилия. Люди пропагандировали эти проекты, боролись за их осуществление, отдавали за них жизнь... Некоторые проекты действительно воплощались, еще чаще уже существовавшую действительность объявляли воплощением подобного совершенного проекта. Однако, **никогда человек не был удовлетворен**. Никогда это воплощение не совпадало с его мечтой. И даже более того, удивительная тенденция выявлялась все настойчивее: чем справедливее, чем ярче был проект, тем, странным образом, бесчеловечнее и жесточе была реализация... Достоевский прав, этот опыт не прошел даром для человечества. И хотя недостатка в новых проектах и революционерах, готовых идти на крест за свои утопии, не наблюдалось, тем не менее, груз отрицательного опыта отрезвлял головы наиболее мудрых... Тот вывод, который человечество выстрадало горьким

опытом исторического строительства и исторического прожектёрства, можно бы было сформулировать так: несмотря на неизбежность общественного планирования в истории, ибо человек по своей сущности уже есть *существо проективное*, всякая попытка объявить некоторое социальное устройство *окончательно* справедливым, *истинным*, окончательно соответствующим сущности человеческого идеала является не только утопичной, но и всегда этот идеал предающей, представляет собой всегда подмену этого идеала какой-то подделкой под него, *идолом*, воплощение которого в жизнь, в силу этого, будет на его решающих этапах всегда антигуманным и насильственным. Это не значит, что человек должен совсем отказаться от переустройства социального мира, от политики, от идейной борьбы. Но это значит, что все цели, выдвигаемые идеологами и политиками, имеют лишь *конечное* и, стало быть, *преходящее значение* и не могут рассматриваться как окончательное решение социальных и человеческих проблем, не могут рассматриваться как *спасение человечества*.

Именно этот пафос движет Достоевским в «Сне смешного человека». Герой его, увидев, пережив опыт «Золотого века», «развратил» всех его жителей. Почему, по какой причине?.. Самое любопытное, что герой даже сам не может себе дать в этом отчета! Он подробно рассказывает о том, как развивалась «чума» безнравственности в этом обществе, — ложь, кокетство, сладострастие, ревность, жестокость, убийство и т. д., — но назвать решающую причину, толкнувшую его на это преступление, так и не может. Он-де любил страдание, и со страданием он любил этих людей больше, чем прежде, счастливых и добродетельных?.. Мы обсудим тему страдания немного ниже, но тем не менее, разве можно согласиться с тем, что ради страдания только стоит пожертвовать всем миром любви и красоты?.. Разве стремление преодолеть страдания, устранить их из жизни человечества не является одним из благороднейших побуждений человеческой деятельности в истории? Герой «Сна» критикует знание в его научной форме, от начала до самого конца рассказа, — «“Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья” — вот с чем надо бороться! И буду!» [XXV; 119] — и, тем не менее, сам ниспровергает всю ту культуру интуитивного постижения жизни, которая господствовала в «Золотом веке». Предельность противоречивой позиции героя обнаруживается в том, что он, сам разрушив «Золотой век», идет его же и проповедовать!?! «Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, **пусть это никогда не сбудется и не бывать раю** (ведь уже это-то я понимаю!), — ну, а я все-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, *в один бы час* — все бы сразу устроилось! Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» [XXV; 119]. Герой понимает, что раю не бывать, и, тем не менее, сам идет его проповедовать. Он что, хочет еще раз попробовать построить «Золотой век» и потом... и потом опять их всех «развратить»?.. Воистину, как говорил парадоксалист из подполья: «Достижение (целей. — В. К.) он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно. Одним словом, человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур» [V; 119].

Герой сна не может дать себе отчет в причине его неприятия «Золотого века». А сам Достоевский, дает ли он нам *объяснение* этого па-

радокса? — Не думаю. Здесь необходимо небольшое методологическое отступление. Настоящий художник, в частности, писатель, это не тот, кто может *объяснить* свое произведение. И настоящее художественное произведение это не то, что можно объяснить, что может быть сведено к какой-то философии, к какому-то логическому содержанию. Конечно, в литературе есть различные жанры, в частности, и жанр басни, содержание которой можно выразить в виде некоторой *морали*. Однако художественное произведение, художественный образ в собственном смысле не могут быть сведены к такой *морали*. Не мораль, не логическое содержание определяют здесь действительный смысл образа. Художественный образ, созданный писателем, постигается непосредственно и оказывается далее неразложимым, в силу органической сложности своих внутренних связей. Не что-то иное, в частности логика, объясняет нам этот образ, а наоборот: сам этот образ становится новым словом объяснения действительности, новым инструментом познания ее, новым термином *жизненной логики*. Все в искусстве, в литературе, что может быть объяснено, еще не художественное творение в собственном смысле. Но когда мы говорим «фаустовский дух», «есенинские мотивы», «Винни-Пух», «человек из подполья», мы апеллируем именно к целостному образу, созданному художником, образу, который уже вошел в культуру как ее законный конститутивный член и служит познанию и анализу действительности. Если угодно, можно бы было, согласно известной философской традиции, называть эти образы *архетипами*.

Достоевский принадлежал к писателям, воистину, *милостью Божией*. И ему была дана способность создавать подобные образы. Сам он прекрасно осознавал фундаментальность собственных размышлений о человеке, которая не исчерпывалась ни психологическим контекстом, ни социологией, ни этнографическими особенностями русского народа. Он, как известно, называл себя *реалистом в высшем смысле*: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [XXVII; 65]. Так, «человека из подполья» он считал одним из главных своих открытий¹. В этих своих исследованиях человеческой души, проводимой на жизненных судьбах своих героев, Достоевский нередко наталкивался на примеры удивительных противоречий, которыми полна человеческая жизнь. Эти реальные противоречия он умел изображать и *анализировать*. Поэтому Достоевский, конечно, по справедливости может быть назван исследователем и философом. Обычно там, где он понимал, он выговаривал это свое понимание и в художественной форме и в публицистике. Достоевский выговаривает все, что он знает. Но замечательно то, что ему удавалось изображение таких глубин человеческого духа, таких противоречий, которые этого объяснения не допускают, хотя сомнения в действительной значимости опыта этих глубин, этих *проклятых вопросов* не оставалось. Писатель глубоко чувствовал и умел гениально изображать, что есть множество событий, смысл и генезис которых непонятен, но которые играют решающую роль в жизни; что в жизни человеческой есть *тайна*,

¹ «Подполье, подполье, *поэт подполья* — фельетонисты повторяют это как нечто унижительное для меня. Дурачки. Это моя слава, ибо тут правда», — пишет Достоевский в черновиках «Подростка» [XVI; 330].

недоступная человеческому рассудку¹. Поэтому он совершенно сознательно часто использует для обозначения этих моментов выражение «не знаю». Так, в начале рассказа, герой, купив револьвер, ждет минуты, когда сможет пустить его в дело, убить себя, однако, «...прошло уже два месяца, а он все лежал в ящике; но мне было до того все равно, что захотелось наконец улучшить минуту, когда будет не так все равно, для чего так — не знаю» [XXV; 106]. Но вот, в дождливый ноябрьский вечер, в разрыве облаков он увидел звездочку, «... и я положил, что это (самоубийство. — В. К.) будет *непременно* уже в эту ночь. А почему звездочка дала мысль — не знаю» [XXV; 106]. После пробуждения от сна герой начинает свою проповедь. «Кроме того, — восклицает он, — люблю всех, которые надо мной смеются, больше всех остальных. Почему это так — не знаю и не могу объяснить, но пусть так и будет» [XXV; 118].

Та фундаментальная **антиномия** в «Сне смешного человека», которую мы описывали выше, формально также принадлежит к одному из таких «не знаю», хотя содержательно является одним из важнейших открытий великого писателя. Достоевский, по нашему мнению, сам, так же как и его герой, **не знает** принципиального ответа на вопрос: почему был «развращен» мир «Золотого века». Если бы он знал этот ответ, он бы непременно высказал его... Но он его не знает, как не знает его и герой рассказа, **как не знаем его и мы**... Речь в литературе подобного рода идет не о какой-то загадке, которую нам загадывает писатель, и которую мы должны отгадать. Речь идет о загадке, которую нам загадывает сама жизнь, само бытие. Достоевский своим талантом только помогает нам осознать всю непостижимую глубину этой загадки: мы не можем в нашей общественной деятельности не стремиться к преодолению несправедливости и зла в этом мире, и одновременно, в глубине нашей души, мы *не можем поверить* в то, что когда-то в земной действительности это преодоление может быть достигнуто... Мы не можем не бороться со злом, ибо в чем бы тогда и состояло человеческое достоинство, но, в то же время, мы не можем и пожертвовать нашей свободой ради утверждения какой-то конкретной утопии. Или, говоря словами героя «Сна»: «...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» [XXV; 118]. Но в то же время: «..пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!)...» [XXV; 118–119]. И Достоевский здесь, при всей глубине своих прозрений, остается здесь с нами, *по эту сторону* загадки.

Небезынтересно вспомнить здесь новозаветное решение темы видения будущего мира, Рая. Мы не будем говорить о книге «Апокалипсис», вопрос об интерпретации которой далеко не прост. Во 2 Послании к Коринфянам апостол Павел пишет о себе: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2–4). Мы видим, что описаний рая здесь нет, а то, что открылось велико-

¹ Это опять подтверждало его убеждение в том, что чисто научное представление о человеке всегда поверхностно.

му апостолу, нельзя, невозможно пересказать, по возвышенной странности этих видений и речений, по отличию их от нашего мира. Об этом говорил еще пророк Исайя в Ветхом Завете: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (Ис. 64:4). То откровение, которое давалось человеку в его истории отношений с Богом, не может быть адекватно передано на языке нашего земного опыта. Говорить о нем можно только *апофатически*. И это не случайно, ибо само человеческое предчувствие Истины, отвечающей человеческой свободе, не позволяет свести ее до какого-то образа или понятия. От этого опыта *предчувствия* Истины шел и Достоевский в своем художественном творчестве. Конечно, яды утопизма еще действуют в сознании писателя, и он не может как Новгородцев сказать, что не естественным развитием человеческих отношений, а их чудесным перерывом, катастрофой, то есть новым вмешательством Бога мыслится для него окончательное разрешение социальных противоречий, но, тем не менее, *мудрость художника*, поверх всех рассуждений и модных теорий, не позволяет Достоевскому принять ту сладкую картину, которую *он видит вместе со своим героем*, за воплощение идеала и не позволяет ему занять место в ряду заурядных утопистов... Мы еще вернемся к этому ниже.

8. Религиозная перспектива рассказа. Под *религиозной перспективой* мы понимаем те предельные онтологические и эпистемологические представления, в рамках которых существует все, изображаемое в рассказе. Можно бы было назвать это и мировоззренческой перспективой. Однако в рассказе явно ставится вопрос о спасении человечества от зла и о смысле зла, об Истине и характере коммуникации с ней, что явно связано с религиозными коннотациями, поэтому мы и предпочитаем термин религиозная перспектива. В рассказе нет слов Бог, Творец, Абсолют, и т. д., но можно, тем не менее, выделить представление о Высшей силе, господствующей в мире и, в конце концов, за все происходящее в мире ответственной. Это представление появляется впервые в сне нашего героя, когда он, похороненный после своего самоубийства, лежит в гробу. Поначалу герой ничего не чувствует, никакого ужаса от пребывания в могиле, так как и представляла это его заолодевшая в атмосфере глубокого нигилизма душа: ведь все равно... «Но вот вдруг на левый закрытый глаз мой упала просочившаяся через крышку гроба капля воды, за ней через минуту другая, затем через минуту третья, и так далее, и так далее, все через минуту» [XXV; 119]. Представление об этой медленной пытке, которая будет продолжаться непонятно сколько времени, глубоко возмущает нашего героя. Ведь он только что покончил с собой, желая уйти и от обычных человеческих страданий, и от бессмысленности человеческой жизни, в которой все равно! И зачем же, только затем, чтобы подвергнуться этой новой изощренной и бессмысленной пытке? Все это вызывает глубокое негодование в сердце героя, и он, почти поневоле, бросает вызов... кому? Герой сам не знает этого, но произвольный вызов его обращен, тем не менее, к некой *личности*. «И вдруг я воззвал, не голосом, ибо был недвижим, но всем существом моим к *властителю всего того, что совершалось со мною*: “Кто бы ты ни был, но если ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здесь. Если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство мое — безобразием и нелепостью дальнейшего бытия,

то знай, что никогда и никакому мучению, какое — бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжении миллионов лет мученичества!..” Я воззвал и смолк» [XXV; 119]. Возглас этот, хочется даже сказать, *ультиматум*, в высшей степени любопытен. Герой, по видимости, не является верующим человеком. Однако он не исключает возможности того, что мир управляем неким личным существом, «властителем всего того, что с ним совершается». Чисто логически здесь предполагаются три типа *мировоззренческих горизонтов*, в которых звучит возглас героя. *Первый*: может быть, и нет никакого Абсолюта, никакого Властителя, например, есть только безличные законы материальной природы, управляющие всей вселенной, и тогда все человеческие страдания, ценности и упования, включая и страдания живого человека, лежащего в гробу, суть только лишь *эпифеномены*, и вопиющая бессмысленность их также только *эпифеномен*, ибо последний смысл всего заключен только в движении материальных частиц в пространстве и времени и..., как говорится, обижаться не на кого. В этом мировоззренческом горизонте фактически нет никакого религиозного измерения. *Второй горизонт*: существует некое личное начало, стоящее над миром, и как-то ответственное за все, что в нем происходит. Это существо может быть разным, оно может быть и совершенно безучастным к судьбе человека, и бессильным перед лицом мирового зла, а то и само являться его причиной и т. д. Множество этих возможностей предоставляет нам картина мировых религий. Герой «Сна» обращается к этому гипотетическому существу с надеждой на сочувствие: если есть что-то разумнее этого унижительного и бессмысленного страдания, то пусть оно будет явлено, хотя бы даже и в качестве какого-то *объяснения* этого страдания. И этот второй мировоззренческий горизонт имеет явно религиозный характер: есть надмирная сила, вносящая смысл во все существующее, сила имеющая, по видимости, — так как к ней можно обращаться с просьбами и вопросами, — личный характер. Однако, в качестве объяснения может выступать и идея *загробного возмездия* за совершенное в жизни, аналогично тому, как понимает это христианство. Герой наш, конечно, знаком с этой концепцией, и он решительно заявляет свое несогласие с ней, во всяком случае, в применении к своему случаю. Он готов согласиться, что самоубийство его неразумно, можно даже сказать, ребячески кощунственно, но... но разве вся бессмысленность его земного существования, его страдания физические и нравственные, существование зла в мире вообще не ставят вопрос об ответственности Высшего существа за все это? Ведь это именно оно, если и не сотворило само этот мир, то, во всяком случае, и не исправило его! Разве справедливо возлагать ответственность за совершенное в жизни зло на человека, существо по определению слабое и малодушное, — во всяком случае, по сравнению с Творцом этого мира! — и подвергать его таким издевательским страданиям после смерти?.. Короче, все классические пункты теодицеи служат для героя пунктами обвинения Высшего существа, если оно специально, в наказание подвергает его мучениям в гробу. И это есть *третий мировоззренческий горизонт*, также имеющий религиозный смысл, уже более традиционный, близкий к христианству (но, конечно, не только). В этом, последнем случае важно не только то, что Высшее существо предполагается личностью, с которой можно общаться, но и, в особенности, то, что герой наш как бы вызывает эту личность на поединок: если

загробные страдания суть возмездие за самоубийство, то я миллионы лет буду молча презирать тебя!.. Кажется бы, несовместимые онтологические реальности — Творец или Управитель мира, с одной стороны, и слабый, смертный и нравственно несостоятельный человечиска, с другой, но, однако, по *персоналистической* логике Достоевского это не просто соизмеримые сущности, но и *равные* в своем отношении к Истине: объясняющая Истина высшего существа должна удовлетворять и запросам разума человека, иначе эта истина достойна презрения и, вообще, не есть Истина. Конечно, в позиции героя очень много гордыни, и мы поговорим об этом еще ниже, но вместе с этой гордыней здесь и более благородное чувство: чувство онтологического достоинства личности, способной вопрошать даже Бога. Все это относится и ко второму мировоззренческому горизонту.

Именно в рамках второго мировоззренческого горизонта и продолжается дальнейшее действие сна. Итак, есть личное Высшее существо, Творец или Промыслитель мира, или то и другое одновременно, ответственное за смысл происходящего, и есть человек, человеческая личность, стоящая перед лицом этой высшей личности и взыскующая смысла. Третий вариант не реализуется, так как на вызов героя Высшая сила не просто выносит некий вердикт, а самым дальнейшим развитием сюжета как бы ведет с ним диалог, который должен привести героя к некоей истине. Некоторое время после своего воззвания герой ждет, твердо уверенный, что ответ будет, и вот, могила разверзлась и «...я был взят каким-то темным и неизвестным мне существом, и мы очутились в пространстве» [XXV; 119]. Любопытны характеристики, которые дает герой этому существу, несущему его через пространства. Оно *темное*, оно иногда отвечает на вопросы героя, но не всегда. Темноте этого существа соответствует «какая-то печаль» [XXV; 111], звучащая в его ответах. «Я знал, — говорит герой, — что оно имело как бы лик человеческий. Странное дело, я не любил это существо, даже чувствовал глубокое отвращение. Я ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце. И вот я в руках существа, конечно, не человеческого, но которое *есть*, существует...» [XXV; 110]. Что же это за своеобразный «темный Вергилий», молчаливый и печальный? Это не есть сама Высшая сила, но, несомненно, посланник этой Высшей силы, ангел ее. Этот темный ангел несет героя через пространства к Земле в состоянии «Золотого века», на которой герой еще глубже познает свою собственную душу, свою грешную природу. И на восторги героя, увидевшего как они приближаются к Земле был ответ: «Увидишь все, — ответил мой спутник, и какая-то печаль послышалась в его слове» [XXV; 111]. Этот посланник несет не радостную весть об истине, о возможности жизни без зла, — хотя и переносит героя в «Золотой век», — а тяжелую истину о коренной греховности человека, которую не исправить никаким изменением «среды», как говорили во времена Достоевского. Как в средневековом представлении о посмертном суде за душу человека борются два ангела, один светлый и другой темный, падший, причем первый приводит записи о добрых делах, а второй о злых, совершенных умершим, так и здесь, в рассказе, мы видим как бы отражение этой идеи. Но в рассказе только темный, падший ангел несет героя, чтобы показать ему всю глубину его нравственной испорченности. И герой не любит этого вожатого и даже чувствует к нему отвращение...

Необходимо отметить переключку сюжета «Сна смешного человека» с традиционными православными представлениями о посмертной судьбе человека. Согласно последним¹, первые два дня после своей смерти душа умершего «скитается по земле», ходит по местам, которые она любила, и на третий день возносится на поклонение Богу. С 4-го по 8-й день душе показываются все красоты рая, всю благодность тамошней жизни. Душа восхищается и в то же время трепещет, боясь, что не попадет в эти райские обители. На 9-й день душа опять возносится к Богу. С 10-го же по 39-й день «...Владыка всех повелевает провести душу по аду и показать ей находящиеся там места мучения, разные отделения ада и разнообразные мучения нечестивых, находясь в которых души грешников непрестанно рыдают и скрежещут зубами»². После чего в 40-й день Бог определяет место пребывания души до Всеобщего воскресения. Достоевский был, конечно, знаком с этими представлениями, широко распространенными в русском Православии, и нам думается, что сюжетная канва рассказа имеет свой корень именно в этой традиции. Но любопытно то, что в своем рассказе писатель, так сказать, *имманентизирует* церковные представления. Религиозные онтологические различия между раем и адом *смазываются* чисто психологической установкой — все происходит во сне; более того, все происходит в душе одного человека: и рай и ад находятся в нем самом, он сам их порождает; если рай и ад в православном понимании разделены и нет перехода из одного в другой³, то у Достоевского это один мир, просто в разных его состояниях, соединенных причинной связью (грехопадением); и что очень характерно, в «Сне» нет никакого *вознесения к Богу*. О Боге мы еще поговорим ниже, но сейчас лишь важно отметить, что именно из этих устоявшихся в русском Православии представлений о загробной участи человека и происходят многие сюжетные и характерологические особенности рассказа. В частности, и этот образ вожакого, «темного Вергилия», которого герой не любит.

9. Гордость и метафизика. «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я все еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде», — начинает свое повествование герой «Сна» [XXV; 104]. Чем же смешон смешной человек, и почему объявление сумасшедшим есть «повышение в чине»? Герой говорит, что он был смешон всегда, и в детстве, и в юности: «Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого рождения. Может быть, я уже с семи лет знал, что я смешон. Потом я учился в школе, потом в университете и что же — чем больше я учился, тем больше я научался тому, что я смешон» [XXV; 104]. Из рассказа, вообще говоря, неясно, в чем же причина того, что герой смешон. И опять, ответы на эти вопросы мы находим в духовной генеалогии героя, в «Записках из подполья». Здесь не только констатируется, что «...человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур» [V; 119], но дается и подробное исследование этой

¹ См., например, исследование: Тихомиров Е. Загробная жизнь или последняя участь человека. Калуга, 1995.

² Цит. соч. С. 153.

³ В евангельской притче о богаче и Лазаре Авраам, будучи в раю, говорит пребывающему в аду богачу: «...между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лк. 16:26).

«комичности». Ближайшим образом, это социально-психологическая несостоятельность героя из подполья. Социально-психологическая потому, что петербургский коллежский асессор чувствует себя просто винтиком в бюрократической машине имперского Петербурга, от него, практически, ничего не зависит, — а он зависит от всех! — потому что он *маленький человек*, и его *человечества* никто, собственно, и замечать не желает. Русская литература затратила достаточно усилий, чтобы обострить наше внимание к этому маленькому человеку. Однако Достоевский очень рано ушел от этого аспекта рассмотрения маленького человека. Он идет глубже, он показывает, что не только социально, но и *правственно* этот маленький человек несостоятелен. Крутыми зигзагами русской истории он был вырван из почвы традиционных народных ценностей, прежде всего, православия, а новые европейские он так и не сумел сделать своими (если вообще это возможно для русского человека!). Он научился критиковать и сомневаться, но, потеряв старую веру, он не нашел новой. Он научился искать смысл, но так и не обрел истины. Он чувствует *метафизическую зыбкость*, «подвешенность» своего существования: ответа на фундаментальные вопросы жизни, — в чем смысл жизни? почему добро лучше зла? откуда вообще зло в мире? есть ли надежда на то, что когда-нибудь восторжествует справедливость в мире? — он не знает. Он очень хорошо умеет критиковать ответы на эти вопросы, уж этому-то он научился, но положительного ответа не находит. Именно ощущение этой глубокой метафизической несостоятельности делает его нерешительным и смешным. «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым», — говорит о себе герой из подполья [V; 100]. Это ощущение собственного ничтожества почти сводит с ума героя Достоевского. Бесперывные самокопания парализуют всякую деятельность, герой не делает ничего существенного, но даже и лентяем не может себя назвать. «О, если б я ничего не делал только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть лень я в состоянии иметь в себе; хоть одно свойство было бы во мне как будто и положительное, в котором я бы и сам был уверен. Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это неприятно было бы слышать о себе. Значит, положительно определен, значит, есть что сказать обо мне. “Лентяй!” — да ведь это звание и назначение, это карьера-с. Не шутите, это так» [V; 109]. Поэтому и в «Сне» герой говорит, что если б его действительно считали сумасшедшим, то это было бы «повышение в чине».

Реакцией на это чувство внутренней несостоятельности является *гордость*. Герой Достоевского страшно — и парадоксально! — горд. Казалось бы, чем гордиться, если осознаешь свою несостоятельность, но так устроен человек, и броня гордыни помогает скрывать эту внутреннюю пустоту... «Гордость эта росла во мне с годами, — говорит герой «Сна», — и если б случилось так, что я хоть перед кем бы то ни было позволил бы себе признаться, что я смешной, то, мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера» [XXV; 104]. Головокружительные «виражи» этой гордости подробно продемонстрированы Достоевским в «Записках», в обеих частях повести, мы не будем здесь на этом останавливаться. Для нас сейчас важнее, что герой «Сна», который, как было сказано, как бы *духовно взрослее* сорокалетнего коллежского асессора «Записок», отмечает,

что со временем, он стал спокойней относиться ко всему этому «миллиону терзаний» своей гордости. Внимание героя переносится с вопросов личного самоутверждения в социуме на более принципиальные, *метафизические* вопросы. Именно здесь герой приходит к выводу, что не только в себе он не находит основы для нравственно осмысленного существования, но и в самом бытии, вообще, ее нет, что все равно... Если гордость есть болезнь духа, замуровывающая человека в колодце собственного одиночества, не позволяющая ему встретиться с Другим, то здесь, можно сказать, болезнь уходит еще глубже: гордость становится метафизической, гордость перед лицом возможного Творца мира. Верит ли человек в Бога или не верит, но он как бы делает вызов всякому *возможному Богу*: Отвечай! за все зло мира и за то, в частности, что... я такой! Мы уже отмечали выше, что в этом предстоянии — противостоянии Богу есть и другое начало, а именно, начало метафизического достоинства человека: Сотворен я Тобою или нет, но у меня есть разум, и Ты должен дать ответ перед лицом моего разума, иначе какой же Ты Бог!.. Но Достоевский тщательно отличает эти начала. Вот, темное существо несет его через бесконечные пространства. «Я не спрашивал того, который нес меня, ни о чем, я ждал и был горд. Я уверял себя, что не боюсь, и замирал от восхищения при мысли, что не боюсь» [XXV; 110]. Герой только что, в могиле, сделал вызов «властителю всего» и последний, — кто бы он ни был! — явно ответил, и вот ему, маленькому человеку, над которым все смеялись, даются такие откровения! Значит не такой уж он и маленький и смешной!.. Это наполняет нашего героя гордостью и уверенностью. Но вот, новые мысли опять подводят к фундаментальным вопросам: «И вот я в руках существа, конечно, не человеческого, но которое *есть*, существует: “А, стало быть, есть и за гробом жизнь!” — подумал я с странным легкомыслием сна, но **сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубине**: “И если надо *быть* снова, — подумал я, — и жить опять по чьей-то неустранимой воле, то **не хочу, чтоб меня победили и унизили!**” (выделение жирным мое. — В. К.)» [XXV; 110]. Вот он, подпольный человек, во всей глубине своей сущности! Вот он, во всей и гордыне и метафизике своего существования! Не случайно Достоевский считал «подпольного человека» своим открытием. Подойдя к этому образу, первоначально, чисто психологически и социально, со временем он открыл в нем фундаментальные проблемы бытия личности, ее противостояния миру и Богу. Наряду с морально-психологическими проблемами, — *гордыня!* — здесь все большую роль начинают играть проблемы философские и религиозные: личность, которая в принципе есть все, которая в своем волевом выборе может все оценить и оспорить, натываясь на свою тварную границу, — жить по чужой воле! — оказывается перед серьезной метафизической проблемой. Речь идет уже не просто о том, чтобы пожить по своей воле так или иначе, речь идет о том, что сам по себе выбор жить или не жить был мне навязан, не являлся свободным выбором моей воли. Вызов возможному Творцу делается уже в отношении самого бытия: **зачем Ты сотворил меня, не спросив меня прежде?!..** Достоевский специально подчеркивает это выделяя курсивом слова *есть* и *быть*. После Кириллова и Ставрогина из «Бесов» такие вопросы, конечно, уже и не удивительны. Для нас важно лишь подчеркнуть здесь на какой духовной глубине «работает» текст Достоевского, анализирующего, казалось бы, всего-навсего гордость героя.

10. Страдание как медиум истины. Тема страдания человека и, шире, всей твари, — сквозная для Достоевского. Можно смело сказать, что это одна из основных тем русского писателя. Эта тема «спасала» Достоевского от полного забвения и в годы советской культуры. Узколобая марксистская критика всегда подчеркивала мастерство писателя в изображении «страдающих трудящихся». И это отчасти так, страдания низших классов общества всегда создают определенный фон произведений Достоевского. Однако тема страдания, конечно, важна для писателя в гораздо большем объеме, она не вмещается только в социологический или психологический контекст и по настоящему может быть осмыслена только в философско-религиозном рассмотрении. Ключевую роль играет тема страдания и в «Сне смешного человека». Вот темное существо, несущее героя через пространства, приближается с ним к Земле. Поначалу все это вызывает в герое изумления и восхищение: То же наше Солнце! Та же наша Земля! Как это возможно?.. Но вот отношение его вдруг резко меняется. «...Мы быстро приближались к планете. Она росла в глазах моих, я уже различал океан, очертания Европы, и вдруг странное чувство какой-то **великой, святой ревности** возгорелось в сердце моем: «Как может быть подобное повторение и для чего? Я люблю, **я могу любить** лишь ту землю, которую я оставил, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрелом в сердце мое погасил мою жизнь. Но никогда, никогда не переставал я любить ту землю, и даже в ту ночь, расставаясь с ней, я, может быть, любил ее мучительнее, чем когда-либо. Есть ли мучение на этой новой земле? На земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. **Я хочу мучения, чтобы любить.** Я хочу, я жажду в сию минуту целовать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!.. (выделение жирным мое. — В. К.)» [XXV; 111–112]. Чем же «мучительная любовь» лучше просто любви? Что за *святая ревность* загорелась в сердце героя? И полностью, в соответствии с этой ревностью, герой рассказывает об истории падения в этом новом мире. «Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих. Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, **но любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны.** Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней появилось горе. Увы, я всегда любил горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а об них я плакал, жалея их (выделение жирным мое. — В. К.)» [XXV; 117]. Мы опять возвращаемся к главному вопросу, ответ на который мы отчасти уже знаем. Почему оскверненная земля дороже герою «Сна», чем рай? Потому что этот рай, как и всякий *конкретный образ* жизни без зла, слишком груб, слишком «сусален», чтобы отвечать глубочайшим чаяниям нашего сердца; он предаст нашу свободу, наше *апофатическое* стремление к высшему, к идеалу и тем самым уже, не может быть истинным. Но почему герой **любит горе и скорбь, любит страдание** и считает, что они вносят особую ценность в мир? В чем, конкретно, состоит эта ценность, и в чем выгода для человека любить страдание?.. И как обычно, прототип героя из «Сна»,

герой «Записок» полностью того же мнения: «Не ошибается ли разум-то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит и страдание? Может быть, страдание-то ему ровно настолько же и выгодно, как благоденствие? А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт» [V; 119].

Итак, почему же человек любит страдание? И, следовательно, Золотой век менее ценен? Дело в том, что в Золотом веке *некого жалеть*, потому что там нет страдания. Нет страдания, нет и сострадания. А способность жалеть, пожалеть живое страдающее существо принадлежит к высшим и благороднейшим проявлениям человека в той антропологической перспективе, в которой существуют герои Достоевского. Заповедь Божия требует от человека любви к ближнему. Но это очень трудно, ведь этот ближний настолько несовершенен и безнравственен, настолько грешен. Жаление же, сострадание, проявление милосердия к ближнему есть, с одной стороны, как бы минимум любви, а с другой, — есть любовь *поверх* греха, коростой своей покрывающего и жалеемого, и жалеющего, любовь *сквозь* грех, *любовь, сочувствующая страданию грешника*, «из них же первый есмь аз»¹. Любовь — милосердие, любовь — жаление наиболее дороги Достоевскому. Почему? Возможны два тока любви: снизу — вверх и сверху — вниз. В любви снизу — вверх, в любви-восхищении я пассивен, энергии высшего существа, предмета любви поднимают меня вверх, к совершенству, спасают меня. В любви сверху — вниз, в любви — милосердии я сам выступаю как спасающее начало. Любовь — милосердие, может быть, наиболее выявляет *образ Божий в человеке*, и выявляет его *Богopodobие*. Как Бог через кеносис Сына Своего спасает человека, так и в любом акте милосердия человек, подражая Богу, стремится помочь страждущему. И выбор Достоевского в высшей степени национален: русский народ очень часто заменяет слово *люблю* словом *жалю*, подчеркивая эту спасающую энергию, заключенную в милосердии. Как бы переходя от абстрактного контекста взаимоотношений личностей к их конкретному историческому, грешному и горестному состоянию... Но «...свет во тьме светит, — говорит Евангелие, — и тьма не объяла его (Ин. 1:5)». Именно плачущая девочка, маленькое страдающее существо пробивает брешь в, казалось бы, наглухо задраенной и охладевшей душе героя «Сна». И возвращением темы этой девочки, рефреном темы милосердия, кончается рассказ: «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» [XXV; 119]. Конечно, отыскал для того, чтобы помочь ей, подвинутый на это со-страданием и жалостью. Так, страдание выступает у Достоевского почти необходимым *медиумом* духовного воскресения человека.

Тема страдания тесно связана с *темой греха*. Ведь в грехе всегда есть страдание. Грех, как противление воли Божией, писанным ли заповедям, или естественным, *написанным в сердцах*², всегда несет с собой страдание. Христос говорит в Евангелии: «...Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя мое легко» (Мф. 11:29–30). Следовать воли

¹ Молитва Иоанна Златоуста ко причащению.

² Апостол Павел пишет: «...Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» (Рим. 2:14–15).

Божьей, заповедям Бога — значит двигаться по естественным путям жизни, что легко и животворно. Борьба же с Богом и его установлениями не проходит просто, она всегда сопряжена со страданиями. И, собственно говоря, богословски, единственной причиной страдания является грех, противление человека Богу. Грех есть следствие человеческой свободы, *безблагодатной свободы*, свободы выбора, когда человек выбирает путь против Божьей воли. Наряду с этим, есть понятие *христианской свободы*, свободы от греха, свободы в Боге, т. е. свободы творить волю Божию. Милосердие, любовь — жаление есть проявление именно *христианской свободы*: выполнение заповеди Божьей о любви к ближнему, выполнение заповеди «Не судите!» Достоевскому, в конце концов, дорогá именно эта христианская свобода, свобода милосердия. Но чтобы пожалеть нужно иметь страдание, а страдание вытекает из греха, а грех из свободы формальной, безблагодатной... И здесь, в рассказе «Сон смешного человека», как и во многих других произведениях великого писателя, мы видим своеобразную диалектику свободы: как любовь к свободе христианской переходит в положительную оценку свободы вообще, свободы формальной. Хотя эта положительная оценка нигде прямо не высказана, но она всегда присутствует в рассказе, как соблазнительный и соблазняющий фон... Высказанное в форме известной русской поговорки, — не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься, — это звучит грубо и кощунственно и, насколько нам известно, нигде прямо не высказывается Достоевским. Однако соблазн именно такой диалектики греха и спасения нередко присутствовал в произведениях писателя. Именно этот соблазн подталкивал его всю жизнь к написанию «Жития великого грешника» [IX; 125–139], своеобразной параболы спасения, когда герой должен был претерпеть глубокое нравственное падение, сопряженное, скорее, с неким преступлением, а потом, постепенно, подвигом нравственного покаяния и христианской жизни подняться к высотам если не святости, то добродетели. Этот навязчивый сюжет был настолько значим для Достоевского, что почти все его большие романы, начиная с «Преступления и наказания», представляют собой как бы только первые части этого повествования. В плане христианской жизни сюжет этот, действительно, представляется определенным соблазном, так как, хотя в истории христианства и было немало святых, которые поднялись до святости из inferнальных глубин греха, разбойники, проститутки, гонители христиан и т. д., тем не менее, в Церкви немало примеров святых, которые с самого юного возраста выросли в ней, поражая всех своей моральной чистотой и благочестием (например, прп. Сергей Радонежский, прп. Серафим Саровский). С другой стороны, сюжет *кающегося разбойника* восходит непосредственно к Евангелию. По церковному пониманию именно *благоразумный разбойник*, — один из двух преступников, распятых на кресте вместе с Иисусом Христом, — раскаявшийся в своих грехах и исповедавший Христа Сыном Божиим, первым вошел в рай. В русской церковной культуре сюжет благоразумного разбойника в высшей степени популярен, еще более популярен он в народной культуре. Я подробно писал об этом в другом месте¹

¹ См. мою работу: Хождение по водам. Религиозно-нравственный смысл повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (Параграф «Милосердие») в любом издании, например: *Катасонов В. Н.* Христианство, культура, наука. М., 20011. С. 153–205.

и не буду здесь повторяться. Нам важно только отметить, что Достоевский здесь верен именно народной традиции русского понимания христианства и даже соблазн свой разделяет, вероятно, со своим народом...

Устами героя «Записок из подполья» Достоевский дает еще и другое объяснение ценности страданий, которое релевантно и позиции героя «Сна» и которое нередко встречается и в других произведениях писателя. «Страдание, например, в водевилях не допускается, я это знаю. В хрустальном дворце оно немислимо: страдание есть сомнение, есть отрицание, а что за хрустальный дворец, в котором можно усумниться?¹ А между тем, я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется². **Страдание — да ведь это единственная причина сознания.** Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения. Сознание, например, бесконечно выше, чем дважды два. После дважды двух уж, разумеется, ничего не останется, не только делать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будет, это — заткнуть свои пять чувств и погрузиться в созерцание. Ну, а при сознании хоть и тот же результат выходит, то есть тоже будет нечего делать, но по крайней мере себя иногда можно посечь, а это все-таки подживляет. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чем ничего (выделение жирным мое. — В. К.)» [V; 119]. Страдание как единственная причина сознания, эта мысль герои Достоевского повторяют во многих произведениях. Страдание порождает стремление уйти от него, порождает отрицание. Почти как Гегель, считавший отрицание движущей силой развития и жизни, Достоевский держится за страдание, как основу сознания, а значит и основу личности. И хотя любимые герои писателя, особенно в начальном периоде его творчества, сплошь и рядом мучаются своим буксующим в бесплодной бесконечной рефлексии сознанием и страстно завидуют «своему антитезу», «непосредственному человеку» [V; 104], тем не менее, опять, герои эти, как и сам писатель, ни за что не отдадут своего страдания, ибо мышление, порождаемое им, есть основа самой личности.

Не только отрицание и инстинктивное желание уйти от него порождает страдание. Порождая сознание, страдание, по Достоевскому, порождает и более или менее артикулированный вопрос о причине страдания, и вопрос о преодолении страдания не только настоящего и будущего, но и прошлого, и, в принципе, страдания всех времен — вопрос об *искуплении страданий*. Именно в этой метафизической перспективе берет писатель всегда тему страдания. Возможный прогресс человечества не может состоять в том, чтобы просто уничтожить страдание на Земле, установить справедливое общество, где не будет больше зла. Та позиция, которую высказывает Иван

¹ «Хрустальный дворец» — это, как известно, выпад против утопии, описанной в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Но в контексте «Сна» это также и аргумент против «Золотого века», в котором нет страдания и, следовательно, нет возможности для милосердия.

² Сравни у А. С. Пушкина песнь Вальсингама из «Пира во время чумы»:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья может быть залог!*

Более подробный разбор см. в: *Катасонов В. Н. Хождение по водам...* С. 169.

Карамазов, возвращающий Богу «билет» в райское будущее, поскольку в истории была хотя бы одна слезинка ребенка¹, в менее осознанной форме уже присутствует и в «Сне», и даже в «Записках». История не может быть линейной: до определенного времени в ней были страдания, а с какого-то момента исчезли. Не может быть, в смысле: *не должна быть!* Этому противится нравственное чувство человека: что же, все предыдущие поколения были только приготовлением к истинной человеческой жизни, которая началась только с определенного момента в истории, только мусором этой истории? Но ведь это тоже были люди, такие же как мы!?. Ведь никакого особого изменения антропологического типа в истории не наблюдается, и какой же тогда смысл в этом разделении человечества на спасенных от зла и мучимых злом, и погибших от него?.. Или этого смысла нет вообще и история только «дьяволов водевиль»?.. Из аналогичных же соображений не может герой «Сна» просто, так сказать, *отбросить* всю предшествующую историю и счастливо зажить в «Золотом веке». А как же все предшествующие поколения людей, их страдания, страдания маленькой девочки, мои собственные страдания на Земле?!.. Присутствие той же идеи чувствуется и в рассуждении о бесчестном поступке, совершенном на Луне или на Марсе, и об отношении к нему после, во время жизни на Земле. Дело не в том, что никто не знает на Земле об этом преступлении. Достоевский хочет сказать, что есть *непрерывность нравственной жизни*, из которой невозможно по произволу исключить тот или иной промежуток. События во времени начинаются и заканчиваются, а нравственный смысл их пребывает вечно, он не во времени, скорее, время в нем... И история не может закончиться просто так, в какой-то определенный момент. Для того чтобы все проблемы истории были разрешены, все узлы развязаны, — а иначе, какой же это конец истории? — необходимо, чтобы смысл всех событий был убедительно и окончательно проявлен и, прежде всего, смысл страдания. Выявление смысла страдания, — и страдания невинных, в частности! — есть начало искупления его... История нуждается в *искуплении*, только тогда нравственное чувство человека, его жажда истины будут удовлетворены. В «Сне» мы еще не видим ясной артикулированности этой идеи. Однако, как планета в поле тяготения невидимого солнца, все повествование здесь управляется этой все более прорастающей в интуиции писателя идеей.

11. Образ Истины. После своего пробуждения настроения героя «Сна» резко меняются. «О, теперь жизни и жизни! Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг принимал все существо мое. Да, жизнь, и — проповедь! О проповеди я порешил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, — что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу!» [XXV; 118]. Есть разные представления об истине: истина — теория, истина — идея, истина — личность... Особенно важен для нас последний образ, именно так как он понимается в христианстве: Истина — Личность, Истина — Христос. Вопрос об Истине с большой буквы есть всегда вопрос метафизический и религиозный. Уже вопрос об истине в эмпирических науках очень сложен и допускает множество различных

¹ Т. 14. Часть II. Книга 5. IV — Бунт.

² Слова Кириллова в последнем разговоре с Петром Верховенским [XX; 471].

интерпретаций: корреспондентная, прагматическая, конвенционалистская, инструменталистская теория истины и т. д. Говоря же об Истине с большой буквы, мы всегда включаем сюда и истину о человеке, о смысле его существования, о смысле истории. А это значит, что мы включаем сюда и вопрос о ценностях. Не только о том, что есть, но и о том, что должно быть, об Идеале, о Боге. Если истина есть только некоторая теория, скажем, научная или философская, которую надо открыть, сформулировать, для усвоения которой достаточно только способностей рассудка, — это одно дело. Тогда для усвоения истины безразличен, вообще говоря, вопрос о добре и зле, истина одинаково открыта и доброму и глубоко безнравственному человеку, лишь бы не потерявшему рассудок. Если же усвоение истины затрагивает всего человека, не только его рассудочную часть, но и волю, или в свято-отеческом христианском понимании, — *целостный человеческий разум*, частью которого является и воля, то тогда для усвоения истины уже недостаточно одних рассуждений. Человек должен не просто усвоить новый взгляд на вещи, он должен измениться вместе со своей волей, со своими желаниями, и только так может быть осуществлено *приобщение истине*. Приобщение истине тогда есть некий процесс трансформации человеческого существа, для которого более удобен религиозный термин *инициация*. Еще более глубокое изменение претерпевает, согласно церковному пониманию, христианин, соединяющийся с Истиной, которой является Сам Христос — Бог Слово, Второе лицо Пресвятой Троицы. В этом усвоении Истины, происходит *преображение* человеческого естества, соединение с Богом, делающее человека *Богом по благодати...* Поэтому вопрос об образе Истины всегда есть вопрос философски — религиозный и, в рамках нашей статьи, есть продолжение обсуждения вопроса о религиозной перспективе рассказа «Сон смешного человека».

Истина, о которой говорит герой «Сна», ближайшим образом, есть некая картина, *образ*: «Но как мне не веровать: я видел истину, — не то, что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей (курсив Достоевского. — В. К.)» [XXV; 118]. Истина, которую узнал и которую проповедует герой есть не формула, не некая физико-математическая теория науки, и вообще не научная истина, а живой образ, который стоит перед его внутренним взором, который герой наш любит, и который побуждает героя к проповеди. Последнее особенно важно: истина обладает здесь определенной *энергетикой*, она побуждает героя рассказывать о ней всем, распространять ее, проповедовать ее. В то же время, здесь налицо и некоторая двойственность: с одной стороны, истина эта, «...которую биллион раз повторяли и читали...», есть старая известная максима: «...люби других как себя, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» [XXV; 119]. С другой, это есть, как несколько раз повторяет герой рассказа, «живой образ» истины: «...живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит» [XXV; 119]. Этот живой образ истины действительно *ответчив*, он находится в жизненном диалоге с героем: «Знаете, я хотел даже скрыть вначале, что я развратил их всех, но это была ошибка, — вот уже первая ошибка! Но **истина шепнула мне**, что я *лгу*, и охранила меня и направила (выделение жирным мое. — В. К.)» [XXV; 118]. Живой образ истины

может шепнуть, подсказать и направить. Этот живой образ у Достоевского есть почти личность, и личность необыкновенная, знающая не только *то, что есть*, но и *как надо*. Может быть, это и есть Христос?.. Это ведь так близко к Живому Богу, поправляющему и направляющему человека через его совесть. Однако целое рассказа заставляет сомневаться в этом.

Вопрос об образе истины у героя естественно соотносится и с образом истины у людей «Золотого века». В IV разделе «Сна», где герой рассказывает о жизни в «Золотом веке», мы читаем: «Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса. У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» [XXV; 114]. Соприкосновение со вселенной, с Целым вселенной, большее или меньшее... Однако это соприкосновение только со вселенной, а не с Творцом этой вселенной. Скорее некоторое пантеистическое чувство стоит у жителей «Золотого века» на месте веры в Бога. Аналогично, и в начале рассказа о Земле «Золотого века» Достоевский пишет: «О, я тотчас же, при первом взгляде на их лица, понял все, все! Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители...» [XXV; 112]. Земля, не оскверненная грехопадением... Но *грех есть нарушение воли Божией*. Иначе, нравственное несовершенство существ вполне совместимо с другими, чем библейская, историями происхождения людей. Нравственное несовершенство, себялюбие, жадность, порочность могут толковаться тогда, например, как некоторая недоразвитость на пути эволюционного развития. Никакого греха в этом смысле нет, не существует, а есть только более или менее высокие ступени нравственного развития...¹ Грехопадение и грех предполагают некоторую заповедь от одного лица к другому, заповедь, которая была нарушена. Но в «Золотом веке» другого лица, кроме самого счастливого человечества, нет. Стало быть, и употребление слова грех здесь условно, смысл его здесь несобственный.

Необходимо отметить, что признаваясь, что это именно он развратил всех, герой рассказа не может конкретно объяснить, как это началось: «Как это могло совершиться — не знаю, не помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиной грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [XXV; 114]. Это уклончивое, метафорическое описание грехопадения характерно отличается от точного и ясного описания Библии. Любопытно, что и описывая ступени грехопадения в «Золотом веке», Достоевский начинает со лжи: «Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи» [XXV; 115]. Но ложь есть *следствие* грехопадения. В своем существе грехопадение Адама (Евы) есть *своеволие*:

¹ Хотя и тогда встает серьезный вопрос как понимать *совершенствование*, восходящее развитие в эволюции.

есть неверие Богу и нарушение Его заповеди. Только потом, по Библии, явилась ложь, когда Бог стал допрашивать Адама. По Достоевскому же лестница грехопадения следующая: ложь — сладострастие — ревность — жестокость — убийство и т. д. Конечно, все это есть описание некоторой нравственной деградации, однако, это не может являться грехопадением, поскольку изначально в том мире, который описывает писатель, нет Божественного законодателя, заповеди которого бы нарушались. Мы помним, конечно, что в начале своего сна герой, еще находясь в гробу, «воззвал к виновнику всего того, что с ним совершалось»; мы помним, также, что некоторое темное и скорбное существо переносило героя к Земле «Золотого века». Однако личность этого «виновника» остается непроявленной и отнюдь не создает *теистической* религиозной перспективы в рассказе¹; тем более не делает этого и темное существо, которое исполняет явно служебную функцию. Религиозная перспектива «Сна смешного человека» остается *двусмысленной*.

12. Кристоантхрист. Не может не привлечь внимания завершение сна героя. После нравственного падения всего «Золотого века», герой чувствует себя глубоко виновным, ибо это он принес в этот прекрасный мир все разлившееся в нем зло. «Я простирал к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что все это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли» [XXV; 117]. Что здесь происходит? Герой хочет быть распят на кресте за грехи человечества, причиной которых он-де является. Герой, что, хочет быть новым Христом?.. Да, Христос был распят на кресте за грехи человечества, которые взял на себя. Но **он не был причиной этих грехов**. Во Христе, согласно церковному учению, соединились без смешения два естества: полнота Божественного и полнота человеческого. Причем в человеческом естестве Христа не было греха! Герой же сна есть по определению грешный человек, у которого есть только одно отличие от людей этого нового мира: он был перенесен в этот мир из другого и именно он был источником греха и растления в «Золотом веке». Но в библейском понимании источником растления был дьявол, Сатанаил. Поэтому естественно возникает гипотеза: не является ли духовной пружиной, внутренним движущим импульсом образа героя **во сне** именно Сатана, источник зла в творении? Мы подчеркиваем, именно, во сне, потому что пробудившийся герой как бы исцеляется от этой враждебной добру силы. Эта гипотеза подтверждается тем, что герой «Сна» приходит («прилетает») в «Золотой век»... из могилы, то есть, вообще говоря, из ада. В этом трудно сомневаться именно потому, что в начале сна он совершает один из самых страшных в христианском понимании грехов для человека, кончает жизнь самоубийством. То

¹ Бахтин считает, что герой «Сна», воззвав из могилы «к виновнику всего того, что с ним совершалось», воззвал к творцу мира (*Бахтин М. М. Проблемы...* С. 263). Это может быть и так, и мы также отдали должное этой гипотезе (см. выше), но кто ему ответил — это другой вопрос, на который мы пытаемся ответить в следующем параграфе. Впрочем, в то же время Бахтин пишет: «Но доминирует здесь в жанровом отношении античный тип мениппеи. И вообще в «Сне смешного человека» господствует не христианский, а античный дух» (Цит. соч. С. 255).

наказание, которое достается ему в могиле, действительно ужасно своим бессмысленным издевательством. Это, как мы помним, выражает и сам герой: «Если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство мое — безобразием и нелепостью дальнейшего бытия...» [XXV; 110]. Но именно здесь в могиле, в аду герой получает и своеобразную *инициацию* ада. Герой, как мы знаем, и так всегда был горд. Но тут перед вызовом этого вечного мучения живого погребения он демонстрирует воистину *демоническую гордыню*: «...знай, что никогда и никакому мучению, какое бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжении миллиона лет мученичества!..» [XXV; 110]. Тому презрению, которое испытывает к человеку и его мучениям владыка ада, герой противопоставляет презрение свое, молчаливое и упорное, хоть на «миллион лет»! Титаническое духовное усилие этого вызова как бы переплавляет всю душевную субстанцию нашего героя, осуществляя инициацию *демонической гордыней*... И твердыня ада поколебалась, «властитель всего происходящего» (в аду) ответил: героя забирает из могилы некое темное существо. В этом смысле становится и ясней основная характеристика существа, которое несет героя: *темное* существо, то есть служебный дух ада, которого герой «не любил» и, «даже чувствовал глубокое отвращение» [XXV; 110]. Мы уже отмечали выше, как во все время полета герой постоянно ощущает присутствие своей гордости и когда он осознает, что опять зависим от кого-то, он восклицает: «И если надо *быть* снова... и жить опять по чьей-то неустранимой воле, то не хочу, чтоб меня победили и унизили!» [XXV; 110]. «Сущность моего сердца, — пишет Достоевский, — оставалась со мною во всей глубине...» [XXV; 110]. Эта сущность есть безумная гордыня существа зависимого, в принципе, тварного, и, в то же время, желающего быть выше всего существующего... Эту инициацию получил герой в могиле, в аду, и именно с таким духовным «багажом» приближается он к планете «Золотого века». И судя по кратким замечаниям писателя, эта инициация продолжается и во время полета: «Страх нарастал в моем сердце. Что-то немо, но с мучением сообщалось мне от моего молчащего спутника и **как бы пронизало меня** (выделение жирным мое. — В. К.)» [XXV; 111].

Любопытно также, что несомый темным существом герой вдруг замечает в крошечной темноте звездочку, только одну. «“Это Сириус?” — спросил я, вдруг не удержавшись, ибо не хотел ни о чем спрашивать (по гордыне. — В. К.). — “Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой”, — отвечало мне существо, уносившее меня» [XXV; 110]. То есть, это была именно *та самая звезда*, которая дала герою решимость убить себя этой же ночью!.. Мы читаем в начале рассказа: «Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя... Я все ждал минуты. И вот теперь эта звездочка дала мне мысль, и я положил, что это будет *непрерывно* уже в эту ночь» [XXV; 105–106]. Герой со своим темным вожатым несутся через пространства, но за ними все время как бы наблюдает — или ведет!? — таинственная звезда, наяву побудившая героя к самоубийству, а потом, — хотя жалость к маленькой девочке и остано-

ла героя, — потом, опять реализовавшая этот смертный грех во сне!¹ Герой сошел в результате в ад, пережил там пароксизм демонической гордыни и вот, опять, сопровождаемый этой звездой, несется в бесконечных темных пространствах. Пытаясь найти какое-то имя для этой звезды, затерявшейся в черных бесконечностях пространства, как-то персонифицировать эту сущность мы приходим к имени Люцифера, Денницы, духа восстания и отца гордыни, одинокого источника безжизненного света, так позже христиане стали называть Сатану, начало и источника зла...

И вот, этот человек, получивший инициацию сатанинской гордыни, развращает все человечество, а потом начинает жалеть его, плакать о нем и рваться на крест, чтобы искупить все грехи человечества. Жажда, необходимость этого искупления очевидны в рассказе, как очевиден и парадокс: для искупления человечества нужна чистейшая Жертва, Агнец Божий, безгрешный Христос, а здесь на эту роль претендует грешное человеческое существо, одержимое, к тому же, сверхчеловеческой сатанинской гордыней. Чем же может быть это существо, как не пародией, карикатурой на Христа — Искупителя, как не предсказанным антихристом... И конец сна героя в «Сне смешного человека» есть парадоксальная попытка *покаяния антихриста*... Такова внутренняя логика образа героя во сне. Мы не утверждаем, что Достоевский однозначно вкладывал именно идею антихриста в поведение своего героя во сне. Скорее, эта идея, благодаря бесстрашному и бескомпромиссному таланту писателя сама рвалась к воплощению, может быть, даже, и вопреки намерениям самого писателя...² Неслучайно конец сна героя как бы оборван: «Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце мое стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся» [XXV; 117]. Достоевский как бы сам чувствует, что «слишком далеко зашел» в этой захватывающей и опасной игре с художественным образом, что сюжет этот и материя эта требуют более внимательного продумывания, и... будит своего героя.

13. Заключение. По своему идейному и духовному содержанию рассказ «Сон смешного человека» представляется сложным синкретическим целым. Именно это смешение разнородных духовных начал, обусловленное, прежде всего, гениальной способностью Достоевского открывать и изображать *живую* субстанцию образов³, оставляет у внимательного читателя всегда

¹ Любопытно то, что герой во сне убивает себя другим способом, чем было задумано: «Вдруг приснилось мне, что я беру револьвер и, сидя, наставляю его прямо в сердце — **в сердце, а не в голову**; я же положил прежде непременно застрелиться в голову и именно в правый висок» [XXV; 109] (выделение жирным мое. — В. К.). Злая сила, толкающая героя на самоубийство, как бы пытается нейтрализовать орган нравственной жизни — сердце. Именно сочувствие, милосердие — чувства, коренящиеся в сердце человеческом, породили в герое размышления и отдалили роковой выстрел.

² Примеров того как «материя» художественного образа проявляет свою внутреннюю сопротивляемость и жизненность, с которой с трудом справляется, иногда, писатель, можно много найти в черновых материалах у Достоевского. Достаточно, например, только посмотреть, как боролся Достоевский с все разрастающимся образом Свидригайлова из «Преступления и наказания» [Т. 7]. И именно эта бесстрашная правдивость, верность внутренней логике образа делает Достоевского *исследователем* и философом.

³ См. понятие *образ идеи* у М. М. Бахтина (*Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1972. Глава 3. Идея у Достоевского).

ощущение некоторой двусмысленности и тайны, заключенной в этом рассказе. Кроме того, чрезвычайно значим всегда конфликт между *художником* и *мыслителем*: чувство правды художника, провидца и визионера, все испытывающего опытом сердца, все время спорит с рассуждениями мыслителя, тесно связанными с идейной атмосферой своего времени, с его теориями и верованиями. Еще раз: необходимость в *Искупителе*, в Иисусе (греч. форма евр. слова *Иешуа* значит *Спаситель*) в рассказе очевидна, как была она всегда очевидна для Достоевского (см. параграф о страдании). Однако необходимости во *Христе* (греч. *Помазанник*, от евр. *Мессия*, означающего то же), то есть, в посланном Самим Богом Спасителе, имеющем полноту даров Святого Духа Первосвященнике и Царе человечества, в рассказе нет. Как нет и самого Господа Бога. На место Спасителя претендует сам человек, со всеми своими грехами и несовершенствами. В плане же традиционной богословской номинации последнее есть путь антихриста... Нельзя сказать, что Достоевский сам однозначно принимает в рассказе этот антихристов путь спасения. Это во сне его герой, получивший инициацию в аду, рвется искупить человечество на кресте. Проснувшись, он уже отказывается от таких радикальных и соблазнительных путей и идет, со смирением, проповедовать любовь между людьми. Но опять, должно заметить: в евангелии от Матфея на вопрос законника о том, какая заповедь в законе выше всего, Христос отвечает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40). Это целостная двуединая заповедь, данное самим Богом необходимое условие спасения. Мы видим, что именно вторую часть этой заповеди исполняет и призывает исполнять герой «Сна». О первой части нет и речи... На практике это оборачивается верой в силу чисто словесного переубеждения людей, в перевоспитание их только человеческими средствами. Но эта вера в возможность преодоления зла одной проповедью есть традиционная *утопия*. Чувствуется, что опыт увлечений социализмом, Фурье и Ж. Занд все еще не преодолен писателем во всей полноте, яды утопий все еще здесь. «То правда, — писал о. Георгий Флоровский в «Пути русского богословия», — что органического соблазна Достоевский до конца так и не преодолел. Он остается утопистом, продолжает верить в историческое разрешение жизненных противоречий»¹. Разве что, сознательное изображение героя юродствующим («смешной человек») говорит о том, что Достоевский все более решительно отходил от соблазнительных идеалов юности...

¹ Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 300.

Анастасия КОШЕЧКО

**СЕРДЦЕ КАК ДУХОВНО-
НРАВСТВЕННЫЙ
ФЕНОМЕН
В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Анастасия Николаевна Кошечко — филолог, литературовед, религиовед, доктор филологических наук, профессор, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания Томского гос. педагогического университета. Автор статей, монографий и учебных пособий, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, русской литературе XIX—XX вв., духовно-нравственному образованию и воспитанию, преподаванию учебных курсов, православной педагогике. Член Всероссийского методического объединения по ОРКСЭ и ОД-КНР. **Живет в Томске.**

Представление об экзистенциальном сознании Достоевского невозможно без рассмотрения вопроса о его аксиологии, ценностных доминантах, которые определяют мировоззренческие позиции писателя и реализуются в его художественном методе, получившем авторское определение «фантастического реализма», проблематике произведений и особом характере экзистенциального слова.

Аксиология (термин французского философа П. Лапи) понимается нами как область этики, изучающая проблемы добра и зла: «что такое добро, представляет ли оно собой объективное свойство определенных человеческих поступков или просто приписывается им нравственным сознанием? Каким способом люди усматривают добро и зло в поступках (оценивают их)? Каковы происхождение и природа понятия добра в моральном сознании людей?»¹.

Ценности лежат в основе субъектного отношения человека к миру, а потому всегда насыщены индивидуальными смыслами и их носителем всегда является живой, конкретный человек: «Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком»².

Работа писателя с ценностями подразумевает не только определение (собственно понятийный уровень), но и оценку (нравственный уровень), которая отвечает на следующие вопросы: «Что значит для

¹ Аксиология // Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 9.

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 55.

меня, моего внутреннего мира данное понятие? В какие моменты происходит его актуализация? Что данное понятие помогает мне осмыслить?» Ценность осуществляет преображающую миссию и по отношению к автору, и по отношению к его реципиентам (читателям, критикам, исследователям): в процессе ценностного самоопределения человека она выводит его на качественно новую метапозицию по отношению к самому себе и миру, она сохраняет в сознании историю развития внутреннего мира личности, а потому создает положительные предпосылки для дальнейшего духовного развития и самосовершенствования.

Представления Достоевского о человеке реализуются в особой аксиологической роли сердца (2658 словоупотреблений в общем корпусе текстов писателя¹), которое понимается писателем как средоточие личности, духовный и нравственный феномен, по сути, высшая форма развития сознания личности: «У сердца в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствованной им из логики рассудка. В него... вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как ценностный мир. Оно способно любить и ненавидеть слепо и разумно — так же, как слепо и разумно мы можем судить о чем-либо»².

Необходимо заметить, что открытие этого образа в литературе не является личной заслугой Достоевского. Он ориентируется на многовековую культурно-поэтическую традицию, которая охватывает разные сферы проявления аксиологического потенциала сознания личности (язык, фольклор, религия, литература, искусство и т. д.)³. Эта традиция организует экзистенциальное сознание Достоевского (и повседневно-экзистенциальную, и творческую ипостаси), становится «исходной моделью к художественным интерпретациям человека»⁴. Частотность слов и выражений, так или иначе связанных с семантикой сердца, в эго-текстах и произведениях писателя является проявлением сознательной установки, а не просто формальным следованием традициям сентиментализма.

Показательно, что культурно-поэтическая традиция, формирующая художественное «сердцеведение» Достоевского, его своеобразную поэтическую «кардиологию», входит в творческое сознание писателя в двух вариантах: фольклорно-мифологическом и православно-христианском, каждый из которых задает особый смысловой потенциал реализации этого феномена в тексте через соотнесение с бытовым и бытийным, профанным и сакральным уровнями существования человека, которые взаимодействуют и взаимодействуют друг в друга.

Фольклорно-мифологический пласт, определяющий первичный уровень содержания и репрезентации феномена «сердце», генетически восхо-

¹ Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 832 с.

² Шелер М. *Ordo amoris* // Избранные произведения: пер с нем.; сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной. М.: Гнозис, 1994. С. 359.

³ См. об этом: Владимирцев В. П. К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии // Фольклор и этнография: Сб. науч. трудов / Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 204–211.

⁴ Владимирцев В. П. Мотив «горячее-горящее сердце» у Ф. М. Достоевского (в срезях исторической поэтики, культурологии и этнографии) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1992. Вып. 2. С. 137.

дит к древнейшим, ритуально-языческим представлениям о сердце и его чудесных свойствах (способности воспламеняться, становиться источником огня и т. д.), которые реализуются в устных формах русских колдовских заговоров и заклинаний и переосмысляются в письменном варианте в первой половине XIX века. В этих текстах отчетливо проявляется ориентация на многослойность смысловой организации образа сердца, который используется и в прямом, прагматическом значении как объект действия магических, таинственных сил, и в непрямом, метафорическом, как обозначение человека и его внутреннего мира. Этот поэтический потенциал образа сердца повлиял и на его достаточно широкое распространение в художественных произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина¹, М. Ю. Лермонтова и др.

В этом отношении обращение Достоевского к «сердечной» образности является оправданным и закономерным как в силу его персональных мировоззренческих установок, так и в силу специфики его писательского дарования и глубокого интереса к проблемам **душевной** жизни человека: «В творческом расположении к “сердечным мотивам” в языке и метафористике и к таящимся за ними эмоционально-душевному состояниям. А главное — в силе и точности анализа сложных, запутанных отношений “сердца”, “слабого”, “горячего” или “разорванного”, с жизнью, с другими “сердцами”, наконец, с “бессердечием”»².

На уровне фольклорно-мифологической традиции Достоевский использует понятийно-символический потенциал феномена «сердце» преимущественно в характерологических целях. При этом важно учитывать, что Достоевский традиционно не делит своих героев на «положительных» и «отрицательных», но выражает свою оценку через использование образно-фразеологического потенциала слова: только определенная группа персонажей являются носителями спектра «сердечных» характеристик. В раннем творчестве — это Макар Девушкин и Варенька в «Бедных людях», господин Голядкин в «Двойнике», Катерина и Мурин в «Хозяйке»; в позднем, послекаторжном периоде — это Раскольников в «Преступлении и наказании», капитан Лебядкин в «Бесах», Аркадий Долгорукий в «Подростке», Митя и Алеша в «Братьях Карамазовых». Всех этих героев, разных по многим позициям, объединяет принципиальное для Достоевского качество — «русское “горячее сердце”, народное в своих архетипических основаниях, “знаменитое” не только безудержем, но и способностью к подвигу великодушия, высшей человечности»³.

Традиционное для русской демократической культуры представление о сердце как «обиталище души»⁴ определяет стилистику разговора о чувствах в эпистолярном диалоге героев «Бедных людей», которые используют широкий спектр возможностей «языка сердца», позволяющего передавать состояния от светлых, созидательно-созерцательных («у меня сердце так

¹ Ср. в поэме «Полтава»: «Пылает сердце старика, / Окаменелое годами».

² *Владимирцев В. П.* Мотив «горячее-горящее сердце» у Ф. М. Достоевского (в срезях исторической поэтики, культурологии и этнографии) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1992. Вып. 2. С. 138.

³ Там же. С. 143–144.

⁴ *Груздев В. Ф.* Русские рукописные лечебники. Л., 1946. С. 11.

и запрыгало!»¹ [Т. 1, С. 13]; «сияние такое было на сердце» [Т. 1, С. 19]; «у всех одна канарейка на сердце» [Т. 1, С. 61]; «Эта мысль иногда бывает, иногда приходит и тогда поневоле из сердца горячим словом выбивается» [Т. 1, С. 89], «тем драгоценнее вы будете моему сердцу» [Т. 1, С. 106]) до печальных, надрывных и даже глубоко трагических («все сердце изныло» [Т. 1, С. 18]; «У меня сердце кровью обливается при одном воспоминании» [Т. 1, С. 49]; «Зол он, Варенька, зол, уж так зол, что сердечка твоего не достанет, так он его истерзает укором, попреки да взглядом дурным» [Т. 1, С. 58]; «лучше бы сердце они из груди моей вырвали <...> Там вашему сердечку будет грустно, тошно и холодно. Тоска его высосет, грусть его пополам разорвет» [Т. 1, С. 106–107]). Отрицательный потенциал «сердечности» характеризует в повести «Двойник» движения души господина Голядкина: «оледенили сердце» [Т. 1, С. 144]; «так сердце насасывало, что... не знал, чем утешить себя» [Т. 1, С. 152]; «как будто кто сердце выедал из груди» [Т. 1, С. 187]. Образ «горячего сердца» как символа богатства души, страстности и стойкости в трудных жизненных обстоятельствах характеризует первую из «инфернальниц» Достоевского — Катерину, героиню повести «Хозяйка»² («тяжело-тяжело станет на сердце, горит оно» [Т. 1, С. 293]; «жжет сердце неугомонное» [Т. 1, С. 296]; «будешь ли слушать меня, горячее сердце» [Т. 1, С. 300]; «моему сердцу, молодому, горячему» [Т. 1, С. 307]) и Ордынова («Сердце его так билось, что в глазах зеленело и голова шла кругом» [Т. 1, С. 273]; «сердце Ордынова билось и ныло в смертной тоске» [Т. 1, С. 293]) и др.

Принципиально важно, что первичный, **бытовой**, фольклорно-мифологический уровень художественного освоения феномена «сердце», раскрывает **душевный** потенциал личности и формирует в текстах писателя область художественной психологии, ориентированной на народно-речевую традицию.

Второй смысловой уровень, **бытийный**, ориентирован на понимание этого феномена в ценностной парадигме православно-христианской традиции: «Сердце играет важнейшую, если не главную роль в духовной жизни человека. Сердце, по Священному Писанию, является органом всей симфонии душевных чувств, от сильнейшей радости до глубокой печали и скорби <...>, от восторженной любви до ненависти и ярости»³. Показательно, что Достоевский ориентируется и на русские, и на европейские версии понимания образного и аксиологического потенциала феномена сердца, творчески переосмысляя его в своих произведениях.

Частотность употребления в Библии слова «сердце» (в разных контекстах оно встречается более шестисот раз)⁴ позволяет наметить спектр основ-

¹ Ссылки на произведения Достоевского в квадратных скобках с указанием тома и страницы по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.

² Показательно, что в этой повести слово «сердце» встречается в различных контекстах более ста раз, причем большая часть фразовых единиц напрямую заимствована из фольклора («доброе», «слабое», «ретивое», «глупое», «плачущее» и т. д.).

³ *Лепяхин В. В.* Исихазм: содержание понятия и его границы // Лепяхин В. В. Икона и иконичность. Издание 2-е, переработанное и дополненное. СПб., 2002. С. 361–362.

⁴ Библейское «богословие сердца»: *Юркевич П. Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия // Труды Киевской Духовной

ных смыслов, составляющих бытийный уровень этого феномена как одного из важнейших элементов ценностной системы экзистенциального сознания Достоевского:

1. Сердце — орган мысли /Спаситель спрашивал книжников: «Для чего мыслите худое в сердцах ваших?» (Мф. 9:4, ср. Мк. 2:6, Лк. 3:15)/ и средоточие мудрости (Притч. 23:15, Исх. 28:3). В художественном мире Достоевского сердце является своеобразным инструментом познания тех сторон бытия, которые неподвластны разуму.

2. Сердце — это орган воли, решимости, решительности.

3. Сердце — это центр нравственной жизни человека, по своей функции оно совпадает с совестью или является «хранилищем» ее: «Сердце выступает в Священном Писании как духовный центр сознательного и бессознательного. Оно так глубоко, а внутреннее содержание его так таинственно, что во всей глубине оно неведомо не только другому человеку, но и самой личности. Сердце человеческое в полной мере знает только Бог, только Он ведаёт все тайные помыслы и намерения человека и, учитывая их, а не только внешние дела и слова, будет судить человека. Страшный суд — это «суд по сердцу»»¹.

4. Сердце является ядром личности, средоточием всех форм существования человека (сознательной и бессознательной, умственной и эмоциональной, нравственной и волевой и т. д.).

5. Сердце — поле искушения, борьбы доброго и злого начал в человеке, из сердца которого похищено слово Божие и его заменили злые помыслы и намерения: «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15:19). На наш взгляд, наиболее аутентичным для понимания специфики «пограничных ситуаций» в судьбах героев-идеологов Достоевского является именно понятие «искушение», которое отражает доминанту экзистенциального мировидения самого писателя и его героев и при этом обозначает духовный, а не социально-бытовой вектор поисков и постановки проблем. Писатель наследует православную традицию понимания искушения как выбора в ситуации, когда обнаруживает себя принципиальное несовпадение между нравственным и удобным, выгодным, правильным и легким, добрым и злым. И выбор этот — окончательный, «последний», поэтому так велика ответственность и так возможна ошибка, потому что в сердце человеческом полярные ценностные и антиценностные величины существуют в сложной диалектике и переплетении, сближении и отталкивании, *proetcontra*. Важно, что сами герои Достоевского во многом намеренно провоцируют эту ситуацию искушения, добровольно вводя в нее самих себя, чтобы проверить, разобраться, создать прецедент опыта, результаты которого на момент начала нравственного эксперимента над своим сердцем не очевидны. Такова участь героев-идеологов Достоевского, для которых «идея» и «натура» одинаково необходимы для осознания бытия и себя в бытии.

Академии. Кн. 1. 1860; *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 535–539; *Вышеславец Б.* Сердце в христианской и индийской мистике. Париж, 1929; *Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ.* Дух, душа, тело. Брюссель, 1978. С. 28–56.

¹ *Лепяхин В. В.* Исихазм: содержание понятия и его границы // Лепяхин В. В. Икона и иконичность. Издание 2-е, переработанное и дополненное. СПб., 2002. С. 362.

6. Задача христианской жизни — очищение сердца: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В сердце человека происходит «брань с сатаной», о которой говорит Достоевский, и в этой страшной борьбе с инфернальной силой человек был бы бессилен и беззащитен в одиночестве. Более мощная сила, которая помогает ему одержать победу в этом борении с Небытием и Абсурдом, есть имя Божие.

7. Чистое сердце обретается непрестанной памятью о Боге и умно-сердечной молитвой, совершаемой умом в сердце: «Ум, “улучивший место сердца”, молитвой соединяет разрозненные в человеке умственные, душевные и духовные силы и способности, “вращаясь” в сердце, ум очищает сердце молитвой и очищается сам, просвещается Божественной благодатью. <...> Это путь к совершенству ума, когда уму открывается “видение духовных вещей”»¹.

В православной аскетической литературе выделяют три вида молитвы: словесную, мысленную и сердечную (умно-сердечную). Словесная молитва творится языком, ум же не вникает в слова молитвы, а сердце остается холодным; мысленная — творится в уме, который вникает в слова молитвы, сочувствует им. Описание третьего вида молитвы — по «Добротолوبию»: «Третий образ молитвы воистину дивен есть и неудобозьясним, и для тех, которые не знают его опытно, не только неудобопонятен, но кажется даже невероятным, но кажется даже невероятным... Ум (быть в сердце — отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца да воссылает молитвы к Богу»².

Чистая молитва должна быть «нерассеянной», «неразвлекаемой», «непарительной». Важная часть духовной практики (исихазм) — безмолвие, внимание, трезвение, хранение ума и сердца. Наиболее подробно о безмолвии (меняется сам характер слова) написано преподобным Иоанном Лествичником: «Затворяй двери келии для тела, дверь уст — для бесед, а внутреннюю дверь души для лукавых духов»³. Безмолвие бывает трех видов: «безмолвие» тела (уединение), безмолвие уст (молчальничество) и безмолвие души (безмолвие ума, сердечное безмолвие). Первые два вида безмолвия — лишь условие для занятия непрестанной умно-сердечной молитвой, третий вид — одновременно условие, средство и цель: «Средство — потому что безмолвие сердца дает ему возможность сосредоточиться на молитве, цель — потому что достичь безмолвия ума и сердца можно только молитвой, и только в безмолвном уме (и сердце) может совершаться чистая нерассеянная молитва. <...> *чистая неразвлекаемая непарительная молитва и есть безмолвие* (курсив мой. — А. К.)»⁴.

Неслучайно сила образа Христа в «Легенде о Великом Инквизиторе», одной из центральных сцен не только романа «Братья Карамазовы», но и всего творчества Достоевского и его персональной экзистенциальной судьбы заключается в том, что Христос не произносит ни слова. Его молчание в

¹ *Лепяхин В. В.* Исихазм: содержание понятия и его границы // Лепяхин В. В. Икона и иконичность. Издание 2-е, переработанное и дополненное. СПб., 2002. С. 363.

² Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Т. 5. С. 331–332.

³ *Иоанн Лествичник, преподобный.* Лествица. Сергиев Посад, 1894. С. 219.

⁴ *Лепяхин В. В.* Исихазм: содержание понятия и его границы // Лепяхин В. В. Икона и иконичность. Издание 2-е, переработанное и дополненное. СПб., 2002. С. 366.

ответ на развернутый монолог Великого Инквизитора — это не демонстрация согласия или неспособности опровергнуть аргументы последнего (хотя, с логической точки зрения система доказательств выглядит безупречной и убедительной), это живое воплощение Истины, Абсолюта, которое не нуждается в многословии. И поцелуй, следующий за этим молчанием, — это высшее проявление жизни сердца: «когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старик хотел бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг молча приближается к старiku и тихо целует его (курсив мой. — А. К.) в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его» [Т. 14, С. 239].

Существующая в структуре экзистенциальной личности антиномия сердца и идеи не может быть завершена моментальным отказом от своих убеждений, изменение «сердца» только подготавливает изменение «ума», нравственный результат духовного делания всегда отсрочен по времени, поэтому Иван и не может его увидеть и завершает свое произведение парадоксальной фразой: «Поцелуй *горит не его сердце* (здесь и далее в цитате курсив мой. — А. К.), но старик *остаётся в прежней идее*» [Т. 14, С. 239]. Объясняет эту мысль поступок Алеши, который, как Иисус в легенде, целует Ивана: «Алеша встал, подошел к нему и *молча тихо* (курсив мой. — А. К.) поцеловал его в губы» [Т. 14, С. 240]. В этом молчаливом жесте — доверие к брату, запутавшемуся в своих логических построениях, но жаждущего понимания и прощения, шанса на освобождение от «силы низости карамазовской», силы «потонуть в разврате, задавить душу в растлении»: «Я, брат, уезжая, думал, что имею на всем свете хоть тебя, — с неожиданным чувством проговорил вдруг Иван, — а теперь вижу, что и в твоём сердце мне нет места, мой милый отшельник. От формулы “все позволено” я не отрекусь, ну и что же, за это ты от меня отречешься, да, да?» [Т. 14, С. 240].

Страстно-трагическая рефлексия Ивана, квинтэссенцией которой становится его «Легенда о Великом Инквизиторе», сталкивается с совершенно другой практикой самоанализа и самосовершенствования личности. В данном случае мы можем говорить о принципиально разном аксиологическом потенциале **молитвы** как особой разновидности духовного делания, созидающего целостную личность через восстановление высших мотиваций жизни, и **рефлексии** как мощнейшего аналитического механизма, который «разъедает» сознание человека, дробит его на множество составляющих, не позволяя собрать их в целостную мировоззренческую структуру с прочными духовными основаниями. При этом рефлексия необходима экзистенциальной личности для осознания себя и своего «не-алиби» в бытии, для формирования и проявления персональной позиции, в том числе и в вопросах веры. Поэтому Достоевский соединяет в своем художественном методе как способе освоения и моделирования текстовой реальности установки Синтеза и Анализа, взаимоисключающие и взаимодополняющие модели работы сознания.

Многоуровневая полярность личности, постоянно разрываемо́й в мире Достоевского между полюсами добра и зла, proetcontra, верой и неверием, умом и сердцем является отражением аксиологической системы писателя,

в которой сердце как духовно-нравственный феномен дополняет высший понятийный ряд Истины (Бог, народ, семья, человек), позволяет, по мысли писателя, преодолевать абсурд существования через видение истинного и ложного векторов существования.

Возникающее, как правило, в описании «пограничных» ситуаций в судьбах героев, когда происходит окончательный выбор перед лицом Высшей правды, сердце становится в произведениях писателя критерием Истины, который не встраивается ни в какие логические построения и даже может принципиально с ними не совпадать. Так, Тихон, прочитав «документ» Ставрогина, в двух следующих друг за другом репликах дает ему характеристику через соотнесение этим с духовным императивом. В первом высказывании акцентируется неистинность покаяния Ставрогина, которое далеко от действительного покаяния и «действительно христианской мысли»: «Вы как будто нарочно грубее хотите представить себя, чем бы желало сердце ваше» [Т. 11, С. 24]. Второе высказывание объясняет причину этого «представления»: «Документ этот идет прямо из потребности сердца, смертельно уязвленного» [Т. 11, С. 24]. Это характеристика сердца человека, который, утратив Абсолют, уже ни во что не верит и отсекает себе возможность покаяния нежеланием отказаться от собственного Я: «вы как бы уже ненавидите вперед всех тех, которые прочтут здесь описанное, и зовете их в бой. Не стыдясь признаться в преступлении, зачем стыдитесь вы покаяния? <...> вы как бы любуетесь психологией вашею и хватаетесь за каждую мелочь, только бы удивить читателя бесчувственностью, которой в вас нет. Что же это как не горделивый вызов от виноватого к судьбе?» [Т. 11, С. 24]. Этот «горделивый вызов» — констатация неверия, тяготения героя по своей воле к полюсу разрушения, который принимается им безусловно, «канонически», сердцем, которое не может и не хочет восстановления.

Горение сердца у Достоевского — это один из главных признаков русской христианской души, духовный атрибут существования человека, символическое культовое изображение Иисуса Христа¹. Аксиология сердца как бытийного феномена проявляет себя через сочетание «солярного» и «кардиологического» в системе образных обозначений в произведениях Достоевского. Так, Порфирий Петрович, «большой знаток в человеках», «разгадал не только величие “сердца” Раскольникова <...>, но и его способность путеводно светить другим, стать “солнцем” человечности (намек на потенциально возможное могучее духовное воскресение “преступника”)»². В «Братьях Карамазовых» трижды в названии трех смежных глав повторяется конструкция «Исповедь горячего сердца», в характеристике Алеши Карамазова «Сердце его загорелось любовью» [Т. 14, С. 145] и Мити Карамазова (адвокат Фетюкович: «я знаю это сердце, это дикое, но благородное сердце... оно жаждет великого акта любви, оно загорится и воскреснет навеки» [Т. 15, С. 173]) определяется духовный потенциал их личностей.

¹ В «Легенде о Великом Инквизиторе» Иван Карамазов использует эту символику в изображении Иисуса Христа: «Солнце любви горит в Его сердце...» [Т. 14, С. 227].

² Владимирцев В. П. Мотив «горячее-горячее сердце» у Ф. М. Достоевского (в срезях исторической поэтики, культурологии и этнографии) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1992. Вып. 2. С. 142.

Резюмируя все сказанное выше, мы можем о принципиально важной роли сердца как духовно-нравственного феномена в структуре аксиологической системы экзистенциального сознания Достоевского, которое отражает два уровня существования личности — бытовой и бытийный, определяет доминанты характерологии центральных героев писателя, формирует альтернативный рациональному способ интуитивного, глубинного мировидения и открывает личности возможность преодоления абсурда существования через восстановление в себе, как в «первообразе», духовной вертикали и Слова Божия. Показательно, что в раннем творчестве писателя преобладает преимущественно фольклорно-мифологическая модель сердца, интерес к исследованию души, в то время как в позднем периоде творчества, в романах Великого Пятикнижия, в которых речь идет о «последних вопросах» существования, ставится вопрос о духе через ориентацию Достоевского на православно-христианский уровень понимания и интерпретации феномена «сердце».

ВШЛА КНИГА

Шойгу С. К.

Про вчера. М.: АСТ. (Серия: «Великое время. Великие имена»), 2021.

Книга Сергея Кужугетовича Шойгу — Героя России, основателя МЧС, генерала армии, президента РГО, художника, спортсмена открывает новую грань его творческой деятельности — художника слова, писателя. Начинается повествование с его малой родины — Тувы, где прошли его детство и юность, где жили его предки, родители. В рассказе «После вождя» он пишет о своем дедушке Серене Кужугете, командире Тувинской Народной революционной армии, которого репрессировали в 1938 году...

Книга состоит из нескольких десятков эссе и рассказов: через судьбы людей раскрываются события, в которых мы еще недавно жили. Герои, предстающие на страницах книги, разные. Есть в книге имена известные и скромные, но значимые: строители, летчики, шоферы, инженеры.

«Мне кажется, каждому поколению нужно пройти через то, что закалит их, — пишет автор. — Может, не столь жестоко, как закаляли нас, но вряд ли без этого получится у них стать теми, кого уважают и кто уважения достоин. Как уважают тех, кто прошел войну, построил Днепрогэс, БАМ, Транссиб, порт Находка, кто осваивал Сахалин, кто построил Норильский комбинат».

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ПОЭЗИЯ

**Иеромонах РОМАН
(МАТЮШИН-ПРАВДИН)**

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин) — родился в 1954 г. в селе Рябчёвске. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 г. принял монашеский постриг. В 1985 г. рукоположен в иеромонахи. Автор многих книг стихотворений и песен. **Живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.**

* * *

Лазурь небес, тюльпаны, мурава!
Подснежники сугробятся в овраге.
Душа вбирает волны Торжества —
Она мечтой давно уже на Браке.
Ее ничем не нужно утешать,
Хотя по-прежнему несовершенна.
Блаженства ищет вечная душа,
Не зная о себе, что преблаженна!

* * *

Христос Воскрес! Но с Ним ли мы?
Слезит грехов рукописание.
И в запоздалом покаянье
Не Божий свет, а царство тьмы.
Но царство это не страшит,
Кто на Распятого взирает:
Воскресший ныне озаряет
Тридневный гроб любой души!

КРЕСТНЫЙ ХОД

Я шел один. Свеча и Крест в руке.
Десная фимиамом воскуряла.
И столько было силы в огоньке,
Что тьма, обуревающая, не объяла.
Я пел Христу об ангельской хвале,
О том, что Небеса полны свеченья,
О том, чтоб чистым сердцем на земле
И нас сподобил славить Воскресенье.
— Христос Воскресе! —
осенял Крестом,
В таком безлюдье отклика не чая,
Но роща и река, и эта топь,
— Воскресе! — тихим эхом отвечали.
Выходит, не один взирал горé?
И не один стремился

Крестным ходом?

Со мной, благоговейно замерев,
Встречала Праздник Божия природа.
Места мои! В забытой стороне
Познал я, лобызая Воскресенье,
Что Ангелы слышнее в тишине
И ближе Небо в здешнем отдаленье.

* * *

Уста без сердца — праздные реченья,
Как без огня легконосимый дым.
Да возвестим, исполнив назначенье,
Христос Воскресе! — житием своим.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскресе! Пасха Всечестная!
Да просветимся ныне Торжеством!
Христос Воскресе! — ближних обнимаю.
Христос Воскресе! — плачу над врагом.
И велий Свет струит порой ночью!
И Радость, как Архангела труба:
Ты был! Ты есть! Ты будешь! Остальное —
Прах под ногами Твоего раба!

ТЫ ЕСТЬ!

— Ты есть! — звучит пасхальным восклицаньем.
— Ты есть! — поет в душе Благая весть.
И смерть уже сама на издыханье
От громогласной Истины — Ты есть!
— Ты есть! — И ад заранее трясется.
— Ты есть! — И тварь не может не любить.
Пока живу, да не устанет сердце
За все, за все Тебя благодарить!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ночь без луны, а столько света!
Идет в Росии Крестный ход.
И в радость слезную одеты
Моя страна и мой народ.
Христос Воскресе! Пасха наша!
Кто не таит в себе мечту —
Припасть перед кончиной к Чаше
И со Христом пойти к Христу!

* * *

Приобретения — потери
Душе, приявшей Свет Небес.
И мы уже не только верим —
Мы знаем, что Христос Воскрес!
И в Знанье неземная Радость,
Любовь, Прощенье, Чистота...
Ни целый мир, ни силы ада
Не отлучат нас от Христа!

Пути ПОЗНАНИЯ

Василий НОВИКОВ

МИТРОПОЛИТ КОНСТАНТИН: БОГОСЛОВ И УЧЕНЫЙ

Василий Семенович Новиков — писатель, публицист, вице-президент Российской академии естественных наук, председатель Секции междисциплинарных проблем науки и образования, главный редактор журнала «Вестник образования и развития науки РАЕН», Лауреат Гос. премии РФ в области науки и техники, Засл. деятель науки России, академик, доктор медицинских наук, профессор, генерал-лейтенант. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Поздравление с 50-летием научной деятельности академику Российской академии естественных наук, кандидату медицинских наук, профессору богословия, митрополиту Петрозаводскому и Карельскому Константину (Горянову) от Президиума Российской академии естественных наук, Секции междисциплинарных проблем науки и образования, редколлегии журнала «Вестник образования и развития науки РАЕН».

Митрополит Константин, Глава Карельской митрополии, председатель Синодальной богослужебной комиссии, председатель Церковно-общественного совета по биомедицинской этике, член Совета по медицинской этике Министерства здравоохранения РФ, кандидат медицинских наук, доктор богословия, профессор, академик, член Президиума Российской академии естественных наук, член Президиума академии наук и искусств Союза России — Беларуси и Академии Российской словесности, член редакционных коллегий и советов ряда российских журналов, проповедник, ученый, историк, писатель.

Все эти характеристики и признание одного человека — Олега Александровича Горянова, выдающегося иерарха Русской Православной Церкви, видного ученого, богослова и историка. Главными личностными ориентирами Владыки Константина на пути духовного и научного становления стали труд, жажда познания и любовь к Богу. Генетически это было связано с влиянием старинного священнического рода, к которому принадлежит митрополит Константин.

Митрополит Константин (Горянов) родился 23 марта 1951 года.

Окончил Винницкий государственный медицинский институт. В должности старшего преподавателя Брянского государственного университета защитил в 1981 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук в Смоленском государственном медицинском институте. В 1986 г. принял монашеский постриг и в 1989 г. окончил Московскую Духовную академию с назначением преподавателем Ветхого Завета в МДА. В 1990 г. назначен ректором возрожденной Минской Духовной семинарии, где преподавал историю Русской Православной Церкви. В 1991 г. возведен в сан епископа Новогрудского. Продолжая быть ректором, возглавил в 1992 г. Новогрудскую епархию Беларуси. В 1986 г. был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии с титулом «Епископ Тихвинский». Одновременно с руководством Духовной академией возглавил в 1999 г. кафедру богословских дисциплин, стал профессором богословия. В 2008 г. назначен правящим архиереем Курганской епархии, проректором по научной работе Екатеринбургской Духовной семинарии, Председателем Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. по настоящее время митрополит Петрозаводский и Карельский Константин — глава Карельской митрополии.

Каждый период пастырской жизни и деятельности митрополита Константина ознаменован большим вкладом в развитие духовного образования и значимыми достижениями в общественно-научной деятельности Духовных академий и епархий. Во многом Владыка Константин является первопроходцем. Так, например, в 1992 г. он, будучи ректором Минской Духовной семинарии, первой в Русской Православной Церкви, получившей статус вуза, одновременно возрождает Новогрудскую епархию.

Особо важным этапом духовного, педагогического и научного становления митрополита Константина является период руководства им Санкт-Петербургской Духовной академией (1996–2008), которую он также возрождал. По его инициативе в академии существенно был повышен ценз духовного образования, к преподаванию привлечены ведущие профессора Санкт-Петербургского университета, существенно активизирована научно-богословская работа, усилена подготовка научных кадров, стали проводиться конференции с международным участием ученых и богословов, что существенно повысило авторитет Духовной академии.

В этот период епископ Тихвинский Константин избирается действительным членом Российской академии естественных наук (15.01.1997) и становится активным членом Президиума Санкт-Петербургского отделения образования и развития науки. Апофеозом совместной деятельности ученых и богословов стала научная сессия Российской академии естественных наук и Русской Православной Церкви на базе Санкт-Петербургской Духовной академии в 2002 году.

В обращении Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к вице-президенту РАЕН, председателю Санкт-Петербургского отделения образования и развития науки, профессору В. С. Новикову, ректору Санкт-Петербургской Духовной академии, профессору, епископу Тихвинскому Константину, участникам научного форума «Естественные науки и богословие: нравственные законы и развитие науки» отмечается важность развития естественных наук как мощных инструментов преобразования мира

и могучих нравственных стимулов для духовного прогресса. Организация данного форума епископом Тихвинским Константином является примером его высокого служения Вере и Науке.

Как ректор Санкт-Петербургской Духовной академии и глава Санкт-Петербургского представительства «Православная энциклопедия» Владыка Константин активно участвует в подготовке и издании фундаментального труда «Православная энциклопедия» Русской Православной Церкви.

Важным направлением деятельности Владыки Константина в этот период стало образование первой в России межвузовской организации «Покров», объединившей 40 гражданских и военных вузов Санкт-Петербурга и других городов. Высокий авторитет Владыки Константина как богослова и ученого позволил ему возглавить ассоциацию «Покров» и стать ее Президентом. Ассоциация «Покров» имела важное просветительское и духовно-воспитательное значение для студентов. Под эгидой «Покрова» стало возможным проведение межвузовских Покровских, Знаменских, Татьянинских и других научных студенческих конференций, как основы воспитания нравственно здоровой личности для государства.

Деятельность архиепископа Константина в качестве главы Курганской и Шадринской епархии (2008–2015) несла высокую духовность и самоотверженный гражданский и научный подвиг. В этот период по инициативе и трудами архиепископа Курганского Константина были организованы и прошли первые Всероссийские Ильинские молодежные научно-богословские чтения. Впервые духовенство г. Кургана во главе с Владыкой Константином 9 мая 2009 г. приняло участие в торжественном параде Победы в Великой Отечественной войне. По благословлению и трудами Владыки Константина стал издаваться новый общественно-научный журнал «Русское поле Зауралья» *для тех, кто любит и верит в Россию*. С большим мужеством и высокой ответственностью перед обществом Владыкой Константином был реализован социальный проект «Чужих детей не бывает», в результате которого в семьи людей было устроено более 200 детей с заболеваниями, оставшихся без родителей.

В этот период архиепископ Курганский Константин одновременно выступает как педагог, ученый и наставник учащихся Екатеринбургской Духовной семинарии. Благодаря неустанным трудам академика и ученого-богослова реализуются научные богословские проекты в виде приоритетных книг «И познаете истину» (2011) и «Встань и иди в дом твой» (2014). В этих книгах академик О. А. Горянов во многом восстанавливает хронологический ряд богословских аспектов истории, представляет современную историю Курганской и Шадринской епархии, дает глубокое осмысление истории с позиций духовности и нравственности современности. Эти труды получили высокое признание во всем научно-образовательном обществе.

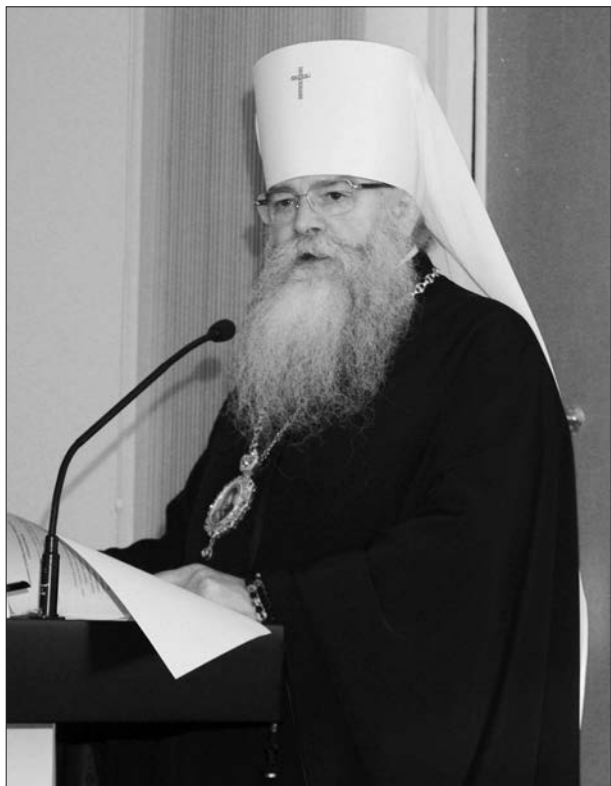
Продолжив служебную деятельность в Петрозаводской и Карельской епархии (с 2015 г. по н/время) митрополит Константин впервые на базе Петрозаводского государственного университета организовал ежегодные научно-церковные конференции, а для детей Карелии впервые засияла своими огнями епархиальная Рождественская елка, на которой более 600 детей ежегодно слушают концерты и получают новогодние подарки. Также впервые организуются ежегодные конференции «Молодежь: свобода и ответственность». В 2019 г. состоялись первые Сретенские образовательные чтения

«Духовная культура — основа функционирования нравственной личности». Большое внимание митрополит Константин уделяет духовно-нравственному воспитанию кадет. Для кадетского корпуса имени святого князя Александра Невского по инициативе Владыки Константина учреждена специальная стипендия для поощрения лучших.

Продолжая развивать научно-исторические исследования, митрополит Константин под эгидой Карельской митрополии и Секции междисциплинарных проблем науки и образования РАЕН издает фундаментальные труды «Апокалипсисы революций» (2017) и «Чаша Господня и чаша бесовская» (2020). В этих трудах раскрываются духовные и нравственные подвиги Православной Церкви в смутные времена, в дни войн и революций, освещаются проповедническое значение подвигов Иоанна Кронштадтского, нравственный подвиг Патриарха Тихона и христианский подвиг монарха Николая II. В трудах представлен глубокий анализ причин возникновения и последствий смутных времен в российской истории, раскрываются пути нового исторического этапа Величия России, вклад Русской Православной Церкви в Победу народа в Великой Отечественной войне.

Говоря о духовной и научной деятельности митрополита Константина как выдающегося иерарха Русской Православной Церкви и академика РАЕН, необходимо отметить его талант организатора, мужество проповедника веры, глубокие научные знания, разносторонность духовного, медицинского и исторического образования, умение реально отражать исторические этапы через духовные основы жизни. Митрополит Константин — историческая личность, человек Веры и Науки, Генерал долга и нравственного дела, надежный друг, неутомимый труженик в поисках научной истины, пример истинной любви к Богу и человеку.

Деятельность митрополита Константина в служении Русской Православной Церкви высоко оценена Патриархатом и священнослужителями. Указами Патриарха Московского и всея Руси Владыка Константин удостоен орденов Русской Православной церкви «Благодарного князя Даниила Московского» II (1995) и III степени (2019), «Преподобного Сергия

*Митрополит Петрозаводский
и Карельский Константин (Горянов)*

*Митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (О. А. Горянова),
академика РАЕН, поздравляет вице-президент
Российской академии естественных наук, академик В. С. Новиков*

Радонежского» II степени (2001), «Святителя Иннокентия Московского» II степени (2006), «Святителя Кирилла Туровского II степени (2010), «Преподобного Серафима Саровского» II степени (2011), «Святителя Макария, митрополита Московского» II степени (2016) и других церковных наград во внимание усердным архиерейским трудам на благо Святой церкви, значительный личный научный и организационный вклад в развитие церковной науки и духовного просвещения. В 2013 г. архиепископ Константин удостоен звания Лауреата Всероссийской православной литературной премии Святого благоверного князя Александра Невского (Первая премия) за книгу «И познаете истину».

Большая и плодотворная деятельность Владыки Константина в качестве академика и члена Президиума Российской академии естественных наук, члена редакционного совета «Вестника образования и развития науки РАЕН» отмечена высокими наградами и глубоким уважением товарищей и коллег. За особые заслуги и укрепление авторитета российской науки Владыке Константину решением Президиума Российской академии естественных наук присвоено в 2002 г. почетное звание «Рыцарь Науки и искусств» за большой вклад в организацию научного форума «Естественные науки и богословие», в 2003 г. ему присуждена Национальная премия с вручением золотой медали Петра Великого «За выдающиеся заслуги на благо Отечества» и в честь 300-летия Санкт-Петербурга. В 2001 г. Президиум РАЕН наградила академика, Владыку Константина орденом Святого Георгия Победоносца «За заслуги» I степени за вклад в науку и в связи

с 50-летием со дня рождения, в 2007 г. орденом «Доблести» за создание межвузовской ассоциации «Покров», в 2011 г. высшей наградой «Звездой РАЕН» 1 степени за первостепенный вклад в богословско-историческую науку и в связи с 60-летием со дня рождения, в 2015 г. награжден юбилейной золотой медалью «За развитие РАЕН», в 2016 г. — почетным орденом «Ради общего блага» за большой вклад в духовно-нравственное воспитание и реализацию проекта помощи больным детям-сиротам «Чужих детей не бывает», в 2020 г. — медалью «75 лет Великой Победы» за вклад в патриотическое воспитание молодежи. По представлению Президиума Секции междисциплинарных проблем науки и образования академик РАЕН Владыка Константин был награжден в 2010 г. медалью «За трудовые заслуги», в 2013 г. — орденом «Гражданская доблесть» за большой личный вклад в возрождение Курганской и Шадринской епархии и научные достижения, в 2016 г. удостоен звания Лауреата «Личность Петербурга», в 2018 г. награжден медалью Генералиссимуса А. В. Суворова как победитель Всероссийского конкурса Министерства обороны РФ за научную монографию «Апокалипсисы революций».

Ваше Высокопреосвященство, Владыка Константин, дорогой Олег Александрович, Президиум РАЕН и члены Секции междисциплинарных проблем науки и образования, редакционная коллегия «Вестника образования и развития науки РАЕН», сердечно поздравляют Вас с золотым юбилеем. Желаем Вам на долгие годы крепости физической и духовной, новых научных свершений на пути познания мира и смысла жизни, радости и любви в Вашем жизненном духовном подвиге на благо Отечества, Русской Православной Церкви и науки.

Примите, дорогой Владыка Константин, от всех членов РАЕН благодарность и глубокое уважение.

ДЕЯВИЦА

**Священник
Константин
ПАВЛЮЧЕНКО**

АРХИПАСТЫРЬ

*Жизнь как служение.
Духовный путь
митрополита
Петрозаводского
и Карельского
Константина (Горянова)*

*К 30-летию
архиерейской хиротонии*

Бог призывает каждого. Но не каждый слышит и откликается на Его призыв. Любящий Бога проходит через многие трудности и испытания. Церковь идет навстречу всем людям, помогает услышать зов Любви, открыть сердца Добру и Красоте. Церковь Христова — это община, *«род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»* (1 Петр. 2:9). Именно в общине происходило действие благодати Святого Духа, именно Церковь является прообразом Царствия Небесного. Но как понять — где и что есть Церковь? Апостол Павел учит: *«Внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровию Своею»* (Деян. 20:28).

Само предание Церкви из глубины веков дает нам ответ устами мужа апостольского Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, ученика апостола Иоанна Богослова: *«Где епископ — там Церковь!»* Слово «ἐπίσκοπος» в переводе с греческого означает «блюститель», «надзиратель», «смотритель за порядком». Это высшая ступень церковной иерар-

Константин Сергеевич Павлюченко, иерей РПЦ — родился в 1982 г. в Киевской области. Имеет высшее светское и духовное образование, окончил СПбДА, кандидат богословия, магистр филологии. Преподавал в СПбДА, в Екатеринбургской и Тобольской Духовных семинариях. С 2008 г. личный секретарь Управляющего Курганской епархией. Был делегатом на Поместном соборе РПЦ. Член Синодальной богослужебной комиссии. Секретарь Петрозаводского епархиального управления, член Общественной палаты Респ. Карелии, член Комиссии по вопросам религиозных объединений при Главе Респ. Карелия. **Живет в Петрозаводске.**

хии — именно епископы являются носителями апостольской благодати, даров Духа Святого. Вопросы апостольского преемства, идейной стройности епископата, внутреннего соподчинения, личных и духовных качеств архиерея — одни из первостепенных в жизни любой церковной общины. Эти вопросы могут привести и к гражданским войнам, и к цивилизационным конфликтам. И какое же счастье имеют верные Церкви, попадая под власть подлинного пастыря, во всем обратившегося к примеру Доброго Пастыря — служащего идеалом для каждого пастыря. По слову Апостола *«достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении»* (1 Тим. 5:17).

*Митрополит Петрозаводский
и Карельский Константин (Горянов)*

Год 2020-й от Рождества Христова, это год 30-летия возрождения самостоятельной Петрозаводской епархии. Нынешний церковный удел Владыки Константина пережил сложную историю. Старая Олонецкая епархия была полностью уничтожена в годы послереволюционных репрессий. Как пишет Владыка Константин в своей книге «Апокалипсисы революций»: «Невозможно было оценить последствия репрессий духовенства для епархии. Характеризуя ситуацию, повторим, что И. Чухин приводит в своей книге выдержку из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Магузенко на XIV областной партконференции: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)»¹. Такая политика государства привела к тому, что в 1940-е гг. Олонецкая епархия перестала существовать как самоуправляющаяся: были разрушены или закрыты практически все храмы, уничтожено духовенство»².

Надежды верующих Карелии на послевоенную «оттепель» церковной политики Советского государства очень быстро развеялись. Лишь на два

¹ Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

² Константин (Горянов), митрополит. Апокалипсисы революций. СПб.: Родная Ладога, 2018. С. 456.

года — с 1947 по 1949 — после 11 лет духовного сиротства, епархия обрела собственного правящего архиерея. За этот малый срок на Олонецкой архиерейской кафедре успели побывать два архипастыря — епископ Нектарий (Григорьев), проживший в Петрозаводске неполный год, и епископ Венедикт (Пляскин), управлявший епархией всего 8 месяцев. В других епархиях РПЦ «церковная оттепель» была более продолжительной. С 1949 г. епархия входила в состав Ленинградской митрополии, ею управлял митрополит Ленинградский и Новгородский. Это было сложное время для верующих нашего северного края. В Карелии действовало всего 5 храмов, в которых совершали пастырское служение 6 священников. 19 июля 1990 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви была восстановлена самостоятельная Петрозаводская и Олонецкая епархия, а ее благочинный, архимандрит Мануил (Павлов), был избран ее архипастырем. После 41 года вдовства церковная область Восточной Карелии, наконец, обрела самостоятельность. «Образование новой епархии, — заметил тогда Святейший Патриарх Алексей II, оценивая значение этого события, — основная предпосылка к тому, чтобы расширилась епархиальная жизнь». 29 мая 2013 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви в пределах Республики Карелия образована Карельская митрополия, включающая в себя Петрозаводскую и Костомукшскую епархии. Управляющим Петрозаводской епархией назначен митрополит Мануил (+ 7 марта 2015). Так в жизни Петрозаводской епархии наступил новый период.

5 мая 2015 г. Священный Синод постановил Преосвященным Петрозаводским и Карельским, главой Карельской митрополии быть архиепископу Курганскому и Шадринскому Константину, председателю Синодальной богослужебной комиссии. 19 мая 2015 г. духовенство и паства Петрозаводской епархии встретили в Александро-Невском кафедральном соборе Петрозаводска архиепископа Константина, которого им представил временно управляющий епархией митрополит Новгородский Лев.

Было известно, что новый управляющий епархией — профессор богословия, по первой своей специальности — ученый-медик, старший преподаватель института, кандидат медицинских наук, член нескольких академий, историк, писатель. Его внушительный послужной список свидетельствует, что Владыка Константин — рачительный хозяйственник, человек, много сделавший для укрепления учебного и воспитательного процесса по восстановлению Минской и Санкт-Петербургской Духовных школ. Он — знающий, деятельный архипастырь, имеющий опыт возрождения Новогрудской епархии в Белоруссии и Курганской епархии в Зауралье.

Уже шесть лет митрополит Константин продолжает труд по восстановлению былого духовного величия Карельской земли. Здесь же он отметит свое 70-летие и 30-летие архиерейской хиротонии. Юбилей для каждого человека — период особенный, время подведения промежуточных итогов служения, ступень для размышлений о Божием Промысле и его исполнении. Промыслительно, что день тезоименитства митрополита Константина совпал с днем памяти Всех святых в земле Карельской просиявших — это 3 июня. Владыка духовно породнился с Карелией, еще когда Патриарх Алексей II пригласил его, ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, 3 июня 2000 г. сослужить при освящении Александро-Невского кафедрального собора в г. Петрозаводске. Такие вот удивительные совпадения. В юбилейный

год невозможно оценить свершения митрополита Константина без широкой ретроспективы, без рассмотрения важных его деяний и духовных подвигов, связанных с возрождением нашей епархии. Юбилей — это то время, когда необходимо и радостно вознести горячую молитву благодарения Богу.

Семья Горяновых. Жизненный путь до принятия епископского сана

Владыка Константин происходит из священнического рода. Его прадед (не по прямой линии) — полковой священник Стефан Васильевич Щербатовский, герой Русско-японской войны. В бою под Тюренченом 18 апреля (1 мая) 1904 г., у реки Ялу, на южном участке границы между Кореей и Китаем, батюшка пошел в атаку во главе знаменной роты, лишившейся командира. «Чудом храбрости, спокойствия и мужества» называли современники подвиг отца Стефана. В тот день батальоны 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка находились в центре боя, японцы открыли сильный артиллерийский огонь и стали обходить левый фланг. Растянутые противником с обоих флангов батальоны полка, чтобы пробиться, несколько раз под звуки полкового марша и гимна «Боже, Царя храни», исполняемого полковым оркестром под огнем противника, бросались в штыки. В бою погибли почти все командиры, но вырваться из окружения не получалось. Тогда отец Стефан, благословив стрелков, с пением «Христос Воскресе» пошел впереди боевого знамени с поднятым в руке крестом. Пробиваясь сквозь японскую цепь солдат вместе с батальонами полка, сей неустрашимый пастырь был ранен двумя пулями, вскоре потерял сознание и был вынесен уже на перевязочный пункт церковником Иосифом Перчем. Только такое мужество пастыря и воинов 11 полка дали им возможность пробиться сквозь японцев. Вот как о. Стефан вспоминал тот день: «Встал я 18-го числа рано, в три часа ночи. Я знал, что бой будет отчаянный, и решил исполнить свой пастырский долг до конца, показав воинам пример самоотвержения и любви своею смертию... В 4 часа утра я помолился Богу, составил завещание и встал в знаменной роте... В три часа пополудни полк выстроился и под звуки полкового марша двинулся в атаку на наступавших японцев. Я надел епитрахиль, взял крест, благословил солдат и с пением “Христос Воскресе” пошел во главе стрелков знаменной роты. Картина была поразительная, грандиозная. Без малейшего колебания шли славные стрелки на верную смерть, в адский огонь, среди рвущихся снарядов. Только каждый, перед тем как двинуться в бой, крестился. Потом все смешалось. Музыка тотчас же смолкла. Кто побежал вперед, кто упал убитым или раненым. Я почувствовал сильный удар в руку и в ногу и упал навзничь, потеряв сознание»¹. Русские войска вырвались из окружения.

Командующий Русской армией генерал А. Н. Куропаткин лично посетил смелого пастыря при излечении его в лазарете Елизаветинской общины Красного Креста в Харбине и наградил героя-священника офицерским Георгиевским крестом. Так 29-летний батюшка стал первым священником, награжденным Георгиевским крестом в Русско-японскую войну, и всего лишь

¹ *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 651.

*Иподиаконы с ректором МДА епископом Александром (Тимофеевым).
Фото перед монашеским постригом.
Будущий Митрополит Константин на фото второй справа. 1986 г.*

пятым георгиевским кавалером среди священнослужителей, за всю историю существования Военного ордена. Отличался о. Стефан Щербаковский и далее. За свою службу в годы Русско-японской войны он был награжден орденами святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, святого Владимира 4-й степени с мечами, святой Анны 2-й степени с мечами, золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. А в годы Первой мировой войны, за бои 30 июля 1914 г. у деревни Ваббельн и 6 августа 1914 г. при деревне Каушен, о. Стефан был удостоен ордена святого Владимира 3-й степени с мечами и за бои 24 сентября представлен к ордену святой Анны 1-й степени¹.

Героический пастырь при богоборческой власти в 1918 г. был замучен в застенках Одесской ЧК.

Дед митрополита Константина — священник Никита Васильевич Горянов, узник Данлага, принял диаконский сан в 1932 г. от архиепископа Анатолия (Грисяка), впоследствии митрополита Одесского, священномученика (+ 1938)². Нужно было иметь мужество, чтобы в те годы, когда многие скрывали свое священническое прошлое, принять священный сан. Служил в Одессе и пригородных селах.

Отец — Александр Никитич Горянов — врач, отличник здравоохранения. В начале войны прямо из одесского медицинского училища при-

¹ Сайт Прихода храма святого Архангела Михаила г. Зембин Борисовского р-на Борисовской епархии Белорусской Православной Церкви.

² *Дмитрук Анатолий, протоиерей.* Одесский храм святителя Димитрия Ростовского. Одесса: Астропринт, 2012. С. 168–172.

*С родителями в день архиерейской хиротонии
16 июня 1991 г. Жировицы (Белоруссия)*

зван на фронт военным фельдшером, участник обороны Одессы, воевал под Сталинградом, инвалид Великой Отечественной войны. После ранения и комиссования был направлен в Казахстан фельдшером, прекрасно овладел казахским языком, занимал вторые места на республиканских конкурсах по игре на домбре. При поездке на одесчину женился. Позже окончил Одесский медицинский институт, был сталинским стипендиатом, и, чтобы содержать семью, по ночам работал на скорой помощи; семья жила очень бедно. Мать Мария Федоровна — в основном, посвятила себя семье, работала медсестрой. Сестра — Наталья Александровна, кандидат медицинских наук, доцент Одесского мед. университета; тетья — монахиня Мария (Горянова), насельница одесского Архангело-Михайловского монастыря.

Будущий митрополит Константин родился 23 марта 1951 г. в селе Кэнессы Свердловского района, Джамбулской обл., Казахской ССР. В крещении будущий Владыка был наречен Олегом, но посвятив большую часть своей сознательной жизни деятельной любви к Богу и ближнему, он обрел при монашеском постриге новое имя — Константин. Однако до этого был долгий и трудный путь осознания и обретения промыслительного поприща.

В школе, несмотря на хорошую учебу, будущий архипастырь подвергался издевательствам со стороны руководства школы и одноклассников только за то, что его дед, к тому времени уже покойный, был священником. Владыка так вспоминал об этом: «Жили мы в с. Ильинка под Одессой в доме у деда-священника. Естественно, моя школьная кличка была “поп”. Когда меня перевели во второй класс, в разгаре были антирелигиозные хрущевские репрессии. Учительница вымещала всю свою атеистическую злость на мне. Если я делал домашнее задание на “отлично”, значит, списал. Если мальчишки во время игры разбивали окно — говорила, что это “поп” разбил

окно; подожгли кучу мусора — это “поп” поджег мусор. Что бы в школе ни происходило, во всем обвиняли только меня. И учительница устраивала мне в классе показательные порки, в буквальном смысле этого слова, находя для них любой повод»¹. Больше всего она любила бить ребром деревянного метра по пальцам рук. Собирались оставить во втором классе на второй год. Поэтому отец забрал сына из этой школы, и семья вынуждена была переехать к другим родственникам в с. Холодную Балку под Одессой.

После окончания средней школы № 10 в 1967 г. в г. Смела Черкасской области УССР, в течение года работал слесарем на заводе, что, как вспоминает Владыка, было прекрасной школой жизни. Олег очень много читал. В 1968 г. поступил на лечебный факультет Винницкого медицинского института им. Н. И. Пирогова. С первого курса занимался научной работой, имел публикации, ко времени окончания института в 1974 г. была собрана значительная часть материала для кандидатской диссертации². Занятие научной работой пробудило мировоззренческий интерес, который постепенно перерос в религиозное убеждение. Для будущего архипастыря стало очевидно, что такой сложный, совершенный, трудно поддающийся изучению организм человека сам по себе, без Высшего разума, возникнуть не мог³. Обязательный в те времена предмет «Научный атеизм» не в состоянии убедительно объяснить, как появилось сознание и его высшее проявление — самосознание. Особое влияние на эти поиски, как говорит Владыка, оказала его тетья: «Тетья, тогда инокиня Маргарита, познакомила меня с игуменом Пафнутием (Россохой), он какое-то время служил в одесском Успенском монастыре, и мы прочли Евангелие на церковнославянском языке, которое он комментировал. Это было время летних каникул. Появились знакомства среди верующих людей, которые пережили Гражданскую войну. Духовное возрастание шло постепенно, шаг за шагом. Находился под духовным руководством винницкого протоиерея Петра Попова. Мечтал о Библии, которая была великим дефицитом — и Библия у меня появилась»⁴.

Поскольку Олег Горянов не был комсомольским активистом, то в институте для завершения научной работы его не оставили. Работал практическим врачом, главным образом, на станции скорой и неотложной медицинской помощи, а затем ассистентом и старшим преподавателем медицинской подготовки в Брянском педагогическом институте⁵. В 1981 г. в Смоленском медицинском институте защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние солей лития на функцию почек», выполненную под руководством доктора медицинских наук, профессора Самойлова Николая Никифоровича, выпускника Ленинградской Военно-медицинской академии. Владыка с глубокой признательностью чтит память своего мэтра, который существенно повлиял на формирование его мировоззрения: «Очень редкая личность. Доктор медицинских наук, профессор, любил рассказывать о своей службе на Тихоокеанском фло-

¹ Рядчикова Н. К Богу идут через тернии // Славянка. Православный женский журнал. № 1 (67), 2017. С. 18–27.

² Кирилл Копейкин, протоиерей. Юбилей ректора // Христианское чтение. № 20, 2001. С. 25–58.

³ Рядчикова Н. К Богу идут через тернии // Славянка. Православный женский журнал. № 1 (67), 2017. С. 18–27.

⁴ Там же. С. 18–27.

⁵ Лица Зауралья. Константин (Горянов О. А.)

те на крейсере “Братья Кагановичи”. Он не был кухонным диссидентом. Но именно он, беспартийный **капитан второго ранга** (необыкновенная редкость в то время), больше всех мне привил понятие русского патриотизма. Тоже вижу в этом Промысел Божий. Характер у него был тяжеловатый и очень требовательный. Никакая научная статья раньше, чем с четвертого варианта, у нас, его учеников, не проходила. Что бы он ни делал — во всем была тщательность, скрупулезность, научность, объективность, честность. Эти качества он всем своим ученикам прививал, что тоже способствовало формированию моего характера. Мы, его ученики, порой роптали, возмущались своим научным руководителем, хотелось поскорей защититься. Но ведь с возрастом вспоминаешь, любишь и ценишь самых строгих своих учителей. И характер наш, как алмаз, именно они огранили. Конечно, что-то теряется в процессе такой “огранки”, но то, что остается бесценно, как бриллиант по своей ценности намного дороже природного алмаза»¹.

В сознательном возрасте, живя в стране государственного атеизма, Олег Горянов постепенно пришел к выводу, что его главное призвание — служение Богу и Русской Православной Церкви. Это был непростой выбор, поскольку медицину он любил, но его вдохновил пример архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Большое впечатление произвела книга М. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». Но для того, чтобы поступить старшему преподавателю института в семинарию, требовалось преодолеть серьезные препятствия, чинимые со стороны атеистической власти, вплоть до психиатрической больницы. По совету знакомых монахов из Троице-Сергиевой Лавры, пришлось менять места жительства, прописки, быть разнорабочим; на рабочего человека при поступлении в семинарию компетентные органы обращали меньше внимания. По рекомендации минского священника Г. Латушко обратился к митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету (Вахромееву). Он отправил Олега в Жировицкий монастырь под духовное руководство эконома монастыря архимандрита Евфимия (Байдакова), который сидел за веру, и дворянин митрополит Филарет ему доверял. Пришлось работать сборщиком изделий из древесины (сколачивал ящики), а потом — на лесоповале в Слонимском лесничестве. После этого «обрубщика сучьев», как записано в трудовой книжке, смогли принять ночным сторожем (чтобы днем кто не приметил и не сдал) в Жировицкий мужской монастырь. Монастырскому сторожу поступить в семинарию было уже реально. Только после всего этого митрополит Филарет (+2021) решил дать благословение на поступление в 1983 г. в Московскую духовную семинарию. Мудрый митрополит Филарет лично редактировал автобиографию Олега, чтобы в ней не было никаких зацепок.

Московская Духовная семинария и академия

Приняли сразу во второй класс семинарии. Четырехлетний семинарский курс окончил за два года, в 1985 году. На первом курсе академии 14 апреля 1986 г. в Троице-Сергиевой лавре принял монашеский постриг с именем благоверного князя Константина Муромского (день тезоименитства:

¹ Рядчикова Н. К Богу идут через тернии // Славянка. Православный женский журнал. № 1 (67), 2017. С. 18–27.

3 июня). В академическом Покровском храме ректором Московской Духовной академии и семинарии епископом Дмитровским Александром (Тимофеевым) на Пасху 4 мая 1986 года был рукоположен в сан иеродиакона, а на Вознесение Господне — 12 июня — в иеромонаха. Нес различные послушания, главным образом иподиакона и экскурсовода церковно-археологического кабинета¹. Во время учебы и преподавательской деятельности иеромонах Константин продолжал заниматься врачебной практикой, принимал участие в съемках документального фильма «Дух, душа и тело» об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) к его предстоящей канонизации. Все четыре года обучения в академии за отличную успеваемость был удостоен звания Патриаршего стипендиата. В 1989 г. окончил академию, был оставлен профессорским стипендиатом и преподавал Священное Писание Ветхого Завета, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX—XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». Нес послушание дежурного помощника инспектора (проректора по воспитательной работе) семинарии. Во время ректорства архиепископа Дмитровского Александра (Тимофеева, + 2003) прекрасно сочетались строгость дисциплины, высокий уровень преподавания и образования, и еще живы были духоносные лаврские старцы, которые духовно окормляли учащихся и учащихся. Иеромонах Константин был награжден медалями преподобного Сергия Радонежского II и I ст., орденом Александрийской Церкви апостола Марка, Наперсным крестом. Время учебы в семинарии и академии вспоминает как самые счастливые годы своей жизни.

Ректор Минской Духовной семинарии. Архиерей Новогрудской земли (1990—1996)

2 марта 1990 г. в академическом Покровском храме иеромонах Константин был возведен в сан игумена с возложением Креста с украшением и решением Священного Синода направлен ректором в возрожденную Минскую духовную семинарию (МинДС). После закрытия в 1918 г. МинДС возобновила свою деятельность, но уже в Жировичском мужском монастыре в 1946 году. Однако, во время хрущевских гонений на церковь, в 1963 г. семинария снова прекратила свое существование. 2 сентября 1990 г. ректор был возведен в сан архимандрита². Преподавал в семинарии историю Русской Православной Церкви (РПЦ) и догматическое богословие. Период ректорства и возрождения МинДС пришелся на период развала СССР с последующим тяжелейшим политическим, социальным и экономическим кризисом. Большую часть исторического здания семинарии занимал сельхозтехникум.

Архиерейскую хиротонию во епископа Новогрудского, викария Минско-Гродненской епархии 16 июня 1991 г., в день памяти Всех святых в земле Белорусской просиявших, возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в Успенском соборе Жировицкого монастыря³.

¹ *Константин (Горянов), епископ Тихвинский*: Биогр. справка // Христианское чтение. М., № 12, 1996. С. 5—6.

² Наречение и хиротония архимандрита Константина (Горянова) во епископа Новогрудского // Официальная хроника. Журнал Московской Патриархии. М., 1993 [пробн. номер]. С. 34—36.

³ Там же.

Новогрудок в свое время был столицей Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского. 19 февраля 1992 г. была возрождена древняя Новогрудская епархия в Гродненской области, и к ректорским обязанностям присоединились труды Управляющего епархией с титулом «епископ Новогрудский и Лидский». МинДС первой в истории РПЦ перешла на пятилетнее высшее образование по новым программам и получила признанный государством статус вуза (дипломы признаны государством). Были открыты заочное и регентское отделения. Устав МинДС, как высшего учебного заведения, зарегистрирован в 1993 г. Советом по делам религий при Кабинете министров Республики Беларусь. Епархия фактически стала финансовым придатком семинарии, до этого материально было очень тяжело. Белоруссии крайне необходимы были просвещенные пастыри. Епископ Константин добился того, что весь исторический семинарский корпус, занимаемый сельхозтехникумом, и все закрытые православные храмы, несмотря на сильное сопротивление, были возвращены Церкви. Начато строительство новых храмов. После посещения Президентом РБ Лукашенко А. Г. было получено государственное финансирование семинарии на постоянной основе. МинДС — единственная семинария в РПЦ, которая финансируется государством.

К первому выпуску семинарии в 1994 г. Владыка был награжден митрополитом Филаретом Архиерейской грамотой. В октябре 1995 г. на XV Генеральной Ассамблее СИНДЕСМОС (Всемирного братства Православной молодежи), которая проходила на Кипре в Киккском монастыре, Минская Духовная семинария, которую представлял епископ Константин, была принята полноправным членом этой организации¹. За труды по возрождению МинДС и Новогрудской епархии епископ Константин был награжден Патриархом Алексием орденом преподобного князя Даниила Московского II степени. Позже, в 2010 г., в память и благодарность за труды в Белоруссии митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси Филаретом архиепископ Константин был награжден орденом Белорусской Православной Церкви свт. Кирилла Туровского II степени.

Ректор Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии. Викарий Санкт-Петербургской епархии (1996–2008)

Успехи по восстановлению Новогрудской епархии и Минской Духовной семинарии, несмотря на тяжелейший кризис связанный с развалом СССР, показали Владыку Константина как ревностного зиждителя духовного здания Церкви, и Патриарх Алексий II за время своих первосвятительских визитов в Белоруссию в этом убедился. После блаженной кончины митрополита Иоанна (Снычева) на Петербургскую кафедру был назначен митрополит Владимир (Котляров). Следует отметить, что он в 1959–1962 гг. преподавал в Ленинградской Духовной семинарии литургику, а затем — Священное Писание Ветхого Завета. Новый архипастырь С.-Петербурга, любящий порядок, был сильно удручен финансовым и фондовым состоянием Санкт-Петер-

¹ *Димитрий Юревич, протоиерей.* Синдесмос и Санкт-Петербургские духовные школы // Христианское чтение. № 18, 1999. С. 26–80.

*Заседание Межвузовской ассоциации «Покров»
в Санкт-Петербургской Духовной академии*

бургских Духовных школ, а также состоянием дисциплины и преподавания. Развал великой страны не мог не сказаться негативным образом и на состоянии духовного образования. СПбДАиС находятся в каноническом ведении митрополита Санкт-Петербургского. Обратившись за советом к Святейшему Патриарху Алексию II, он получил рекомендацию Первоиерарха пригласить на должность ректора главного духовного вуза Северной Пальмиры Владыку Константина. В итоге постановлением Священного Синода и Святейшего Патриарха Алексия II от 17 июля 1996 г. епископ Константин был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии (СПбДАиС), епископом Тихвинским, викарием Санкт-Петербургской епархии¹.

Прибыв в Петербург, Владыка сразу же включился в работу по возрождению былого величия духовных школ. За плечами у него уже был опыт ректора, а также преподавателя не только духовных школ, но и светского вуза. Ректор не замыкался лишь на административной и хозяйственной работе (в главном корпусе была аварийная ситуация), но и являлся заведующим кафедрой богословских дисциплин, на заседании Ученого совета был избран доцентом, а затем Патриарх утвердил его в звании профессора. Преподавал догматическое богословие, его лекционная нагрузка в семинарии и академии составляла 12 часов в неделю. Для ректора это очень много.

Все это время он не оставлял литургической и литературной деятельности, трудясь в составе Синодальной богословской комиссии, в редколлегии «Богословских трудов», в научном совете «Православной энциклопедии», выполнял послушания митрополита Владимира в качестве викария Санкт-Петер-

¹ Определение Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. М., № 9, 1996. С. 4.

бургской митрополии. К 200-летию реформирования Санкт-Петербургской Духовной академии и 100-летию преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского (+ 1908) под общей редакцией архиепископа Константина издан сборник «Санкт-Петербургская Православная Духовная академия» и др. материалы. Благодаря высокой компетенции, человеческой чуткости и внимательности Владыки, в Ученом совете было налажено конструктивное сотрудничество с бывшими ректорами СПбДА: проф.—архиепископом Михаилом (Мудьюгиным), проф.—прот. Николаем Гундяевым, проф.—прот. Владимиром Сорокиным и проф.—прот. Василием Стойковым. Руководители знают, что четыре бывших ректора в Совете — это очень сложная и деликатная ситуация. Члены Ученого совета поддерживали ректора в непростых ситуациях¹. Общими трудами удалось успешно завершить реформу Академии и семинарии, проводимую под руководством Учебного комитета².

Владыкой были приложены усилия для большей открытости Академии и активизации научной работы. С этой целью заключены договоры о сотрудничестве с историческим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета (декан — профессор И. Я. Фроянов, + 2021), Эрмитажем, Русским музеем, Военно-космической академией и др. Впервые привлечен ряд университетских профессоров для преподавания в академии. С 1997 г. в Санкт-Петербурге ежегодно на базе университетов начали проводиться совместные Покровские, Татьянинские, Знаменские чтения и конференции. Впервые ректор Духовной академии был избран членом Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга — это был акт признания университетским сообществом Духовной академии. Проводились различные мероприятия Собора православной интеллигенции, созданного по благословию Владыки Константина. Неоднократно он получал награды от университетов Санкт-Петербурга, благодарности от Совета ректоров «за многолетний плодотворный труд, обеспечивший устойчивое взаимодействие Православной и светских высших школ Санкт-Петербурга в борьбе за духовность молодежи России». Поддерживал развитие Русского Христианского гуманитарного института (ректор Бурлака Д. К.). В 2001 г., впервые на базе СПбДА, состоялось общее собрание Российской академии естественных наук (РАЕН)³. В январе 1999 г. в СПбДА была проведена представительная VII Международная консультация православных богословских школ СИНДЕСМОС. Епископ Константин возглавлял делегацию РПЦ на XVI Генеральной Ассамблее СИНДЕСМОС, которая проходила в июле 1999 г. в Ново-Валаамском монастыре (Финляндия). Несмотря на сопротивление некоторых делегатов из стран НАТО, все же была принята резолюция, осуждающая наговские бомбардировки Белграда⁴.

Уникальным проектом стало создание в 2002 г. по благословию Святейшего Патриарха Алексия II и при поддержке Председателя Совета рек-

¹ Кирилл Копейкин, протоиерей. Юбилей ректора // Христианское чтение. № 20, 2001. С. 25–58.

² Ефимовская В. «Строкой незавершенной...» О религиозной, творческой деятельности и общественном служении архиепископа Тихвинского Константина (Горьнова), ректора Санкт-Петербургской Духовной академии // Родная Ладога. № 1, 2009. С. 13–24.

³ Патриарх Алексий II (Ридигер). Речь в актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии 10 сентября 2001 г. // Христианское чтение. № 20, 2001. С. 17–24.

⁴ Дмитрий Юревич, протоиерей. Синдесмос и Санкт-Петербургские духовные школы // Христианское чтение. № 18, 1999. С. 26–80.

*Посещение Патриархом Алексием II
Санкт-Петербургской Духовной академии*

торов вузов Санкт-Петербурга В. Е. Романова Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров». Президентом «Покрова» был избран епископ Константин, вице-президентом — ректор Российского государственного педагогического университета им. Герцена Г. А. Бордовский. Ассоциация «Покров» объединяет около 40 ведущих гражданских и военных вузов Санкт-Петербурга и других городов России. Созданное впервые в России Петербургское вузовское студенческое благочиние включает в себя 20 университетских приходов. Главным межвузовским праздником, проводимым ассоциацией «Покров», является День святой мученицы Татьяны, покровительницы российского студенчества. Этот праздник из чисто церковного и студенческого «междусобойчика» получил статус церковно-государственного. В. И. Матвиенко (в то время губернатор Санкт-Петербурга), В. Е. Романов и Владыка Константин были удостоены высшей награды межвузовской ассоциации «Покров» — Золотого Креста св. мц. Татьяны.

Настоящий богословский труд, учеба и литургическая жизнь нуждается в правильно организованном быте, поэтому Владыка провел большие ремонтные работы в академии с целью создать достаточную базу для всех ее отделений, студенческих общежитий, администрации, библиотеки и других подразделений¹. Была создана иконописная школа, церковно-археологический музей, большое книгохранилище, компьютерный класс и академический веб-сайт, спортзал. Регентское отделение, не имевшее своего помещения, получило отдельное двухэтажное здание, была сшита новая элегантная форма для учащихся регентского отделения и иконописной школы, приобретено обложение для академического храма. Улучшены бытовые условия учащихся и

¹ Отчет о работе VII Международной консультации православных богословских школ // Христианское чтение. № 18, 1999. С. 85–90.

Возвращение Тихвинской иконы Божией Матери. 2004 г.

условия труда сотрудников. Преподаватели стали получать дополнительную оплату за проверку студенческих сочинений, за руководство научными работами, а также денежные премии к Рождеству Христову, Пасхе, Актовому дню апостола Иоанна Богослова, началу учебного года и др. поощрения.

В первую очередь была ликвидирована аварийная ситуация, возникшая в главном корпусе в связи с неравномерной просадкой фундамента и пожароопасная ситуация в библиотеке. Также много трудов было положено на работы по восстановлению главной святыни Духовной школы — академического храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова, чья мозаичная икона украсила фасад здания. Над академическим храмом установлен купол. После завершения капитального ремонта храма 4 октября 2008 г. Владыка Константин в сослужении преподавателей в священном сане совершил освящение престола академического храма полным архиерейским чином. Дело в том, что при открытии Академии и семинарии 8 октября 1946 г. престол был освящен иерейским чином без Святых мощей, а во время капитального ремонта храма демонтирован. Храмовая роспись, сделанная на скорую руку после войны, пришла в негодность, потрескалась и осыпалась, вызывала постоянную критику, как с художественной, так и с канонической стороны. Следует отметить, что в годы войны в здании семинарии располагался госпиталь, а во дворе до сих пор сохранилось строение морга. В ходе ремонта под руководством преподавателей иконописной школы заново были расписаны алтарь и своды академического храма, поскольку от дореволюционной

росписи ничего не осталось. Не осталось также церковной утвари, иконостаса. Иконостас был установлен в академическом храме после войны, он был привезен из одного из закрытых приходов. Были заменены также некоторые иконы в иконостасе, написанные преподавателями и лучшими студентами иконописной школы.

Учебные и жилые корпуса, библиотека после обширных ремонтных работ и полной замены всех коммуникаций (водопровод, канализация, отопление, электропроводка) были подготовлены к празднованию 200-летия академии. Много делал Владыка и для сохранения былой славы академии. Еще будучи экскурсоводом церковно-археологического кабинета при МДА, он оценил важность наглядного образа эпох, что давала бы студентам ощущение личной связи с великим прошлым Церкви и их альма-матер. В СПбДА также был создан церковно-археологический музей им. Патриарха Алексия II¹ и портретная галерея архиереев — выпускников Ленинградской — Санкт-Петербургской Духовной академии.

Кроме трудов в Северной столице, Владыка Константин активно участвовал в жизни Православной Церкви в Северо-Западном крае нашей Родины. Так, по приглашению Святейшего Патриарха Алексия II, 3 июня 2000 г. (в день своего тезоименитства князя Константина Муромского) Владыка Константин сослужил Предстоятелю при освящении восстановленного Александро-Невского кафедрального собора в г. Петрозаводске, а затем в Кижях. Позже эта дата — 3 июня была определена священноначалием РПЦ как «Собор Карельских святых», а позже Владыка Константин промыслительно стал митрополитом Петрозаводским и Карельским.

Важным фактом биографии Владыки является тот, что летом 2004 г. он принимал активное участие в возвращении Тихвинской иконы Божией Матери, которая после Великой Отечественной войны долгое время находилась в США, за что получил грамоту от губернатора Ленинградской области В. П. Сердюкова «За содействие в деле возвращения Тихвинской иконы Божией Матери»².

В целом, стоит подчеркнуть, что труды Владыки Константина были видны и заслуженно ценились священноначалием Церкви. Владыка неоднократно получал благодарности от Ученого совета СПбДАиС за труды по благоустройству духовных школ, а также заботу о профессорско-преподавательской корпорации, а 25 февраля 2003 г. он был возведен Патриархом Алексием II в сан архиепископа. Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром награжден медалью апостола Петра. Также удостоен государственной награды медали «В память 300-летия Петербурга» (2003).

По почину Владыки духовное образование не замыкалось в стенах академии, но во всей своей полноте и красоте открывалось всем верующим людям, верным Церкви, желавшим к нему прибегнуть. Так, осенью 2005 г. по благословению Патриарха Алексия II и митрополита Владимира был создан Народный Православный университет (НПУ), также не имеющий аналогов в стране, как и ассоциация «Покров». Возглавил НПУ ректор Санкт-

¹ Архиепископ Константин (Горянов) // *Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской духовной академии*. СПб.: Изд. Зимина, 2011. С. 96–97.

² *Беззубцев-Кондаков А., Ильина Г.* Тихвинская Путеводительница: по молитвам и трудам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось возвращение чудотворной иконы в Россию // *Христианское чтение*. № 24, 2005. С. 24–48.

Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права С. М. Климов. Занятия проходят по трехгодичной программе. Председателем Попечительского совета НПУ был избран архиепископ Константин.

Статистические данные о состоянии СПбДА за период с 1946 по 2006 гг.¹

	1946	1976	1986	1996	2006
	Возрождение ЛДАиС	30 лет ЛДАиС	40 лет ЛДАиС	50 лет СПбДАиС	60 лет СПбДАиС
Профессоров	3	8	9	5	18
Доцентов	5	3	6	7	10
Преподавателей	3	30	60	76	63
Корпорации всего	11	41	75	88	92
Студентов семинарии	28 (1 класс) +30 (3 класса)	150	227	275	262
Студентов академии	16, в т.ч. стационар — 3, экстернат — 11	62	73	112	163
Студентов регентского отделения	Не было	Не было	71	101	90
Студентов иконописного отделения	Не было	Не было	Не было	Не было	37
Студентов иностранного факультета	Не было	26	14	15	24
Всего студентов	74	238	371	492	556
Библиотечный фонд	9 815 книг	165 000 книг	200 000 книг	220 000 книг	300 000 книг
Общая площадь	Нет данных	7 551,94 км ²	9 061,27 км ²	11 307 км ²	14 763 км ²

Показательна статистика, свидетельствующая о большом объеме и высоком качестве проделанной Владыкой Константином учебной и научной работы. За 12 лет и 3 месяца ректорства (1996–2008) Владыки Константина количество профессоров в академии выросло с 5 до 18, доцентов — с 7 до 10, студентов — с 492 до 560, а количество защищенных диссертаций повысилось в 2,7 раза по сравнению с предыдущим таким же двенадцатилетним периодом. Это при том, что требования к диссертациям стали предъявляться более высокие. За труды во благо СПбДАиС Владыка Константин был награжден Патриархом Алексием II орденом преп. Сергия Радонежского II степени (2001), именной панагией к 10-летию архиерейской хиротонии (2001), а в связи с 60-летием возрождения Санкт-Петербургских Духовных школ и 285-летием их основания Юбилейной Патриаршей грамотой и орденом Святителя Иннокентия Московского II степени (2006)². Он был также избран членом

¹ Санкт-Петербургская православная духовная академия. СПб., 2008. С. 101.

² *Ефимовская В.* «Стройкой незавершенной...» О религиозной, творческой деятельности и общественном служении архиепископа Тихвинского Константина (Горьнова), ректора Санкт-Петербургской Духовной академии // Родная Ладога. № 1, 2009. С. 13–24.

Экспертно-консультативного совета Законодательного Собрания Ленинградской области, почетным доктором Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (Инжэкона), сопредседателем попечительского совета Мариинской больницы, почетным членом Санкт-Петербургского общества врачей им. архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Был участником Международного форума Балтийских стран «Петербургский диалог». Награжден медалью лауреата «Личность Петербурга» (2008).

Архиепископ Курганский и Шадринский (2008–2015)

Труды Владыки Константина в Петербурге показали его как православного богослова и педагога, ученого, талантливого руководителя и ревностного пастыря. Решением Священного Синода от 6 октября 2008 г. архиепископ Константин назначен Управляющим Курганской и Шадринской епархией¹. Перед отъездом в Курган, 8-9 октября Владыка провел торжества, посвященные актовому дню СПбДА — апостола и евангелиста Иоанна Богослова, а 10 октября под его руководством в актовом зале СПбДА прошла конференция, посвященная 100-летию преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского — выпускника академии. На конференции Владыка выступил с пленарным докладом².

За время его пребывания на Курганской земле жизнь в епархии заметно активизировалась. Возникли новые традиции, восстанавливающие миссию Православной Церкви как фактора социальной стабильности и объединения людей вокруг общих моральных ценностей — патриотизма, созидательного труда, милосердия и семьи. Владыка укрепил и расширил плодотворный диалог между Церковью и светскими властями на основании подписанного соглашения о сотрудничестве Курганской и Шадринской епархии и Правительства Курганской области; много и конструктивно сотрудничал с органами местного самоуправления, светскими общественными организациями по вопросам оказания духовной и материальной помощи социально обездоленным людям, культурного развития и духовно-нравственного воспитания жителей Зауралья.

За семилетний период архиепископ Константин успел сделать очень многое для Курганской и Шадринской епархии: укрепил Церковь материально, решил многие запутанные юридические проблемы епархиальной собственности, построил новое здание Епархиального управления рядом с кафедральным собором святого Александра Невского, открыл новые приходы, начал работу по укреплению монастырей и организации монашеской жизни. Владыка организовал Курсы катехизации, отремонтировав большие площади заброшенных производственных помещений для культурно-просветительского центра. Открыл курсы подготовки учителей — преподавателей Основ православной культуры в школах. Организовал регулярный выпуск газеты епархиальных новостей, с высоким качеством и профессионализмом

¹ Архиепископ Тихвинский Константин назначен правящим архиереем Курганской епархии // Патриархия.Ru

² *Ефимовская В.* «Строкой незавершенной...» О религиозной, творческой деятельности и общественном служении архиепископа Тихвинского Константина (Горьнова), ректора Санкт-Петербургской Духовной академии // Родная Ладога. № 1, 2009. С. 13–24.

освещающей события на приходах и жизни Церкви. Активно работал в деле просвещения общества, подрастающего поколения, взаимодействуя с гражданскими структурами. Участвуя и устраивая совместные мероприятия, он привлекал гражданское население к жизни Церкви. Невозможно осветить в кратком сообщении всю полноту неутомимой деятельности Владыки Константина в Курганской и Шадринской епархии.

Начав свое служение на новом месте, Владыка сразу проявил интерес к истории края и церкви Зауралья. В результате работы над архивными материалами, вследствие научных изысканий, им были изданы книги «И познаете истину (Ин. 8:32)» (2011) и «Встань и иди в дом твой (Лк. 5:24)» (2014), «20 лет Курганской и Шадринской епархии» (2014), где впервые широко изложена история религиозной жизни на Курганской земле.

Став архиепископом Курганским и Шадринским, Владыка сразу вступил в должность, трудился напряженно, несмотря на сложные бытовые условия. Епархия погрязла в долгах и не имела даже своего автомобиля, а по приходам архиерей ездил на чужих машинах. Благо были добрые люди. В маленьком кабинете Управляющего епархией находились и трудились еще два сотрудника. Крестили в холодной подсобке, а младенцев мужского пола не было возможности заносить в алтарь. При материальной поддержке гендиректора ОАО «Корвет» А. В. Чернова, председателя попечительского совета Александро-Невского кафедрального собора, был оборудован крестильный храм. При материальной поддержке архиепископа Екатеринбургского Викентия и архиепископа Тобольского Димитрия была приобретена епархиальная резиденция. Архиепископ Константин в качестве профессора догматического богословия ездил читать лекции в Екатеринбургскую Духовную семинарию, преподавал в Тобольской Духовной семинарии.

С первых дней служения в Кургане под его руководством началось проведение новых, еще не знакомых этому региону церковно-общественных мероприятий. Жители Кургана и области часто отмечали, что Владыка Константин ввел много начинаний, о большинстве из них, ставших традиционными сегодня, тогда говорилось — «впервые». Так, по благословению архиепископа Константина 28-29 октября 2008 г. в Шадринске Курганской епархии прошли I Всероссийские Ильинские молодежные научно-богословские чтения, на которых он выступил с докладом, а уже 2 ноября состоялось долгожданное в Зауралье событие — закладка камня в основание будущего Богоявленского собора в г. Кургане¹. В январе 2009 г. в г. Кургане прошла Первая православная международная выставка-ярмарка «Добрый свет Рождества». Впервые духовенство г. Кургана во главе с архиепископом 9 мая 2009 г., в день празднования 64-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне, организовано приняло участие в торжественном митинге и торжественной церемонии возложения венков к Мемориалу Славы. Кроме этого, в мае 2009 г. в г. Кургане состоялся Первый Пасхальный конкурс-фестиваль клиросных хоров и ансамблей епархии.

10 сентября 2009 г. в преддверии престольного праздника кафедрального собора состоялась торжественная встреча ковчега с частицей мощей святого Благоверного князя Александра Невского, которую доставил архиепископ Константин из Свято-Троицкой Александро-Невской лавры Санкт-

¹ Сайт Правительства Курганской области. <https://kurganobl.ru/6235.html>

*60-летие архиепископа Курганского и Шадринского
Константина. Курган, 2011 г.*

Петербурга. По просьбе Владыки и по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, в виде исключения, частица мощей была передана Владыке Константину епископом Назарием, наместником Александро-Невской лавры. С 12 сентября при поддержке властями новой доброй традицией в Кургане стало проведение Александровских дней, посвященных памяти святого князя Александра Невского. В торжественном мероприятии и параде участвовали представители различных родов войск, которые отдавали честь великому полководцу Александру Невскому. Епархией учреждены именные денежные стипендии для лучших кадетов и курсантов погранинститута¹.

Впервые делегация Курганской и Шадринской епархии приняла участие в работе ежегодной церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь» ко Дню народного единства, проходившей с 4 по 8 ноября 2009 г. в г. Москве, в ЦВЗ «Манеж».

В 2009 г. при поддержке А. В. Чернова была завершена реконструкция Александро-Невского кафедрального собора. Начато восстановление старых разрушенных церквей, обителей и строительство многих новых храмов. Особо следует отметить строительство величественного собора в честь Рождества Христова в райцентре Частоозерье, ставшего первым каменным собором, построенным на территории Курганской области за последние сто лет. В истории храма Рождества Христова есть грустные и радостные страницы. В середине 1820-х годов тщаниями прихожан была возведена камен-

¹ Литвиненко Д. Служение Богу и народу. К 20-летию архиерейской хиротонии Высокопреосвященнейшего Константина, архиепископа Курганского и Шадринского // Родная Ладога. № 3 (17), 2011. С. 170–181.

ная церковь в деревне Частоозерской. Ее первый придел был освящен в честь Рождества Христа Спасителя. От этого и название. При Храме была открыта церковно-приходская школа, действовало приходское попечительство. В суровые 1930-е годы богоборцы отобрали у верующих церковь: здание было разобрано до основания. Остатки храма еще упоминаются в документах 1956 г., но вскоре и эти свидетельства исчезли. Многие десятилетия прихожане ютились практически в избушке. В 2007 г. в Частоозерье заложен первый камень в основание нового храма. Идея строительства церкви на самом высоком месте, на берегу озера Мартынова, принадлежит основателям предприятия «Велес» братьям Александру и Дмитрию Ильячковым и Дмитрию Каширину. Для церковной колокольни приобретены одиннадцать колоколов. Сегодня храм виден издалека: его высота с крестом достигает 27 метров. В 2012 г. в райцентре Частоозерье произошло светлое и радостное событие — освящение архиерейским чином храма Рождества Христова.

В проповеди на торжество освящения собора Владыка отметил: «Храмы — это уделы Божьи. В годы революции богоборцы грабили и разрушали церкви, а на нашу долю выпала благая задача — исправлять отступления, возрождать Церковь, распространять и укреплять веру в современной России, строить новые храмы, просветлять мудростью Христова учения души людские. Ради этого после многолетних трудов возведен прекрасный Рождественский собор. Сюда будут приходить озябшие без Бога люди и, согретые Его милосердием, просветленные искуплением, духовно укрепленные единением они, выходя из стен церкви, понесут в мир высшие ценности бытия. Великое и радостное событие свершилось. Этот храм будет своеобразной лечебницей душ. Ведь священник в церкви — это духовный врач».

В 2011 г. в Частоозерье состоялось открытие и освящение величественного памятника великомученику Георгию Победоносцу. Высота памятника вместе с постаментом — более 7 метров.

Значимым стало возведение храма в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери, он освящен также в 2012 году. Это единственный, специально построенный храм в РПЦ в честь Ее иконы, а также первый каменный храм, построенный в Кургане за последние сто десять лет. Храм находится на территории оборонного предприятия «Курганприбор». Строитель — генеральный директор С. Н. Муратов, ныне член Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности¹. С декабря 2009 г. по благословению архиепископа Константина он стал издавать новый журнал «Русское поле Зауралья. Для тех, кто любит и верит в Россию». С. Н. Муратов много содействует благоустройству Чимеевского мужского монастыря. Благотворитель по благословению архиепископа Константина взялся также за строительство Свято-Троицкой церкви в Кургане на берегу Тобола. За основу был принят проект Успенского (блокадного) храма в С-Петербурге, что расположен на берегу Невы. Владыка привез необходимую проектную документацию. Сейчас все строительные работы завершены, приступили к росписи храма.

Весной 2015 г. освящено новопостроенное двухэтажное здание Курганского Епархиального Управления.

¹ Литвиненко Д. Служение Богу и народу. К 20-летию архиерейской хиротонии Высокопреосвященнейшего Константина, архиепископа Курганского и Шадринского // Родная Ладога. № 3 (17), 2011. С. 170–181.

*Медицинский осмотр престарелых больных монахов
в Боровском монастыре Курганской епархии*

Собор Богоявления Господня, построенный в одном из красивейших мест Кургана — на излучине реки Тобол, при пересечении улиц Красина и Климова, воплотил в себе лучшие черты русского церковного зодчества конца XVII — начала XVIII веков. Прообразом курганского храма стал храм Рождества Иоанна Предтечи, расположенный в старинном русском городе Угличе, на берегу Волги. Храм имеет три придела, шатровую колокольню и красивое церковное крыльцо. 2 ноября 2008 г. состоялся чин закладки камня в основание будущего храма, который совершил архиепископ Курганский Константин. 27 марта 2011 г. состоялся чин великого освящения престола в возведенной придельной части Богоявленского храма в честь святых князей Петра и Февронии Муромских. Частицы мощей святых Петра и Февронии были переданы архиепископом Владимирским и Суздальским Евлогием специально для Богоявленского храма.

Строительство Богоявленского собора не было быстрым в связи с финансовыми трудностями, но при поддержке министра культуры РФ Владимира Мединского и депутата Государственной Думы Александра Ильяtkова работы ускорились. Весной 2014 г. воронежская компания «Аркада», возводившая прежде в Курганской епархии келейный корпус с домовым храмом в Свято-Казанском Чимеевском мужском монастыре и храм во имя Рождества Христова в с. Частоозерье, приступила к воздвижению стен второго этажа и завершила сооружение стен и каменных сводов храма за 9 месяцев.

25 января 2015 г. архиепископ Курганский и Шадринский Константин совершил великое освящение центрального престола Храма во имя Богоявления. «Все это было бы абсолютно невозможно, если бы нас не благословил Владыка Константин, — сказал на открытии храма Владимир Мединский. — Если бы Александр Ильтяков не взял все в свои жесткие руки. И действительно, за такой срок построить церковь — редко, когда получается».

По настоянию Владыки Константина и при поддержке руководства силовых структур Курганской области всего за 9 месяцев в Кургане также был построен красивый кирпичный храм в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона, а также церковный дом. До этого верующие молились в железнодорожном вагоне, обложенном для утепления кирпичом.

Но не только новыми храмами украшалось Зауралье.

Активная деятельность в социальной сфере — участие и организация фестивалей, чтений, конкурсов — осуществлялась не в ущерб установленной богослужбной жизни на приходах и не обростала ворохом бумажных отчетов, а лишь дополняла ее: все действия находились в разумном равновесии, что было следствием компетентной, продуманной работы архиепископа Константина. Успех деятельности Владыки Константина в Курганской и Шадринской епархии был связан еще и с тем, что он находил отклик у равнодушных людей, находил верных помощников и благонравных исполнителей, с помощью которых успешно воплощались в жизнь все поставленные задачи. Давая возможность человеку показать свои способности в каком-то добром деле, Владыка Константин проявлял личный интерес к проблеме, но не сковывал свободную волю исполнителя придирчивой опекой, поэтому результат не заставлял себя долго ждать. Так совершилось строительство и освящение деревянной церкви в честь преподобного Серафима Саровского в г. Кургане.

По инициативе и по благословию Владыки в Зауралье проводились Дни православной книги, стал реализовываться социально-педагогический проект «Шаг навстречу», начал действовать специальный социальный проект «Чужих детей не бывает», в рамках которого журналисты епархии стали рассказывать о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, с целью привлечения опекунов и усыновителей. На базе Чимеевского Успенского монастыря (но за его оградой) стали проводиться Чимеевские фестивали современной православной песни, в которых принимали участие десятки творческих коллективов из многочисленных городов России. Открылись первые богословско-катехизаторские курсы в просторных помещениях, безвозмездно переданных, отремонтированных и приспособленных к занятиям руководством ОАО «Корвет» (ген. директор А. В. Чернов). Разработана и внедрена программа «Основы Православной культуры»¹.

Архиепископ Константин после своего назначения на Курганскую кафедру в 2008 г. начал работу по сбору материалов о почитании в епархиях Русской Православной Церкви преподобного Далмата Исетского для его общецерковного прославления. 4 февраля 2013 г. Архиерейский Собор РПЦ, заслушав на пленарном заседании доклад епископа Троицкого

¹ *Константин Павлюченко, диакон. Служение Богу и народу // Православная газета — Курган. № 3 (47), 2011. С. 7.*

Панкратия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, утвердил общецерковное прославление преподобного Далмата Исетского. Его мощи находятся в Свято-Успенском мужском монастыре г. Далматово. Были также учреждены епархиальные медали прп. Далмата двух степеней. Первым был удостоен этой награды известный русский писатель, житель Кургана Виктор Потанин. Систематически проходили встречи с творческой интеллигенцией Кургана. На Рождественские чтения, которые проходили в переполненном, рассчитанном на 720 мест актовом зале Курганского государственного университета, приглашались ведущие ученые из разных городов России.

С 2008 по 2015 гг. архиепископ Константин являлся проректором по научной работе Екатеринбургской Духовной семинарии, профессором догматического богословия и научным редактором «Вестника Екатеринбургской ДС». Некоторое время он также читал лекции по догматическому богословию в Тобольской Духовной семинарии¹. Это многие сотни километров, а дальние поездки требовали больших сил.

После совершения прощальной Божественной Литургии в воскресенье 10 мая 2015 г. и благодарственного молебна 11 мая в кафедральном соборе состоялось прощание с народом. Архиепископу Константину навсегда запомнились слова паствы: «Большое спасибо Вам, Владыка, что Вы научили нас любить Бога».

Председатель Синодальной богослужебной комиссии

3 декабря 2013 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался председатель Синодальной богослужебной комиссии (СБК) архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов). 25 июля 2014 г. архиепископ Константин назначен Священным Синодом и Святейшим Патриархом Кириллом (журнал № 81) на должность председателя СБК с поручением представить на утверждение Священного Синода обновленный состав комиссии². Основной задачей СБК является подготовка текстов новых служб, тропарей, кондаков, молитв святым, особо чтимым в РПЦ, а также других богослужебных текстов. Кроме этого, члены комиссии постоянно принимают участие в редактировании и составлении богослужебных текстов и чинопоследований, в частности, составление служб и отдельных молитвословий новопрославленным святым, а также тем святым, которым ранее служба совершалась по Общей Минее. На заседаниях Комиссии обсуждаются вопросы и принимаются предварительные решения по сложным календарным вопросам, а также введение новых текстов в богослужебную практику РПЦ на основе церковного Устава (Типикона) и литургической традиции Русской Церкви. В качестве Председателя СБК Владыка Константин регулярно принимает участие в заседаниях Комиссии, которые проходят в Троице-Сергиевой лавре.

В состав комиссии входят архимандрит Макарий (Веретенников), проф., доктор церковной истории; игумен Андроник (Трубачев), доцент

¹ Врач, учитель, священник // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2011. Вып. 2. С. 308–314.

² Журналы заседания Священного Синода от 25 июля 2014 года. Журнал № 81 // Патриархия.Ru

МДА; протоиерей Сергей Правдолюбов, доктор богословия; протоиерей Павел Хондзинский, доктор теологии, проф., зав. кафедрой практического богословия Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; игумен Иоанн (Самойлов), доц. МДА и председатель Богослужбной комиссии Московской епархии; игумен Петр (Ерышалов), наместник Ипатьевского монастыря города Костромы. При новом председателе состав Комиссии был существенно расширен. В состав Комиссии были включены: епископ Ирпентский Климент, председатель Календарной комиссии Украинской Православной Церкви; протоиерей Николай Балашов, доктор богословия заместитель председателя Отдела внешних церковных связей; протоиерей Феодор Гуряк, преподаватель СПбДА; протоиерей Георгий Соколов, доцент Минской Духовной академии; иерей Михаил Желтов, зав. кафедрой церковно-практических наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры, доцент МДА; иерей Константин Павлюченко, преподаватель Екатеринбургской Духовной семинарии, кандидат богословия; протодиакон Владимир Василик, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Сретенской Духовной семинарии; Пентковский Алексей Мстиславович, профессор Московской Духовной академии. Для подготовки и проведения заседаний рабочих групп и пленарных заседаний Комиссии постоянно привлекаются преподаватели МДАиС иеромонах Таврион и протоиерей Сергей Забелич. В 2014 г. создан официальный сайт комиссии: <http://www.sbkgrc.ru>. Разработан официальный бланк.

Под Председательством митрополита Константина было пересмотрено и дополнено Положение о комиссии, утвержденное 24 декабря 2015 года.

В 2017 г. по благословению Святейшего Патриарха Кирилла расширен состав Синодальной богослужбной комиссии. В состав Комиссии включили архиепископа Берлинского и Германского Марка (в настоящее время митрополит) и епископа Каракасского и Южно-Американского Иоанна.

За последние годы, начиная с 2014-го по 2020-й, Синодальная богослужбная комиссия проделала колоссальный труд по редактированию богослужебных текстов.

В 2014 году Синодальная богослужбная комиссия завершила работу над сборником дополнительных служб, представленным наместником Сретенского монастыря города Москвы архимандритом Тихоном (Шевкуновым). В частности, были отредактированы и представлены на утверждение Священного Синода: Служба преподобному Серафиму Вырицкому; Служба святителю Луке, архиепископу Симферопольскому; Служба Собору Псковских святых. Начата работа по редактированию Службы преподобному Льву, старцу Оптинскому. Кроме того, Комиссия рассмотрела: проект молебна о болящем младенце, составленный Преосвященным епископом Евтихием, и дала положительное заключение; проект нового текста отпевания мирских человек, составленный Преосвященным епископом Евтихием, и дала отрицательное заключение; чин благословения супругов, давно проживших в браке, и дала отрицательное заключение; молебное пение о страждущих недугом винопития или наркомании, составленный РПЦЗ, и внесла необходимые исправления; ряд недоуменных вопросов о дне и порядке празднования преподобному Сергию Радонежскому, преподобному Андрею Иконописцу, Китайским мученикам, Державной иконе Божией Матери и дала соответствующие рекомендации.

В 2015 году во исполнение благословения Патриарха Кирилла увеличить эффективность работы Комиссии на заседании 11.06.2015 г. была создана дополнительная, санкт-петербургская рабочая группа, к работе которой привлечены эксперты — доктора богословия иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зинковские), клирики Гатчинской епархии. 1 декабря 2015 г. завершена работа над Положением о Синодальной богослужебной комиссии, для чего была сформирована отдельная рабочая группа под руководством прот. Николая Балашова.

По просьбе архиепископа Константина Святейший Патриарх Кирилл благословил, а наместник Троице-Сергиевой лавры архиепископ Сергиево-Посадский Феогност выделил для СБК помещение в Лавре. Помещение было меблировано и оборудовано оргтехникой, что способствовало большей эффективности работы Комиссии. Произведена работа по составлению описи архива Комиссии, который хранился в картонных коробках дома у секретаря СБК игумена Андроника (Трубачева), и составлен план работы Комиссии на 2015–2017 годы. Опись была передана Святейшему Патриарху Кириллу, который определил приоритеты работы СБК и утвердил план работы Комиссии. Находившиеся в архиве Комиссии тексты акафистов были переданы в рабочую группу по акафистам при Издательском совете. В 2015 г. Комиссией отредактирован ряд служб и богослужебных последований, которые утверждены Священным Синодом. Священным Синодом утверждены: Служба святителю и исповеднику Луке, архиепископу Симферопольскому и Крымскому — журнал заседания Священного Синода № 28 от 5 мая 2015 года. Служба Санкт-Петербургским святым — журнал заседания Священного Синода № 80 от 22 октября 2015 года. Ряд тропарей и кондаков: Собору Вятских святых, преподобномученикам Белогорским, преподобномученику Варлааму Белогорскому, святому праведному Петру Владимирскому, преподобному Алексию Зосимовскому, священномученику Сергию Скворцову — журнал заседания Священного Синода № 81 от 22 октября 2015 года. Служба священномученику Вениамину Петроградскому и иже с ним пострадавшим, а также тропари, кондаки и молитвы Божией Матери перед иконой Ее «Косинская» и священномученику Владимиру Амбарцумову. Журнал заседания Священного Синода № 114 от 24 декабря 2015 года. Утверждено Положение о Синодальной Богослужебной комиссии. Журнал заседания Священного Синода № 113 от 24 декабря 2015 года.

В 2016 году Комиссией отредактирован ряд служб и богослужебных последований, которые утверждены Священным Синодом: тропарь, кондак и молитва святителю Серафиму, архиепископу Богучарскому — журнал заседания Священного Синода № 1 от 3 февраля 2016 года. Служба иконе Божией Матери «Свенская-Печерская» — журнал заседания Священного Синода № 70 от 15 июля 2016 года. Тропарь, кондак и молитва преподобному Герману Зосимовскому — журнал заседания Священного Синода № 70 от 15 июля 2016 года. Служба иконе Божией Матери «Черниговская Гефсиманская» — журнал заседания Священного Синода № 15 от 16 апреля 2016 года. Тропарь, кондак и молитва святому праведному Павлу Таганрогскому — журнал заседания Священного Синода № 15 от 16 апреля 2016 года. Служба Абалакской иконе Божией Матери — журнал заседания Священного Синода № 96 от 21 октября 2016 года. Служба сщмч. Вла-

димиру Амбарцумову — журнал заседания Священного Синода № 96 от 21 октября 2016 года. Тексты прошений о страждущих недугами пьянства и наркомании (в день памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи) — журнал заседания Священного Синода № 69 от 15 июля 2016 года. Тексты заупокойных прошений обо всех убиенных в годы репрессий — журнал заседания Священного Синода № 44 от 13 июня 2016 года.

В 2017 году Комиссией отредактирован ряд служб и богослужебных последований, утвержденных Священным Синодом: Служба Собору Дивеевских святых, преподобному Илариону Оптинскому, а также тропарь и кондак преподобному Адриану Ондрусовскому; тропарь, кондак и величание Святым Отцем Поместного Собора Церкви Русския; служба Собору Липецких святых, а также тропарь и кондак преподобному Далмату Исетскому; священномученикам Николаю и Иннокентию, пресвитерам Новосибирским; священномученику Мисаилу, епископу Рязанскому; священномученику Петру, архиепископу Воронежскому; новомученицам Евдокии, Дарии, Дарии и Марии Пузовским. Подготовлено и отредактировано более 20 богослужебных текстов, направленных на рассмотрение членам Священного Синода.

За 2018 год Комиссия рассмотрела и составила отзыв на проект документа «Акафист в молитвенной жизни Церкви». Было составлено и утверждено также чинопоследование молебна с акафистом. Кроме этого, члены комиссии подготовили проект документа «Пассия как элемент современного православного богослужения» и сочла целесообразным его общецерковное обсуждение. Было подготовлено 12 текстов служб святым. Священным Синодом были утверждены следующие службы: Собору Кемеровских святых; священномученику Михаилу, пресвитеру Орловскому; новомученикам Быковским; праведному Алексею, пресвитеру Московскому; Последование об усопших младенцах, не приемших благодати святого Крещения; служба мученику Алексею Елнатскому; служба преподобному Амфилохию Почаевскому; служба преподобному Василиску Сибирскому; служба благоверному князю Олегу Брянскому; тропарь и кондак священномученикам Александру Сахарову и Иоанну Тихомирову Шатурским; служба Отцам Поместного Собора Церкви Русской.

В 2018 г. Комиссия утвердила и разместила на своем официальном сайте методические указания по составлению богослужебных последований. Комиссия дала отзыв на проект документа «Акафист в молитвенной жизни Церкви», а также, во исполнение поручения Священного Синода, составила чинопоследование молебна с акафистом.

2019 год в деятельности Комиссии стал особо плодотворным. В 2019 г. СБК рассмотрела и одобрила в окончательной редакции документ «Пассия как элемент богослужения Русской Православной Церкви», утвержденный впоследствии на заседании Священного Синода 30 мая (журнал № 53). 30 мая Священный Синод утвердил также представленное Комиссией чинопоследование молебного пения с акафистом. Священным Синодом одобрена также составленная Комиссией молитва перед принятием медицинского и профилактического лекарства. Комиссия рассмотрела и одобрила канон покаянный и умилительный Богородице, чтомый женой, погубившей чадо во утробе своей, а также молитву Господу и Спасителю Иисусу Христу, чтомую перед иконой «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Ру-

си»¹. Из текстов служб следующие были утверждены Священным Синодом: Служба святителю Иннокентию, епископу Пензенскому и Саратовскому. Служба новомученице Татиане Гримблит. Служба преподобному Аристоклию, Московскому чудотворцу. Служба преподобной Александре Дивеевской. Служба всем святым, в земли Брянской просиявшим. Служба Пресвятой Богородице «Всецарица». Служба прп. Мисаилу Абалакскому. Служба прмц. Анне и Матроне Алексиевским. Тропарь, кондак и молитва преподобному Ионе Яшезерскому. Тропарь, кондак и молитва святителю Ионе Великопермскому. Тропарь, кондак и молитва священномученику Димитрию Русинову, пресвитеру. Тропарь, кондак и молитва преподобномученицам Сходненским Наталии (Баклановой), Екатерине (Константиновой) и Елене (Коробковой). Тропарь, кондак и молитва преподобномученице Марии (Мамонтовой-Шашиной). Тропарь и кондак священноисповеднику Иоанну Оленевскому (Калинину). Тропарь, кондак и молитва священномученику Константину Ростовскому (Верецкому). Тропарь, кондак и молитва священномученику Иоанну Державину. Тропарь, кондак и молитва священномученику Михаилу Рыбину².

2020 год, несмотря на ковид-пандемию, комиссия в 2020 г. работала практически в ежедневном режиме в онлайн-формате. 11 марта 2020 г. Священный Синод заслушал рапорт Председателя СБК митрополита Константина о представлении на утверждение Священного Синода ряда тропарей и кондаков (журнал № 21). К общецерковному богослужебному употреблению утверждены тексты тропарей и кондаков: священномученику Василию Максиму, пресвитеру Кабановскому; священномученику Иоанну Смирнову, пресвитеру; священномученику Сергию Кудрявцеву, пресвитеру Анискинскому; преподобномученице Дарии (Зайцевой); мученику Иоанну Попову. Синод также постановил одобрить с поправками для употребления за богослужением и в домашней молитве текст акафиста святому равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому.

8 декабря 2020 г. Священный Синод заслушал рапорты Председателя СБК митрополита Константина и к общецерковному богослужебному употреблению утвердил тексты: Всем святым, в земле Карельской просиявшим; священномученику Митрофану, пресвитеру Пекинскому; преподобным Александре, Марфе и Марии Дивеевским; преподобной Елене Дивеевской; преподобному Паисию Святогорцу; преподобному Поликарпу Брянскому; блаженному Василию Кадомскому; тропарь, кондак и молитву священномученику Серафиму, архиепископу Смоленскому; тропарь и кондак священномученику Георгию (Извекову), пресвитеру; тропарь, кондак и молитву преподобномученице Марии (Мамонтовой-Шашиной); тропарь, кондак и молитву преподобномученице Наталии (Баклановой); тропарь, кондак и молитву мученику Николаю Косинскому; тропарь и кондак священномученику Николаю (Попову), пресвитеру.

В 2020 году Комиссия рассмотрела и одобрила чинопоследование молебного пения для беременных и готовящихся рожать, переданное на рассмотрение Священного Синода. Комиссия также работала над текстом

¹ В Журнале Московской Патриархии вышла статья о работе Синодальной Богослужебной комиссии // <http://sbkrpc.ru>

² Журнал Московской Патриархии. М., № 927 (февраль, 02), 2019. С. 4.

*Пленарное заседание Синодальной богослужебной комиссии
в Троице-Сергиевой лавре*

служб прпмч. Павлину Могилевскому, Собору Пермских святых, а также над составлением чина благословения трапезной и чина благословения нежилого помещения.

В 2021 году перед Председателем СБК митрополитом Петрозаводским и Карельским Константином и членами Комиссии стоит задача создать и передать на утверждение Священного Синода порядка двадцати новых богослужебных текстов и чинопоследований.

Так, в первом квартале 2021 г. будут подготовлены чинопоследования службы блаженной Марфе Московской (предложение о создании такого литургического текста поступило из Алексеевского ставропигиального монастыря), рассмотрены аспекты введения в церковную жизнь и создания текстов особых прошений в ектениях и особых молитв, предназначенных к использованию в составе благодарственного молебного пения по случаю окончания учебы в школе и в высшем учебном заведении, а также успешной хирургической операции.

Во втором квартале перед лучшими литургистами Русской Церкви стоит задача подготовить текст службы преподобному Гавриилу Самтаврйскому, особо почитаемому в Рыбинской епархии, и священномученику Павлу Кушникову, а также создать принципиально новое последование чина погребения диаконов.

В третьем квартале члены Комиссии обратили особое внимание на подготовку богослужебных текстов, отвечающих духовным запросам отечественной преподавательской корпорации и студенчества. Это, в частности, чин благословения учебного заведения, молебное пение перед началом учебы в учебных заведениях для взрослых, а также молебное пение перед сдачей экзаменов. В подготовке данных последований будут использованы

предложения, внесенные членами комиссии в ходе проектных работ первого квартала. Кроме этого необходимо подготовить тексты служб святителю Антонию (Смирницкому).

Окончание отчетного 2020 г. для СБК увенчалось созданием последования службы одним из самых любимых святых северной Руси — преподобным Афанасию и Феодосию Череповецким и созданием текстов для молебного пения по случаю поиска работы и об одержимых компьютерной страстью.

Кроме того, в СБК в течение года поступает значительное количество внеплановых служб и документов, главным образом из Патриархии, которые срочно исполняются комиссией.

Председатель Церковно-общественного совета по биомедицинской этике

Церковно-общественный совет по биомедицинской этике (ЦОС) при Московской Патриархии был создан в январе 1998 г. на основании решений православной медицинской общественности, принятых на биомедицинской секции VI Международных Рождественских образовательных чтений. В июле 1998 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил деятельность Совета, основными задачами которого являются: изучение состояния биомедицинских исследований в России; морально-нравственная и правовая экспертиза экспериментальной и научно-практической деятельности в области биомедицины; участие в научно-практических национальных и международных конференциях и организациях по этическим проблемам современной биомедицины; информирование и консультирование широких слоев православной и российской общественности по этическим проблемам современной медицины.

Со дня основания работу ЦОС возглавляет митрополит Константин, профессор богословия, член президиума Российской академии естественных наук, кандидат медицинских наук и сопредседатели: профессор кардиолог А. В. Недоступ, председатель общества православных врачей Москвы, и протоиерей Дмитрий Смирнов (+ 2020), настоятель храма свт. Митрофана Воронежского, где и происходят заседания совета. В состав входят видные профессора, священники-врачи, практикующие врачи, эксперты по отдельным областям медицины. На заседаниях Церковно-общественного совета по биомедицинской этике обсуждаются этические вопросы новых репродуктивных технологий, динамика развития генетики, фетальной терапии, трансплантации, проблемы «планирования семьи» и аборт, наркологии, эвтаназии и идеология трансгуманизма. В последние годы к этим вопросам и к позиции Церкви по ним приковано особое внимание в обществе. Ответом на существующий социальный запрос является регулярный сборник статей «Православие и проблемы биоэтики», пятый выпуск которого состоялся в 2020 году. Работой редакционного совета издания руководит митрополит Константин.

Согласно Приказа № 4 от 11.01.2021 Министра Здравоохранения РФ М. А. Мурашко, митрополит Константин, по рекомендации ученых-медиков Москвы, включен в состав Совета по этике при Министерстве Здравоохранения РФ.

Митрополит Петрозаводский и Карельский

Священный Синод 5 мая 2015 г. постановил Преосвященным Петрозаводским и Карельским, главой Карельской митрополии быть архиепископу Курганскому и Шадринскому Константину, председателю Синодальной Богослужебной комиссии¹. 24 мая 2015 г., в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских (тезоименитство Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла), и День славянской письменности и культуры, архиепископ Константин сослужил Святейшему Патриарху в кафедральном соборном храме Христа Спасителя в Москве, где был возведен в сан митрополита.

По инициативе митрополита Константина и по благословению Патриарха Кирилла в то же время состоялось принесение в Петрозаводскую епархию ковчега с десницей великомученика Георгия Победоносца. В мероприятии приняли участие ветераны Великой Отечественной войны, духовенство епархии, военнослужащие, представители молодежных организаций, учащиеся кадетского корпуса. В кафедральном соборе была отслужена Божественная литургия. Сотни петрозаводчан имели возможность приложиться к святым мощам. А в день перенесения мощей св. кн. Александра Невского, 12 сентября, состоялись торжества, посвященные 25-летию возрождения Петрозаводской епархии. Были вручены архиерейские грамоты преподавателям кадетского учебного корпуса, а лучшим кадетам — именные свидетельства стипендиатов учрежденной митрополитом Константином денежной епархиальной премии им. Александра Невского. Это торжество стало ежегодным мероприятием.

За время служения митрополита Константина в должности управляющего Петрозаводской и Карельской епархией были введены многие новые начинания. Так, впервые, в Петрозаводском государственном университете прошла церковная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию возрождения епархии в Карелии, а также Первые образовательные Сретенские чтения. В епархии прошли праздничные мероприятия в связи с 500-летием преставления прп. Геннадия Важеозерского, в связи с чем была учреждена юбилейная медаль в его честь. Епархией были подготовлены и прошли торжества, посвященные 625-летию преставления преподобного Лазаря Муромского. Было принято решение об учреждении епархиальной награды — медали преп. Лазаря Муромского двух степеней. Под эгидой Синодальной богослужебной комиссии создаются службы Карельским святым. В Петрозаводске состоялось архиерейское освящение новопостроенной Ильинской церкви, в которой помещены памятные доски с именами погибших в «горячих точках» воинов, уроженцев Карелии.

Кроме освящения новопостроенных приходских храмов следует отметить большую работу по возрождению монастырей. Состоялось Великое освящение новопостроенного храма в честь Успения Пресвятой Богородицы в возрождающемся Сяндемском Успенском женском монастыре. Великим архиерейским чином освящен новопостроенный храм во имя свт. Николая в возрождающемся Клименецком Свято-Троицком мужском монастыре. Также митрополит Константин совершил великое освящение и первую Боже-

¹ Журналы заседания Священного Синода от 5 мая 2015 года. Журнал № 9 // Патриархия.Ru

Праздник пророка Илии и дня ВДВ. Петрозаводск. 2015 г.

ственную Литургию архиерейским чином в храме Преображения Господня в с. Спасская Губа Кондопожского района. За время управления Петрозаводской и Карельской епархией митрополит Константин совершил богослужения почти во всех приходах, даже там, где ранее никогда не было архиерейского богослужения.

По благословию митрополита Константина прошла капитальная реставрация Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска. В куполе храма написан 4-х метровый Крест. Накануне освящения собора в праздник Рождества Христова в 2019 г. в соборе произошло чудо — заблагоухали мощи преподобного Елисея Сумского, а 17 февраля, в Неделю о мытаре и фарисее, митрополит Константин совершил Чин великого освящения храма и первую после освящения Божественную литургию. На куполах появились 123 золотые звезды. Осенью 2019 г. прошли работы по благоустройству территории — произведена вырубка ветхих деревьев, разрушавших могилы, прошли работы по укладке брусчатки на всей территории вокруг храма.

13 сентября 2020 г. Владыка Константин освятил крестильный храм-часовню в честь преподобного Елисея Сумского. Освященная часовня, которую увенчал купол с крестом, находится в приходском доме собора, где размещается приходская школа в честь св. Иоанна Кронштадтского. Интересно, что в ходе ремонта и обустройства крестильного храма были заказаны в Санкт-Петербурге четыре больших (около 60 кв. м.) дорогостоящих натяжных полотна, так называемые «небеса». На каждом полотне изображены образы святых и архангелов. При монтаже одного из полотен, которое прямо над входом, полотно полностью повредилось. Когда монтажники достали из упаковки три других оставшихся полотна, то оказалось, что под ними лежит еще одно полотно, идентичное поврежденному. Удивительно,

что специалисты фирмы-изготовителя ответственно заявили, что было изготовлено и упаковано только четыре заказанных полотна. Откуда взялось пятое полотно? Промысл Божий, чудо?!..

Проводится большая работа в сфере культуры и образования, за что в конце 2017 г. Глава Республики Карелия А. О. Парфенчиков объявил митрополита Константина Лауреатом года «За большой вклад в духовное и культурное развитие Республики»¹. В 2021 г. Владыке Константину был вручен почетный знак Главы Республики Карелия «За вклад в развитие Республики Карелия». Большая работа проводится с воинскими структурами, отмечаются памятные воинские даты. Карельское духовенство во главе с митрополитом Константином впервые стало организовано принимать участие в ежегодной торжественной церемонии возложения венков и цветов к мемориальному комплексу «Аллея Памяти и Славы». 9 Мая в День Победы на этом торжественном мероприятии митрополит Константин в сослужении духовенства города по своей инициативе совершает Чин поминовения усопших воинов. Митрополит Константин не забывает и обитателей исправительных учреждений, совершая там литургию и собеседование.

Приоритетным направлением деятельности епархии является взаимодействие с детьми и молодежью. По благословению митрополита Константина в Петрозаводске состоялся новый международный фестиваль «Юные голоса Онего». В столицу Карелии прибыли 20 детских и юношеских коллективов: хоры, вокальные ансамбли, фольклорные коллективы из Карелии, Калининграда, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Владимира, а также из Грузии, всего около 600 юных хористов. По благословению митрополита Константина в Музыкальном театре Петрозаводска стала ежегодно проводиться епархиальная Рождественская елка. На празднике собираются более 600 детей из Петрозаводска, Кондопоги, Олонца, Медвежьегорска, Пряжи, а также дети из Луганска, Донецка, социальных центров. Все дети получают подарки. В рамках Международных Рождественских образовательных чтений проходят конференции, на которых Владыка Константин неизменно выступает с интересным пленарным докладом.

В рамках традиционно существующей программы по поддержке добрососедских отношений между приграничными епархиями в 2019 г. состоялся визит митрополита Константина в Финляндию. В ходе визита прошла встреча с Главой Финской Лютеранской Церкви архиепископом Турку и Финляндии Тапио Луома, а также с епископатом и руководителями епархиальных отделов. В Хельсинки состоялись встречи с благочинным православных приходов в Финляндии протоиереем Виктором Лютиком, епископом Миккеле Сешпо Хяккиненем и его пробстом Тимо Росквистом, ответственным за международные связи. Естественно, происходят и ответные визиты.

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин регулярно принимает участие в Рождественских парламентских встречах, которые проходят в рамках Международных Рождественских образовательных чтений в Государственной Думе РФ. В процессе работы Международных Рождественских образовательных чтений в Храме Христа Спасителя возглавлял

¹ Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин удостоен звания лауреата 2017 года в Республике Карелия // Православие в Карелии. Официальный информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

*Вручение денежных стипендий лучшим кадетам
в праздник св. кн. Александра Невского. Петрозаводск. 2016 г.*

конференцию по направлению «Христианская семья — домашняя Церковь», руководит секцией «Биоэтика и демография», организованной Церковно-Общественным советом по биомедицинской этике при Московской Патриархии.

25 февраля 2019 г. в патриаршей резиденции Патриарх Кирилл во внимание к трудам на благо Святой Церкви и в связи с 10-летием патриаршей интронизации наградил митрополита Константина, Председателя Синодальной богослужебной комиссии орденом св. князя Даниила Московского III степени. В том же году митрополит Константин на общем собрании Российской Академии Естественных наук в Санкт-Петербургском университете «Военмех» был награжден медалью генералиссимуса Александра Суворова и дипломом «За вклад в патриотические традиции Отечества» за книгу «Апокалипсисы революций»¹.

10–11 июля 2019 г. в день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев митрополит Константин сослужил Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. Митрополит Константин, начиная с 2015 г., ежегодно в эти дни сослужит Святейшему Патриарху на Валааме. Впервые за всю историю в Валаамском монастыре состоялось заседание Священного Синода РПЦ. За Божественной литургией была совершена хиротония архимандрита Бориса (Баранова) во епископа Некрасовского, викария Ярославской епархии. Позже, решением Священного Синода от 25 августа 2020 г. (журнал № 60), ему определено быть Преосвященным Костомукшским и Кемским в Карельской митрополии. 29 июля в рамках рабочего ви-

¹ *Константин (Горянов), митрополит.* Апокалипсисы революций. СПб.: Родная Ладога, 2018. С. 560.

зита в Республику Карелия Секретарь Совета Безопасности РФ и председатель Государственной комиссии по подготовке к празднованию 100-летия Республики Карелия Н. П. Патрушев посетил храм во имя святого пророка Божия Илии г. Петрозаводска. Высокого гостя сопровождали: полномочный представитель Президента в Северо-Западном федеральном округе А. Гуцан, Глава Карелии А. Парфенчиков, председатель Заксобраний Э. Шандалович, депутат ГД В. Пивненко, заместитель Секретаря Совбеза Р. Нургалиев, который принимал деятельное участие в строительстве храма, и др. лица. В храме члены делегации зажгли свечи в память о воинах за веру, Отечество и народ, жизнь свою положивших, а затем возложили цветы к подножию памятников, расположенных вблизи храма. После чего гости приняли участие в открытии памятника «Защитнику Отечества», в сквере около мемориального комплекса воинам-интернационалистам «Черный тюльпан» в Парке Мира.

Ежегодно 8 июля во Всероссийский день семьи, любви и верности в Петрозаводске по благословению митрополита Константина стал проходить «Парад Семьи».

В 2020 г. с участием епархии и по благословению митрополита Константина проведены мероприятия по подготовке 75-летия Великой Победы и 100-летия Республики Карелия.

2020 год был весьма насыщен позитивными событиями: это празднование 100-летия Республики Карелия, 30-летия восстановления Петрозаводской Епархии и 20-летия со дня освящения Александро-Невского кафедрального собора г. Петрозаводска. Три мужских монастыря — Важезерский Преображенский, Николо-Андрусовский и Клименецкий Свято-Троицкий — отметили свое 500-летие. Прошли торжества в честь 600-летия со дня преставления преподобного Корнилия Палеостровского и 300-летия со дня обретения мощей преподобного Афанасия Сяндемского. Этому святому стараниями заместителя Секретаря Совбеза Р. Г. Нургалиева по проекту знаменитого скульптора С. А. Щербакова был воздвигнут на территории Сяндемского женского монастыря величественный памятник. Знаменательным событием для Карелии стало утверждение Священным Синодом к общецерковному употреблению службы «Всем святым, в земле Карельской просиявшим». Этим событиям была посвящена VII Православная историко-просветительская выставка-ярмарка «От покаяния к воскресению России» и конференция на тему: «Карелия: история и современность».

25 сентября в Питкярантском районе, на территории мемориального комплекса «Долина героев», митрополит Константин освятил мемориальную часовню в честь святого благоверного Великого князя Александра Невского, в память о воинах, павших в боях за освобождение Карельской земли в годы Великой Отечественной войны. Это очень представительное мероприятие прошло на высоком и достойном уровне.

Развиваются благотворительность, молодежное и социальное служение Церкви. Освящена часовня при Центре паллиативной медицинской помощи в Петрозаводске.

27 марта 2020 г. в Александро-Невском кафедральном соборе, в Крестопоклонную неделю, в день памяти Феодоровской иконы Божией Матери прошла первая общеeparхиальная исповедь духовенства Петрозаводской епархии, в которой приняли участие, как настоятели, так и клирики всех приходов. Общая исповедь позволяет священникам отдаленных приходов иметь возможность очистить свою душу в таинстве покаяния, а также поде-

литься своими проблемами и переживаниями с духовником, чтобы получить от него мудрый совет и духовное наставление, особенно в это непростое время. Владыка выступил с архипастырским наставлением, а также напомнил о решениях Священного Синода в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции.

Поистине историческое событие совершилось в стенах Свято-Троицкого Клименецкого мужского монастыря, расположенного на острове в Онежском озере, накануне 500-летнего юбилея со дня основания. По благословлению Святейшего Патриарха Кирилла и митрополита Петрозаводского и Карельского Константина были произведены археологические исследования и раскопки для обретения святых мощей преподобного Ионы Клименецкого. В 2020 г. мощи преподобного Ионы были обретены.

В день первого празднования Собора новомучеников и исповедников земли Карельской митрополит Константин 1 ноября 2020 г., в неделю 21-й по Пятидесятнице совершил Божественную литургию в кафедральном соборе Петрозаводска. 12 марта 2020 г. Патриарх Кирилл установил по ходатайству митрополита Константина отдельный день празднования памяти Собора новомучеников и исповедников земли Карельской. Этот День будет отмечаться в первое воскресенье ноября. Накануне Владыка освятил образ «Собора новомучеников и исповедников Карельских», который был написан к празднику в Кондопоге. На иконе изображены святые лики 11 новомучеников и исповедников. Это: сщмч. Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский; сщмч. Николай Богословский, протоиерей; сщмч. Сергей Увицкий, протоиерей; сщмч. Михаил Зеленцовский, иерей; сщмч. Сергей Воскресенский, иерей; сщмч. Михаил Никологорский, иерей; сщмч. Димитрий Благовещенский, иерей; сщмч. Василий Надеждин, иерей; мч. Петр Троицкий; мч. Иоанн Чернов; мч. Вера Самсонова — все они совершили свой подвиг на карельской земле. Обрамляют образ символические изображения ныне утраченных святынь карельской земли, прикровенно отображающих в себе агиотопографию подвига новомучеников. С правой стороны иконы — старый кафедральный Свято-Духовский собор, взорванный большевиками в 1936 г., Воскресенская и Петропавловская церкви, сгоревшие в 1924 г., символизирующие собой Олонию и Заонежье, а слева — небольшой деревянный храм, находившийся в виенской Кеми.

27 октября 2020 г., указом Главы Республики Карелия А. О. Парфенчикова № 647-р от 21 октября 2020 г., за вклад в формирование культуры мира и согласия, развитие государственно-конфессиональных отношений в Республике Карелия митрополит Петрозаводский и Карельский Константин награжден почетным знаком Главы Республики Карелия «За вклад в развитие Республики Карелия»¹.

По состоянию на начало 2021 г. в Петрозаводской епархии действует 5 отделов и 1 комиссия. В епархии 5 благочиний: Центральное, Олонецкое, Приладожское, Заонежское и монастырское. Число мужских монастырей — 7, число женских монастырей — 1 (Сяндемский Успенский). Об-

¹ Митрополита Константина наградили почетным знаком «За вклад в развитие Республики Карелия» // ИА Республика <http://rk.karelia.ru/social/mitropolita-konstantina-nagradili-pochetnym-znakom-za-vklad-v-razvitie-respubliki-kareliya/>

щее количество приходских храмов, где совершаются богослужения, — 91. Строятся и восстанавливаются 26 храмов. Сегодня на приходах и в монастырях Петрозаводской епархии совершают свое служение 80 священников и 13 диаконов. На приходах епархии действуют 25 воскресных школ и образовательных групп, где обучается более 700 человек.

Участие в работе научных и литературных организаций

Митрополит Константин является членом президиума Российской академии естественных наук (РАЕН), вице-президентом Академии наук и искусств союза им. С. П. Королева (АНИС), членом Петровской Академии наук и искусств, членом Международной академии наук экологии, безопасности природы и человека (МАНЭБ), членом Санкт-Петербургской Академии истории науки и техники, почетным членом Международной академии интегративной антропологии, действительным членом Академии Российской словесности. Он также член редколлегии сборника «Богословские труды», журналов «Родная Ладога», «Тобол» и др. Постоянный участник отечественных и международных конференций, автор 6 книг и более 270 публикаций. Член Союза писателей России.

Заседание Российской академии естественных наук в Санкт-Петербурге

Заключение

Приведенный выше краткий список деяний и свершений митрополита Петрозаводского и Карельского Константина, достигнутых им за время несения архипастырского послушания, далеко не исчерпывает всего, что было сделано за эти годы. Список этот можно было бы еще долго расширять и дополнять.

День Тезоименитства Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. За Божественной Литургией Владыка Константин был возведен Святейшим Патриархом в сан митрополита. 24 мая 2015 года

Митрополит Константин — богослов, проповедник, организатор, — эти качества отмечают все, кому хоть раз в жизни посчастливилось с ним общаться. Но прежде всего, он — добрый пастырь (см. Ин. 10, 11, 14), дарования которого продолжают раскрываться. Весь жизненный путь Владыки Константина — это путь служения Богу и людям.

То, что удалось сделать митрополиту Константину, стало возможным благодаря его самоотверженным усилиям, совершаемым в соработничестве с Духом Святым.

Будем молиться за нашего Владыку, чтобы Господь продлил дни его жизни и укрепил во всех благих начинаниях во славу Святой Православной Церкви Христовой.

Свидетельством о значимых архиерейских заслугах митрополита Константина является поздравление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 23 марта 2021 г. и других иерархов Православной Церкви.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Константину, митрополиту Петрозаводскому и Карельскому,
председателю Синодальной богослужебной комиссии**

Ваше Высокопреосвященство!

Сердечно поздравляю Вас с 70-летием.

Отрадно отметить, что, со тщанием исполняя различные ответственные послушания, возлагаемые на Вас Священноначалием, Вы неизменно стремитесь свидетельствовать нашим современникам о непреходящих евангельских истинах.

Ныне, совершая архипастырское служение в Карелии, Вы прилагаете немало усилий к тому, чтобы епархиальная жизнь во вверенном Вашему попечению церковном уделе развивалась всесторонне и гармонично. Значителен Ваш вклад в осуществление плодотворного сотрудничества со светским руководством региона, деятелями образования и культуры, представителями общественности.

Надеюсь, что это соработничество будет и впредь способствовать утверждению в народе традиционных нравственных ценностей, духовному просвещению и патриотическому воспитанию молодежи, созданию мира и гражданского согласия.

Во внимание к усердным архипастырским трудам и в связи с 70-летием полагаю справедливым удостоить Вас ордена святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского (I степени).

Молитвенно желаю Вам крепости душевных и телесных сил, помощи Божией и успехов в дальнейшем служении на пользу Святой Церкви.

С любовью во Христе

+КИРИЛЛ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

**МИТРОПОЛИТ
КИЇВСЬКИЙ І ВСІЄЇ УКРАЇНИ**

01015 Київ, вул. Лаврська 15, корп. 70

**ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ КОНСТАНТИНУ,
МИТРОПОЛИТУ ПЕТРОЗАВОДСКОМУ И КАРЕЛЬСКОМУ**

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка!

Сердечно поздравляю Вас с 70-летием со дня Вашего рождения.

Молитвенно желаю Вам, дорогой Владыка, душевного мира, благодатной крепости и радости в Господе.

Пусть Владыка Неба и земли умножает дни и лета Вашего богоугодного служения, которым Вы свидетельствуете о силе и величии веры Христовой.

С любовью во Христе

МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ВСЕЯ УКРАИНЫ

23 марта 2021 года

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКИЙ ЭКЗАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

**МИТРОПОЛИТ
МИНСКИЙ И ЗАСЛАВСКИЙ
ВЕНИАМИН**

ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ ВСЕЯ БЕЛАРУСИ

МАСКОЎСКИ ПАТРЫЯРХАТ
БЕЛАРУСКИ ЭКЗАРХАТ
БЕЛАРУСКАЯ ПРАВАСЛАўНАЯ ЦАРКВА

**МІТРАПАЛІТ
МІНСКІ І ЗАСЛАЎСКИ
ВЕНІАМІН**

ПАТРЫЯРШЫ ЭКЗАРХ УСАЕ БЕЛАРУСИ

220004 Республика Беларусь г. Минск ул. Освобождения, 10. Тел.: +375 17 357-42-99. www.church.by

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему **Константину**,
митрополиту Петрозаводскому и Карельскому,
Председателю Синодальной богослужебной комиссии
Русской Православной Церкви

Ваше Высокопреосвященство,
дорогой Владыка!

Сердечно поздравляю Вас с 70-летием со дня Вашего рождения.

Вы вступили на путь служения Богу будучи зрелым, состоявшимся человеком. Без преувеличения можно сказать, что с Вашей стороны это был дерзновенный поступок. Оставив позади то, что составляет смысл жизни светского человека: востребованную профессию врача, кандидатскую диссертацию – Вы по зову Господа кардинально изменили свою жизнь, поступили в Московскую духовную семинарию, приняли монашеский постриг. Московские духовные школы Вы закончили со степенью кандидата богословия.

Вскоре после возвращения в Беларусь Вас назначили ректором вновь открывшейся Жировичской духовной семинарии. Начало 90-х было временем больших перемен, и Вам, принявшему бразды правления Минских духовных школ, пришлось приложить немало усилий для их становления, занимаясь организацией учебного процесса, привлечением преподавателей, созданием достойных условий проживания студентов. В тот же период служения на белорусской земле Господь сподобил Вас епископского жребия, вручив управление Новогрудской епархии.

По достоинству оценив Ваши организаторские качества, видя в Вас человека высоких знаний, Священноначалие приняло решение назначить Вас ректором Санкт-Петербургских духовных школ. Принимая во внимание Ваших славных предшественников на этом посту, можно оценить высокую меру оказанного Вам доверия.

Ныне Господь верил Вам попечение о верующих Карельской митрополии. Помимо этого, Вам поручено ответственное послушание председателя Синодальной богослужебной комиссии. Как и в прежние времена, Ваши сегодняшние труды требуют от Вас напряжения Ваших сил и забвения собственных интересов.

В Евангелии от Иоанна написано: *«Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»* (12:24). Думается, что желание принести много плода побуждает Вас совершать Ваше служение с присущими Вам тщанием и ревностью, проявляя любовь к Господу и деятельную заботу о вверенном Вам уделе.

В этот знаменательный для Вас день молитвенно желаю Вам, дорогой Владыка, доброго здравия, крепости духа, радости и обильной помощи Божией в дальнейшем архиерейском делании на благо Матери-Церкви и народа Божия.

С любовью о Господе

+ Вениамин

митрополит Минский и Заславский,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

23 марта 2021 года, Минск

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«ЧУВСТВА ДОБРЫЕ»

*Некоторые размышления
о русской литературе
и революции*

И чувства добрые я лирой пробуждал.

А. С. Пушкин

Год знаковых юбилеев Достоевского Ф. М. — 200-летие со дня рождения и 140-летие со дня смерти — показал и заставил задуматься над мировой популярностью этого великого русского писателя, над его неизбывной современностью. Но чем так интересно это творчество людям XXI века? Что такое важное они находят для себя в исканиях и обретениях писателя, жившего более 150-ти лет назад, принадлежавшего к искорененному ныне сословию? Эти вопросы не столько литературоведческие, сколько духовно-нравственные, проецируемые на художественное творчество вообще, которое несостоятельно без христианского миропонимания. Подумаем вместе над этой взаимозависимостью.

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

ТВОРЕЦ И ТВОРЕНИЕ

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных

Ефесеянам 6:11–12

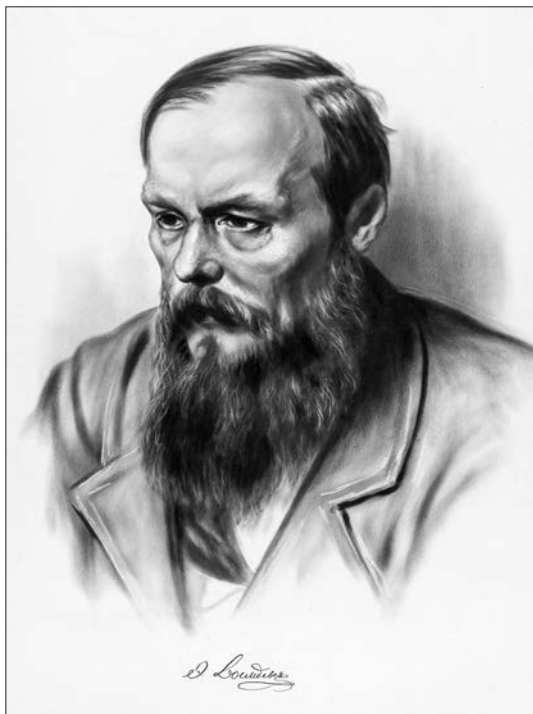
О значении Библии — самой важной Книги для человечества и для Руси-России на протяжении веков ее существования, подробно говорить не буду. Это обширная наука. Но нельзя не сказать о влиянии Книги книг на русскую литературу в целом, которая в основных своих идеях без знания Священного писания будет непонятной. Во всем христианском мире многие выдающиеся ученые, писатели называли Библию недостижимым идеалом и святой Книгой, в которой все сказано и все решено. А. С. Пушкин был убежден: «Я думаю, что мы никогда не дадим народу ничего лучше Писания... в нем находишь всю человеческую жизнь. Религия создала искусство и литературу; все, что было великого в самой глубокой древности, все находится в зависимости от этого религиозного чувства, присущего человеку так же, как и идея красоты вместе с идеей добра... Поэзия Библии особенно доступна для чистого воображения. Мои дети будут читать вместе со мною Библию в подлиннике... Библия всемирна»¹. Невозможно не согласиться с великим физиком Исааком Ньютоном: «Библия содержит в себе больше признаков достоверности, чем вся светская история»². Но именно история подтверждает достоверность Библии.

Сегодня сложно представить литературу древней Руси, от которой мало что сохранилось в подлинниках. Период древнерусской, евангельской литературы составляет 700 лет из 1000 лет русского христианства. Как считают филологи, такое хронологическое сопоставление позволяет говорить о том, что древнее литературное произведение живет во времени: в прошлом его истоки, в будущем — традиция. В промежутке, т. е. в настоящем, — момент жизни. Этот «момент жизни» проявился в уединенных раздумьях и молитвах Сергия Радонежского, в скитаниях по пустыне пушкинского пророка, в исканиях героев Достоевского, в смутных символах произведений Андрея Платонова и т. д. Само искусство слова, процесс творчества невозможно понять и охарактеризовать без осознания того, что первым и главным Творцом является Бог.

Так поясняет игумен Иоанн Экономцев видение сути процесса творчества выдающимся богословом и философом архиепископом Григорием Паламой, который понимал, что Сущность Бога непознаваема, но Бог не тождествен Своей сущности, поскольку существует не только в Себе, но и adextra. И это существование Бога, обращенное во вне, есть не что иное, как божественная воля или божественные энергии. По Сущности Своей Бог пребывает выше всех этих энергий, и по Сущности Он неприступен для любых живых существ и ангелов. Однако можно быть причастным Богу

¹ Вселенная: Александр Сергеевич Пушкин. URL: <https://pushkinskiydom.livejournal.com/226088.html> (дата обращения: 21.05.2019).

² 10 фактов о Библии... URL: <https://www.imbf.org/bibliya/10-faktovo-biblii-kotorye-vpechatljat-dazhe-ateistov.html> (дата обращения: 21.05.2019).

*К. Э. Немечек. Портрет
Ф. М. Достоевского.
С оригинала В. Г. Перова, 1872*

по энергиям. В каждом их проявлении находится весь Бог, единый и неделимый. В человеке присутствует образ Бога — Художника — Создателя мира, наделившего даром творчества Свое создание — человека. Дар творчества выделяет человека из всего мироздания и предопределяет ему в нем особое место. Но то, что для Бога является естественным и самопроизвольным, у человека требует зачастую высочайшего напряжения духовных и физических сил, жертвы, творческого подвига, синергии. В традиции святоотеческой концепции понятие «синергия» — это взаимодействие божественной благодати и свободной воли человека¹.

Трудные, трагические судьбы русских писателей, показывая, что творчество требует отдачи творцом всего себя, подтверждают данную концепцию.

В стремлении к познанию и самовыражению, реализуемому лишь в творчестве, художники тяжело восходили по логосной лестнице к Богу. Следует отметить, что потребность совершенствования, восхождения не связана с субъективным стремлением к росту и развитию, а коренится в самой природе человека.

Мы можем рассуждать о Боге как о себе, можем говорить с собой, у нас есть самосознание, «беседа души с собой». «Культурный рост требует от человека непрестанной самоотдачи, борьбы, непрерывного волевого напряжения, постоянных усилий, активности, инициативы и неутомимой деятельности. На этом пути богочеловеческого созидания “новой твари” и возникает культурное творчество. Но для того, кто отдает себе отчет в вышесказанном, культура никогда не станет самоцелью, всегда оставаясь только средством и средой роста...»².

Восхождение по логосной лестнице невозможно без евангельского взгляда на мир, являющегося необходимой опорой. Этот взгляд мы ощущаем в произведениях всех русских писателей, вошедших в золотой фонд, даже если имя Бога в их произведениях только подразумевается. Но почему все же Достоевский занимает одно из первых в этом ряду мест?

¹ *Экономцев Иоанн, игумен.* Исихазм и возрождение (исихазм и проблема творчества) // Православие. Византия. Россия. Сборник статей. М.: Христианская литература. 1992. С. 176, 179.

² *Вестель Ю. А.* Опыт богословского взгляда на культуру. // Наука и богословие: антропологическая перспектива. М.: ББИ им. св. ап. Андрея. 2004. С. 202.

Даже в одной книге, не только в одной статье, полно на этот вопрос ответить невозможно. Так обширно и глубоко это творчество. Для того чтобы сузить пространство размышлений, обратимся к актуальным вопросам, волнующим наших современников, что также предполагает исторические проекции. С раскрытием кровавых тайн истории прошлого века, с усталостью людей от революций, пронзавших не единожды, как вражеские штыки тело бойца, этот век, с богоборчеством в начале и смертоносным либерализмом в конце, мы начали осознать его как трагический. Начали понимать на собственном опыте, что все государственные нестроения связаны с выдвиганием на первый план социально-политических проблем в их материальных формах. Но человеческая жизнь определяется в первую очередь нравственными законами и приоритетами, духовными постулатами. Поиск устойчивого национального мировоззрения в новом веке третьего тысячелетия, когда народ вновь ставят перед выбором — революционного или эволюционного будущего, заставляет многих обратиться к осмыслению «старых», необходимых поныне, метафизических аспектов бытия.

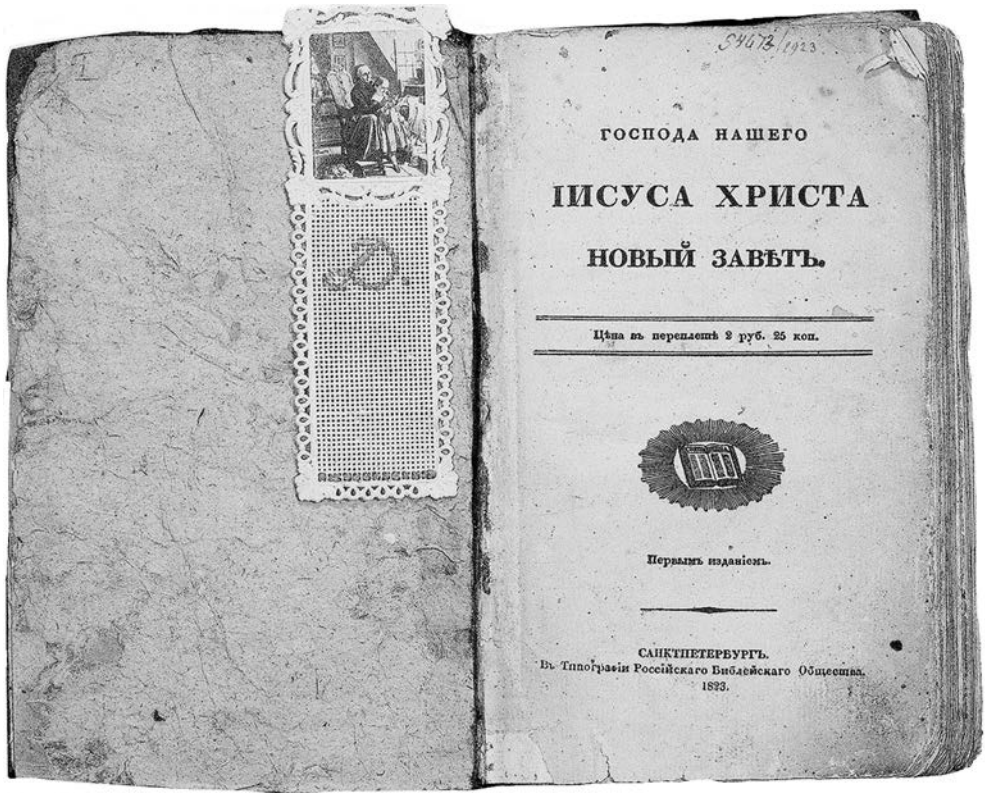
Все больше и больше людей страдают от нагнетаемой человеконенавистнической секуляризации и ищут спасение в вере и Церкви. А кто лучше Ф. М. Достоевского своей жизнью, своим страданием, искуплением заблуждений, может показать этот путь? Я не берусь исследовать Православие в жизни и творчестве Достоевского, это тема ученых-литературоведов и философов. Но то, что духовные искания русского гения показательны и освящены всей историей христианства, много поучительно. Главной заслугой писателя является художественное доказательство извечной истины, что народный дух сохраняется только в духе Христианства, что смертельным для России является разрыв между христианским миропониманием и историческим развитием.

И не раз в Богом хранимой России осуществить этот разрыв удавалось, казалось, незначительной кучке заговорщиков. Будь то восстание декабристов, о которых А. С. Грибоедов сказал: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный строй». Или трагедия февраля 1917-го, когда это удалось немногочисленным продавшимся иностранным разведкам депутатам Государственной Думы и масонам-генералам. В октябре 1917-го горстка одиозных большевиков под руководством Троцкого и Ленина, неожиданно для себя, смогла захватить Смольный, и тогда окончательно рухнула Россия. Она не рухнула в первом случае, так как в поле зрения заговорщиков не входила идея трансформация Церкви, но в двух других случаях была спровоцирована сначала «церковная революция»¹, а потом геноцид священства², и государство перестало существовать. Немало русских писателей предупреждали о революционной угрозе задолго до страшных событий начала XX века.

В истории борьбы Руси-России за независимость на поле брани на протяжении столетий мы неизменно видим победы русских воинских полков над чужеземцами. Но в истории русских революций или, как их еще

¹ Подробнее см.: *Константин (Горянов), митрополит*. Горькая ошибка. // Апокалипсисы революция. СПб.: Родная Ладога. 2020.

² Подробнее см.: *Константин (Горянов), митрополит*. Церковь-на-крови. Карелия как экспериментальная площадка по внедрению большевистской властью тотального атеизма. // Бог-мир-человек. СПб.: Родная Ладога. 2021.

*Евангелие, подаренное Ф. М. Достоевскому на каторге.
Хранится в Российской государственной библиотеке*

называют, Смутных времен, мы замечаем, как «народные полки» всякий раз вначале сдаются без боя. Проникаясь лживыми посулами врагов государства (что тоже: врага рода человеческого), народ не раз безропотно предавал своих князей и царей, которым крестным целованием клялся в верности, а потом кровью своею и своих детей искупал свое предательство. Суть и причины этих отступлений и поражений кроются в историческом конфликте власти и народа — конфликте, имеющем глубокие духовные корни, уходящие в библейскую историю. Убедительнее многих историков, зримо, правдиво этот конфликт исследовали гениальные русские писатели. Они не были профессиональными историками и богословами, но изучали Закон Божий в гимназиях, были воспитаны в православной традиции, осеняющей жизнь всех сословий в царской России. Пушкин, Достоевский, Лесков посредством художественных образов, основываясь на личном понимании божественных законов бытия, выявляли причины, нарушающие закономерный ход русской истории, высвечивали стороны характеров героев произведений, отражали человеческие поступки, приводящие к необратимым последствиям и мрачным смутам.

Александр Сергеевич Грибоедов написал свою гениальную пьесу «Горе от ума», которую современники посчитали любовной комедией, как «серьезное политическое произведение» (В. О. Ключевский), сегодня мы можем добавить — и как антидекабристское предупреждение. Отрицательно отно-

*Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском.
Николай Николаевич Ге. 1875, 77×106 см*

сившийся к революционным идеям поэт-дипломат с дипломатической недосказанностью показал героев, причастных декабристскому периоду русской истории, как пустословов, не слушающих слово других. О деятелях «поколения Чацкого» Ф. М. Достоевский в 1866 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» говорил, что все они перекочевали на Запад, залечивать оскорбленные чувства. Очень похожая на современную психология.

Говорить и слышать — великий дар человека и человечества. Это хорошо понимал Александр Сергеевич Пушкин. В своей трагедии «Борис Годунов» он изобразил трагический, не постижимый в своем разрушительном потенциале конфликт власти и подданных через глубокий образ безмолвствующего народа. Это поистине библейская коллизия становится понятнее со знанием библейских архетипов. В своих работах я это разъяснял. Нелишне будет вновь напомнить поучительную историю богоотступничества Израиля и его царя Ахав¹, современника пророка Илии. Знание их духовного противостояния помогает ответить на многие современные вопросы,

¹ Ахав (греч. Αχαιβ) — царь Израильского царства в 873–852 гг. до Р. Х. Годы его правления ознаменованы в Израиле появлением еще одного культа Ваала, а именно культа Мелькарта, тирского Ваала. Ахав заключил брачный союз с Ефвалом (тоже — «с Ваалом»), царем Тира, чтобы жениться на его дочери Иезавели. В результате в Израиле возник более мощный, влиятельный культ с множеством жрецов и их помощников (1 Царств 16:31–33). Убит в сражении с сирийцами.

что подтверждает непреходящее значение библейских архетипов поведения. Библия приоткрывает тайные смыслы истории. О пророке Илие в Библии не раз говорится, что он человек Божий, и делами, как, например, воскрешением отрока вдовы из Сарепты Сидонской, доказывает это.

Иначе в Ветхом Завете говорится о нечестивом царе Ахаве: *«...и царствовал Ахав, сын Амврия, над Израилем в Самарии двадцать два года. И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами Господа более всех бывших прежде него. Мало было для него впасть в грехи Иеровоама, сына Наватова; он взял себе в жену Иезавель, дочь Ефваала, царя Сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему. И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии. И сделал Ахав дубраву, и более всех царей Израильских, которые были прежде него, Ахав делал то, что раздражает Господа, Бога Израилева»* (3 Царств 16:29–33).

Култ Ваала стал государственным культом Израильского царства. Евреи стали забывать своего Бога и все больше почитали Ваала. Фактически существовало двоеверие. Евреи стали, по образному выражению пророка Илии, *«хромать на оба колена»* (3 Царств 18:21). Желая положить конец господствующему в Израиле двоеверию, Ахав решил ради стабильности в государстве истинное богопочитание искоренить, оставив лишь культ Ваала (Вила), который сопровождался сладострастными оргиями, его жрецы в экстазе ранили себя, наносили порезы на разных частях своих тел, особенно на ладонях и запястьях, заливали жертвенники кровью. По свидетельству ветхозаветных пророков служение израильтян Ваалу включало в себя человеческие жертвоприношения, в том числе убийство собственных детей путем сожжения в огне: *«и устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу...»* (Иеремия 19:5). Евреи устраивали такие жертвоприношения в священных дубравах на высоких холмах¹.

Царь Ахав со своей женой Иезавелью как будто не знали, что идолопоклонство — это тяжкий грех, и безжалостно истребили сотни пророков Господних. При этом царица Иезавель кормила четыреста пятьдесят пророков Вааловых и четыреста пророков дубравных. Когда Ахав увидел пророка Илию, то упрекнул того, что он своей верой в Единого Господа вносит смуту в Израиле. А Илия ответил: *«не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, тем, что вы презрели повеления Господни и идете вслед Ваалам; теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил,*

¹ Как следует из Библии, поклонение Ваалу существовало уже в дни ветхозаветных патриархов, хотя тогда оно, очевидно, не было таким мерзким и развращенным, как в то время, когда израильтяне вышли из Египта и вошли в землю Ханаан. Первым косвенным доказательством этого служит упоминание о городе Аштероф-Карнаиме, названном, возможно, в честь Астарты, жены Ваала (Бытие 14:5). Перед тем как перейти Красное море, израильтяне должны были стать лагерем в окрестностях Ваал-Цефона (Исход 14:2, 9). На горе Синай Моисей получил от Бога конкретные указания в отношении жителей земли Ханаан: израильтяне должны были разрушить их жертвенники, разбить их священные колонны и срубить их священные столбы (Исход 34:12–14). Понятно, что изображали эти столбы. Таким образом, на Обетованной земле не должно было остаться ничего, что было как-то связано с поклонением Ваалу. И, тем не менее, когда израильтяне поселились в Ханаане, они начали подражать хананеям. На своих полях они устанавливали жертвенники, фалосоподобные столбы и другие атрибуты поклонения Ваалу, вовлекались в безнравственные обычаи, присущие поклонению Ваалу. За это Господь неоднократно отдавал их в руки врагов для прозрения своего греха и осознанного покаяния.

и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели» (3 Царств 18:17–19). Там, на горе Кармил, Илия свидетельствует о силе Господа (3 Царств 18:20–46). Эта широко известная история победы в состязания одного пророка Божия Илии с сотнями пророков Ваала, которую и сегодня невозможно читать без волнения, имеет огромное значение в истории Израиля. Из первой части повествования (3 Царств 18:16–24) становится ясной причина, по которой Бог дал повеление устроить это впечатляющее состязание, почему созвал людей на гору Кармил. Они перестали исполнять повеления Господни и сделались почитателями «Ваалов» (множественное число от множества его имен). Пророк, получив подтверждение Бога в греховности поклонения Ваалу, заставляет народ сделать выбор: *«И пошел Илия ко всему народу, и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова»* (3 Царств 18:21). И следствием этого стало иноплеменное разорение Израиля.

Так же ведет себя народ в момент рокового выбора судьбы Руси в поэме А. С. Пушкина «Борис Годунов». Последняя фраза трагедии «Народ безмолвствует» — заставляет содрогнуться и ужаснуться нас, знающих о кровавых последствиях этого равнодушия, и понять, что безмолвие, неучастие — это и предательство, и суд, и наказание. Так же, и спустя три века, русский народ одобрительно или безразлично (по-церковнославянски — теплохладно) молчит, когда на его глазах враги уничтожают законного Царя Николая II, народ безмолвствует и потом, предчувствуя собственную кару. После бунта, после пьяных дней эйфории приходит отрезвление, вселяется ужас от содеянного. То же повторилось и в 1991–1993 годах.

Существует образная, оригинальная версия и психологическая история первого преступления в духовных космических мирах, созданная богословом, философом Виктором Несмеловым, изложенная им во втором томе своей докторской диссертации «Наука о человеке. Метафизика жизни и христианское откровение»¹. Мы подробнее остановимся на этой «психологической истории первого преступления», поскольку она является, на наш взгляд, архетипом великих бунтов земной истории, тем, что сейчас принято называть «технологией революций».

Библия говорит нам, что абсолютная святость Бога даже *«в Ангелах Своих усматривает недостатки»* (Иов. 4:18). Духовный Ангельский мир имеет свою иерархию. По библейскому указанию (1 Тим. 3:6) первый виновник падения (Люцифер или по-славянски Денница) *возгордился* высотой своего положения «и возымел желание подчинить себе мир, чтобы заменить собою для него Бога. С точки зрения психологического анализа, — пишет Несмелов, — не может быть никакого сомнения в том, что в положении падшего духа были достаточно веские основания для безмерного проявления его гордости... Следовательно, сжигая себя мыслью о божеской чести, он, при указанных обстоятельствах, все-таки мог стремиться не к тому, чтобы *заменить собою Бога* для мира, а лишь к тому, чтобы *пользоваться*

¹ Несмелов В. И. Наука о человеке. 3-е изд. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 гг. / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; отзвывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; послесл. и комм. протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 1994, Т. 2. 1906.

божескою честью в мире, и притом пользоваться этой честью только ему одному (здесь и далее курсивом выделено Несмеловым. — авт. ст. М. К.).

Поэтому, ввиду охватившего его чудовищного эгоизма, он, естественно, должен был почувствовать тайную зависть к Богу, и в силу этой зависти у него, естественно, должно было появиться такое желание, что *для него* было бы весьма хорошо, если бы Бога совсем не было. Но он достоверно знал, и не мог не знать, что Бог существует, потому что, претендуя на божеское достоинство, он все-таки положительно знал, что он — вовсе не Бог, что своим ограниченным бытием он в действительности обязан лишь творческой силе истинного, самосущего Бога... Поэтому, видя в Боге препятствие к ее осуществлению, он уж, естественно, стал думать не о бесконечной благодати Бога и не о всемогущей силе Его, а исключительно только о том, что Его существование является для него единственным препятствием, из-за которого он не может достигнуть божеской чести. И вот он увидел в Боге своего врага и воспылал к Нему чувством непримиримой ненависти. Под влиянием этого чувства, если только о характере павшего духа можно судить по всем дальнейшим действиям его в человеческой истории, он, вероятно, разразился дерзкой хулой на Бога, вероятно, именно — постарался приписать Богу все те нравственные недостатки, которые выросли из его собственной гордости и исказили в нем его богосозданную природу. По крайней мере, иначе совершенно невозможно объяснить, хотя бы только и относительный, успех его замыслов.

По косвенным библейским указаниям (напр., Ефес. 6:12), он, несомненно, увлек за собою немалое число бесплотных духов. Апостол Павел, упоминая некоторые степени иерархии в духовном мире, пишет: *“Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных”* (Ефес. 6:11–12)». Несмелов считает, что для того, чтобы чистые духи при положительном знании их о своем существовании как о свободном даре Божией благодати могли все-таки пристать к явному врагу Бога, для этого необходимо, чтобы в них самих возбудилось враждебное чувство к Богу. Стало быть, виновник их падения успел возбудить в них это чувство, и в таком случае не может подлежать никакому сомнению, что он шел к своей цели путем клеветы. Дьявол по-гречески — клеветник.

Если мы поставим вопрос: как в самом деле хорошие духи могли вдруг оказаться неблагодарными в отношении Творца своей жизни? — то психологически здесь возможен только один ответ: они могли оказаться неблагодарными по отношению к Богу лишь в одном и единственном случае, если именно каким-нибудь образом им пришло на мысль и они уверились в том, что будто Бог создал их *только ради Себя самого*, чтобы было над кем Ему властвовать, и было бы кому славословить Его: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф». Эта мысль подрывала собою веру в безусловную святость Бога.

А если мы поставим вопрос: каким образом хорошие духи могли вдруг оказаться враждебными Богу? — то психологически и здесь также возможен только один ответ: они могли сделаться врагами Бога лишь в том единственном случае, если им пришло на мысль и они себя уверили в том, что будто, в пределах своей природы и сил, они могли бы достигнуть гораздо более высокого положения, чем какое они занимают в действительности,

если бы только Богу угодно было поставить их в наиболее благоприятные условия жизни, но что Ему будто бы не угодно этого сделать из опасения потерять в них своих покорных рабов.

Такое представление о Боге, естественно, конечно могло определять собою только враждебное чувство к Нему, потому что, выставляя Бога таким существом, которое *по нежеланию добра* своим разумным созданиям *намеренно препятствует* им в достижении их насущных целей, оно тем самым, конечно, выставляет Бога явным врагом своих созданий, и вследствие этого оно уж, естественно, должно вызывать собою такое именно отношение к Богу, какое возможно только в рассуждении *личного врага*.

По словам библейского учения, *«произошла на небе война; Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе, и низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»* (Откр. 12:7–9)... *«И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю»* (Откр. 12:3–4). Сын Божий Иисус Христос также говорит: *«Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию»* (Лк. 10:18).

Гениально изложенная Несмеловым психология бунта в духовном мире является метафизическим архетипом технологии революций, в том числе и современных «цветных», в частности, «оранжевых». Вершиной лжи, ее апофеозом, поднимающим народ на бунт, является дьявольское подстрекание: «Будете как боги», «Кто был ни кем, тот станет всем». Неоцененная современниками заслуга Несмелова, на которую при его жизни не обращали внимания, современными нам событиями подтверждена и заставляет признать правильность теории русского ученого.

После грехопадения и войны в духовном мире Люцифер перенес свою бунтарскую деятельность в пределы земли. Здесь также находились свободно-разумные существа и благоговейные читатели Бога — это были первые люди. Диавол подействовал на людей не путем внутреннего голоса их собственной мысли, а через говорящего змия, то есть путем внешнего голоса физической природы. Диавол провоцирует конфликт между людьми и Богом по вышеприведенной и уже апробированной в духовном мире схеме: *«знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло»* (Бытие 3:5). Ева была изумлена и заинтересовалась своим открытием. Она нарушила заповедь, вкусив запретный плод с древа познания добра и зла, не имея враждебного чувства к Богу, чего добивался змий. Ева думала только о себе самой и обольстилась необычайно легкой возможностью достигнуть божеского ведения с помощью материального внешнего средства, запретного плода, приняв его внутрь. «Следовательно, — делает вывод Несмелов, — она преступила Божию заповедь только по несчастной ошибке, то есть *не назло Богу, не в видах намеренного противодействия воле Его*, а лишь на мнимое добро себе самой»¹.

¹ Несмелов В. И. Наука о человеке. 3-е изд. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 гг. / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; отзвывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; послесл. и комм. протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 1994, Т. 2. 1906. С. 242.

*Портрет А. С. Пушкина.
Гравюра. Н. И. Уткин. 1838 г.
Незадолго до смерти поэта художник посетил
А. С. Пушкина и по «усиленному настоянию»
последнего исполнил его портрет, который
был приложен к первому тому посмертного
собрания сочинений поэта*

Ожидая чуда, что они станут как боги (знание — сила — власть), люди пристально наблюдали за собой. Вождевленное чудо не произошло. Появившееся затем чувство стыда следует рассматривать как продолжение греховного процесса. Запоздалое сознание того, что это еще и запрещенное Богом древо, поразило их чувством ужаса. Люди у Бога не просили прощения потому, что сами себе простить не могли своего преступления. Грехопадение извратило все. В частности, преступление же состояло в том, что люди захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами; они, в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба

определялась не ими самими, а внешними материальными причинами. «Своим суеверным поступком люди добровольно подчинили себя внешней природе и сами добровольно разрушили то мировое значение, которое они могли и должны были иметь по духовной природе своей личности»¹. Люди дарованную им Богом свободу подчинили закону материальной причинности, закону плоти. Потом диавол будет искушать Христа в пустыне тем же набором: хлеб, чудо, власть.

С грехопадением человек изменился не в существе своей природы, а только в соотношении ее элементов. Он не потерял ни ума, ни чувства, ни свободной воли и сохранил ту же самую физическую организацию. И, тем не менее, он все-таки действительно стал совсем другим человеком, потому что его падение осуществило в нем то роковое противоречие тела и духа, которое, как наличный закон его природы, подчинило его физическому закону греха и одновременно поставило его в ненормальное отношение к Богу. Апостол Павел свидетельствует: *«знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы*

¹ Несмелов В. И. Наука о человеке. 3-е изд. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 гг. // сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; послесл. и комм. протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Ган, 1994, Т. 2. 1906. С. 252.

сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:18–19). Изменилось также отношение человека и к миру: *«И сказал Господь Бог... проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»* (Быт. 3:14, 17, 19).

Первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, — перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе. Душа становится паразитом тела — поднимаются страсти, которые губят тело (болезни «на нервной почве»). А потом и тело становится паразитом, убивает, чтобы питаться. Люди вначале были вегетарианцами. В силу падения людей и все творение потеряло разумную цель своего бытия, *«потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне»* (Рим. 8:20–22).

Так с грехопадения прародителей началось блуждание человека по дорогам истории в поисках истины и смысла жизни, в поисках спасения и искупления греха. В Лице Иисуса Христа в мир неправды явился праведник в собственном смысле этого слова. Никогда не следуя внушениям человеческой плоти и крови, Христос действительно раскрыл в своей человеческой жизни такую полноту нравственного совершенства, которая возможна только в жизни истинного человека от Бога. Его земная жизнь явилась совершенным воплощением мысли о жизни Самого Небесного Отца. Он — Иисус Христос, впервые осуществил вполне Божию мысль о бытии. Уже одним тем, что Сын Божий жил в этом мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, то есть Христос явил оправдание Бога в Его творческой деятельности. Но это еще не оправдание людей пред Богом за их уклонение от Божия Закона жизни.

БЕСЫ

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...¹*

А. С. Пушкин. «Бесы»

В пушкинских произведениях, в стихотворении «Бесы», в повести «Капитанская дочка» метафорически показаны истинные бенефициары спровоцированного извне бунта народа против законной власти — это бесы-провокаторы, олицетворяющие человеческие страсти и пороки, они сбивают путников с праведной дороги, погружают в круговерть беспорядка, в метельный хаос смятения. Но Пушкин, предчувствуя этот хаос, все-таки не

¹ Символично пушкинское предвидение: большевистская революция совершилась 7 ноября в день рождения Троцкого — главного организатора переворота. Троцкий сделал себе подарок на день рождения, обрекая на смерть (жертва сатане) миллионы православных, погибших в гражданской войне. «Чем больше жертв — тем лучше», — призывал революционер Нечаев.

показывает его наивысших уровней. «Пугачев — это еще не inferнальная личность, пугачевский бунт не был настоящей бесовской кутерьмой. Там бесы еще не вполне обжились, едва перекочевали из своей младенческой колыбели — метельной стихии. В “Капитанской дочке” показана прежде всего та почва, которая способна принять и питать бесов»¹.

Задолго до философского исследования В. Несмелова, в своем романе «Бесы» Федор Михайлович Достоевский не только показывает питательную почву зла, но с антропологической убедительностью доказывает реальное существование бесов, выявляет их сущность через образы конкретных людей, имеющих исторические прототипы, которые не безмолвствуют, но в своей разрушительной пропаганде весьма откровенны и говорливы. Одним из таких прототипов является известная историческая личность — С. Г. Нечаев², приятель М. Бакунина и Н. Огарева, организатор подпольной московской террористической организации «Народная расправа». Нечаевым восхищался Ленин, называл его «титаном революции». «Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос “Кого же надо уничтожить из царствующего дома?” Нечаев дает точный ответ “Всю большую ектению”. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царский дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»³

То, что о революции писал Нечаев, тривиально, но его радикализм был экстремальным. Вот некоторые постулаты: кто не готов отдаться революции до самоотречения, тот обречен стать жертвой; чем больше жертв, тем лучше (провокация на «Кровавое воскресенье»). Нечаев «почти всегда лгал, был искренен во лжи», и в этом была его сила⁴. Особенно он был искусен во лжи на власть. Достоевского интересовало, как эти Нечаевы набирают себе последователей — нечаевцев. «Как Нечаевы искушали “нечаевцев”, большого секрета нет: возбуждение смуты, плетение интриг, развязывание инстинктов толпы, поправление святынь, глумление и кощунство, “нас

¹ Анищенко Г. Православие. Литература. Революция. М.: Паломник. 2010. С. 175.

² Нечаев С. Г. (1847–1882) — автор радикального «Катехизиса революционера». Проповедовал идею: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции...». После убийства студента Иванова, отказавшегося подчиняться его воле, Н. жил в эмиграции, участвовал в возобновлении подрывного издания «Колокол». Был выдан русским властям и умер в тюрьме. Факт, характеризующий советскую власть: большевики подняли его на щит своей пропаганды, с 1927 г. до начала 1980-х одна из улиц г. Иванова (бывшая Пятницкая) носила имя Нечаева. На доме его семьи была открыта даже мемориальная доска.

³ Цит. по: Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 360.

⁴ Там же.

обманули”, “найди врага”, “чем хуже, тем лучше”, “разделяй и властвуй”, “все позволено”, “цель оправдывает средства” и т. п. Для тех, кто думал о “высоком и прекрасном”, — это искушение идеей “всеобщего счастья” и обещание чуда любой ценой: принуждением, насилием, даже кровью; это и искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут не успеть, опоздать, их могут не взять в светлое будущее, и т. п. Рецепты этой политической кухни известны¹ и очевидны нам сегодняшним.

Бесы в одноименно романе Ф. М. Достоевского, преемственно принявшего эту тему от своих великих предшественников, реальны и узнаваемы. Окрепшая, пропитанная разрушительными энергиями, эта inferнальная сила, наполненная революционными идеями, кажется настолько страшной в своем обмане, что не встречает сопротивления даже в своих самых мерзких замыслах, которые скоро воплотятся в жизнь в православной Российской империи. Кровавые лужи, по которым скользит «Мужик с черной бородой» в «Капитанской дочке» в интерпретации революционеров Ф. М. Достоевского грозят связать кровавыми узлами себе подобных, разлиться по всей России. Со знанием психологии советует Ставрогин, «...подговорите четырех членов кружка укокошить пятого... и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете». Петр Верховенский видит шире и глубже «...одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо! А еще “свеженькой кровушки”, чтоб попривык» (роман «Бесы»).

Скоро, скоро Россия умоется кровью... «В борьбе за счастье всего человечества» — большевики войдут в историю, как организаторы геноцида русских и покажут реальный кровавый опыт. Есть документальный рассказ одного из перебежчиков, который сообщал о практике употребления чекистами человеческой крови наряду со спиртом и кокаином, как средства для снятия нервных напряжений, возникавших вследствие непрерывных массовых кровавых расправ над людьми. Со слов очевидца: «Один из палачей харьковской чеки говорил: “Мучился, да товарищ научил выпить стакан крови. Выпил, сердце как каменное стало”»². А вот еще о русской кровушке. Вспомним и другие примеры, которые я привожу в своей книге «Чаша Господня и чаша бесовская»³.

Большевики не скрывали от современников ритуальный характер многочисленных казней, происходящих по всей России, которые в документах революционной эпохи называли «всероссийской кровавой повинностью», «кровавой жертвой духу большевизма»⁴. Палач Ермаков сообщал, что выстрелил в рот Царице. Особенно пострадало от этой «повинности» сословие «людей молящихся». Каждый день приносил новые вести об истязаниях и казнях священников. Священника Никольского большевики вывели из монастыря, заставили открыть рот, вложили в него дуло маузера и со словами «вот мы тебя причастим» — выстрелили. Это называлось «причастие

¹ Цит. по: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 362–363.

² Архив русской революции. Берлин. 1922. Т. 6. С. 338.

³ *Константин (Горянов), митрополит.* Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога. 2020, 536 с.

⁴ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 54.

Виктор Иванович Несмелов, русский философ и богослов, профессор Казанской Духовной академии. Автор трудов по философской антропологии, открывших новое направление в религиозной философии и богословии

автора книги, изданной на немецком языке, где дается описание этой бойни в Киевской ЧеКа. «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью... (часть невыносимых для нормального человека подробностей из этой цитаты опускаю из этических соображений. — М. К.). Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью»³. Подобные зверства происходили в Воронеже, Одессе, Харькове, в общем, по всей России. Революционной необходимостью объяснить этот садизм нельзя, только

свинцом». Священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши, потом голову. В Херсонской епархии трех священников распяли на крестах. В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живыми бросали в яму, а сверху бросили еще дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба¹. В Полтаве и в Кременчуге священнослужителей сажали на кол.

Как отмечает князь Жеватов Н. Д., входивший в состав деникинской Особой комиссии по изучению зверств большевиков на захваченных ими территориях, «тот, кто знает древний язык, знает и то, что слово “чека” является не только сокращением слов “чрезвычайная комиссия”, но на еврейском языке означает “бойню для скота”»². Что такое «бойня для скота» можно представить по воспоминаниям Мельгунова, который цитирует

¹ *Вострышев М. И.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона Патриарха Московского и всея Руси. М.: Современник, 1991. С. 88.

² *Жеватов Н. Д.* Воспоминания. Новый Сад. Королевство С.Х.С. 1928. Т. 2. С. 176.

³ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 127.

«жертвоприношением духу коминтерна». Как говорит князь Жевахов, с точки зрения здравого смысла они ужасны, если не учитывать ритуальную, подразумевающую соби́рание крови жертв цель.

Но не сокрушители России это выдумали. У кровавых практик и жертвоприношений древняя история. Вспомним царя Ахава. Вспомним другие исторические свидетельства кровопийственных культов Молоху и Ваалу, когда в жертву израильскому божеству приносились младенцы из семей пленников. Примеров подобных кровавых расправ с русским народом, уготованным в жертву чужим богам, немало и в современной истории.

Ф. М. Достоевский в своем романе-предвидении разоблачает духовные уродства человеческой личности, заключающиеся не в окружающей ее среде, а коренящиеся в ней самой. Как говорит преп. Иустин (Попович), исследователь творчества великого русского писателя, «сущность человеческой личности заключается в богообразном бессмертии души; соединить это бессмертие с бессмертием Бога — смысл и цель человеческой личности на земле. Это достигается христустремленными подвигами, из которых первый — вера»¹. Подвиг веры в большей или меньшей степени осуществляли все русские писатели золотого века. Их выдающиеся последователи, явно отрицавшие смуту нравственную, участия в смуте социальной не избежали, уверовав до жалости в человека.

ЛЮДИ ИЗ-ЗА УГЛА

*Но Блоку Христос являться не стал.
У Блока тоска у глаз.
Живые, с песней вместо Христа,
люди из-за угла.*

В. Маяковский. Поэма «Хорошо»

Немало потребовалось усилий и денег последователям героев романа «Бесы», чтобы вытеснить из душ русских православных людей Христа. Но отчасти это удалось, хотя и предупреждали несчастных и священники, и верные Помазаннику Божию. Но «золотой век» кончился, «серебряный» оказался податливее, мягче, что привело к кровавому «веку железному» (по классификации доктора философских наук А. Л. Казина). Неудержимо ослабевали иммунные функции литературы, ложью размывались духовные фундаменты, глумлением ниспровергались авторитеты. Исступленно старались оболгать Царя, унижить личность священника, значение веры и Церкви. Пользовались интересом в народе разрушающие сакральность веры и религии произведения антиклерикальных писателей-демократов, таких как И. С. Никитин «Дневник семинариста», Г. И. Недетковский (О. Забытый) «Миражи» и др.

«Преподавателя св. писанія, іерея Захарова, Роковъ не засталъ и былъ принять супругою его, Фаиной Дмитріевной, субтильной, до-нельзя перетянутой дамочкой, со скулами, сильно стянутыми къ носу, и съ прической въ видъ пѣтушьяго гребня.

— А мой супругъ на обѣдѣ, — объяснила она, усадивъ Рокова въ гостинной. — Обѣды — это вѣдь поповская специальность.

¹ *Иустин (Попович), преп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Изд. Д. В. Харченко. 2008. С. 159.

Портрет работы художника
А. Яр-Кравченко из книги: Есенин С. А.
Избранное. М.: Худож. лит., 1952

— Какимъ это образомъ? — возразилъ Роковъ. — Я думаю, что объды...

— Не говорите, не говорите! — перебила Фаина Дмитриевна: — совершенно вѣрно, что специальность. Не даромъ *жрецами* ихъ зовутъ, какъ выразился одинъ поэтъ. Это ихъ страшно шокируетъ, какъ и вообще положеніе...

— Вы слишкомъ преувеличиваете, — замѣтилъ Роковъ: — слишкомъ мрачно, кажется, смотрите на священство. Мнѣ нѣсколько странно слышать такія вещи отъ *матушки*.

— Ахъ, пожалуйста, не называйте меня *матушкой*, — горячо проговорила хозяйка. — Я вовсе не *матушка*, а только жена священника. Онъ для прихожанъ можетъ изъ себя разыгрывать батюшку или тамъ папеньку, что ему угодно; а я къ прихожанамъ никакого отно-

шенія не имѣю: я ихъ не благословляю, не исповѣдую, не крещу. Какая же я *матушка*? Я просто дама, какъ и другія свѣтскія женщины.

— Все-таки вашъ мужъ — священникъ; уже по одному этому вы должны бы пощадить священство, — сказалъ Роковъ.

— Онъ для меня — вовсе не священникъ, а просто мужъ и больше ничего, — изъяснила матушка-дама. — А священство щадить положительно невозможно. Помилуйте, это — каста, это — темное царство, это... Одинъ ученый необыкновенно удачно замѣтилъ, что въ попы идетъ либо дуракъ, либо...

— Извините, — началъ Роковъ, вы сами изъ дворянъ?

— Нѣтъ, я — дочь священника»¹...

И заполняли сердца легковѣрныхъ откровения и призывы, подобные тем, которые в уста Верховенского вложилъ Ф. М. Достоевский. «Слушайте, мы сначала пустим смуту, — торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. — Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш.

¹ Недетковский Г. И. (О. Забытый). Миражи // Миражи. Антиклерикальная проза писателей-демократов. Ред. Кузнецова В. И. // М.: Сов. Россия. 1988. С. 383–384.

Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» <...> «О, какую легенду можно пустить! А главное — новая сила идет. А ее-то и надо, по ней-то и плачут. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. А тут сила, да еще какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Все подымется!».

И откуда все это знал великий наш писатель?! Но почему попались на ложь выдающиеся его литературные наследники. Не могли поверить в то: «Чтобы добиться полного доверия соблазненного, бесы могут принимать образ светлого Ангела и даже Иисуса Христа»¹. Образ Спасителя они подменили социальной идеей ложного земного рая. Кажется, быстро приобщились к новой вере Александр Блок, Сергей Есенин и др. Но так же быстро поняли свою смертельную ошибку. А до этого была эйфория:

*Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи благослови!*

А. Блок. Поэма «Двенадцать»

Созвучная мечтаниям «беса» Петра Верховенского идея. В своем дневнике 7 августа 1917 г. Блок записывает: «И вот задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратятся в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор...»².

Этот огонь уничтожил самого Блока. «Люди из-за угла», которым поэт пожертвовал свой дар и свою Родину, оказались разбойниками, им был не нужен Христос. Прозрение великого поэта стало смертельным.

Другой великий русский поэт Сергей Есенин, вначале радостно принявший революцию, поверивший лозунгам врагов, взявших на вооружение гуманистические и христианские идеи, тоже со временем понял дьявольский обман. В конце своей короткой, обреченной жизни он откровенно и просто в драматической поэме «Страна негодяев» выражает свое понимание свершившейся с ним и его страной трагедии.

*Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются —
Все сонмы народов,
И рас, и племен.*
.....

¹ Аверинцев С. С. «Бесы». Цит. по: Анищенко Г. Православие. Литература. Революция. М.: Паломник. 2010. С. 178.

² Цит. по: Анищенко Г. Православие. Литература. Революция. М.: Паломник. 2010. С. 236.

*Пустая забава.
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли в замен?
Пришли те же жулики, те же воры,
И вместе с революцией
Всех взяли в плен.*

У поэта-мученика своей участи больше никаких иллюзий не осталось. Променив веру в Бога на веру в революцию, он понимает, что ошибся, что его обожаемая Россия-Русь гибнет. Он заглянул за ширму «Мировой пролетарской революции» и увидел, для кого «сделали» эту революцию. Освободившийся от иллюзий любимец народа Сергей Есенин мог представлять серьезную идеологическую опасность, поэтому «наблюдательные соратники» его повесили. Прежде так же и по той же причине был убит идеологически прозревший поп Гапон. Его друг и ближайший соратник, «пламенный» революционер Пинхас Моисеевич Рутенберг¹ руководил повешением Гапона.

Бесовская суть революционного переворота постепенно и трагически открылась великому русскому поэту Есенину, охваченному добрыми чувствами и искренней верой в возможность создания рая на земле. Об этом прозрении можно судить по необычной характеристике, данной Есенину убежденным глашатаем революции В. Маяковским, в какой-то степени она оправдывает заблуждавшегося народного поэта. «Есенин выбрался из идеализированной деревенщины, но выбрался, конечно, с провалом, и рядом с

*Мать моя родина,
Я большевик...*

появляется апология “коровы”. Вместо “памятника Марксу” требовался коровий памятник... Я с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина... Есенин с любопытством говорил о чужих стихах. Была одна новая черта у самовлюбленного Есенина: он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом... В этом, по-моему, корень поэтической нервозности Есенина и его недовольства собой, распираемого вином и черствыми и неумелыми отношениями окружающих»². Маяковский правильно замечает разочарование Есенина, но не правильно трактует истинную его причину. Есенин смотрел не с завистью, а с отчуждением, с нежеланием спаиваться со спящими революционерами, цену и цели которых он понял. Нервозность его в обществе строителей нового мира объясняется выше приведенными строками из «Страны негодяев», трагическим пониманием, что все это — «пустая забава, одни разговоры». Ложь. Обман.

Да и сам Маяковский до конца жизни храбрившийся, якобы остающийся верным разрушительным идеям, пытался оправдаться, понимая свои ошибки в оголтелом своем стремлении к новизне.

¹ Рутенберг Пинхас Моисеевич — см. в «Электронной Еврейской энциклопедии»: КЕЭ. Т. 7. Кол. 552–555. Опубликовано в 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13626>

² *Маяковский В.* Война и язык. СПб.: Современная интеллектуальная книга. 2018. С. 251–252.

*С хвостом годов я становлюсь подобием
чудовищ ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь, давай быстрее протопаем,
протопаем по пятилетке дней остаток.*

В. Маяковский. Поэма «Во весь голос» (1929–1930)

А ведь с каким самозабвением призывал в 1920-м:

*Жаром, жженьем, железом, светом,
Жарь, жги, режь, рушь!*

В. Маяковский. Поэма «150 000 000»

Весь двадцатый век чадил и дымился этот бесовский костер, в котором сгорели надежды и «чувства добрые» многих выдающихся русских писателей. И становятся понятными стихотворения революционной эпохи:

*Бешено,
Неуемно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена
И мы ее палачи.
Слава солнечной казни!*

В. Д. Александровский

Становиться палачом тогда было даже почетно. «За беспощадность» давали одноименный орден и официальные грамоты. Здесь вспоминается подобная награда из недавней истории — американская медаль «За победу в холодной войне». Читай, за победу над СССР. Это свидетельство неизменной, дьявольской ненависти к нашей стране, в каком бы социальном статусе она ни существовала. Следует прислушаться к доводам профессионального разведчика, бывшего руководителя СВР РФ и руководителя Российским институтом стратегических исследований, историка, генерала Леонида Решетникова. Он обращается к тем, кто и ныне охвачен революционной романтикой, кто обуюн любовью к Западу и его ценностям. «Хочу сказать о том, чего мы часто не понимаем и не хотим понять. Так сложилось, что Россию, Российскую империю, Советский Союз и Россию нынешнюю Запад, а это, прежде всего, определенные глобалистические международные интернационалистские силы, рассматривали и рассматривают как цивилизационного конкурента. И в то же время у нас, думаю, постоянно присутствуют наивные надежды, что вот придет какой-то другой президент Соединенных Штатов Америки и у нас наладятся отношения, мы будем дружить. Не будет такого никогда. Другой ход событий невозможен, потому что у этих сил есть одна задача — устранять конкурентов, особенно цивилизационных, которые несут в мир какую-то другую идею»¹.

Сегодня свою сатанинскую идею США не скрывают, даже похваляются ей. Дьявольские культы, детские жертвоприношения, объединения оккультистов, «Церковь сатаны», «Международная ассоциация люциферистов кельтско-восточного обряда», «Зеленый орден», «Саентологи» и мн. др. — все это элементы современной американской жизни и философии, базирующейся на антихристианских принципах:

¹ Линия жизни Леонида Решетникова // Русский Дом № 3. 2021. С. 11.

- вседозволенность;
- животное существование;
- ничем не замутненная мудрость;
- доброта только к тем, кто этого заслуживает;
- мстительность;
- ответственность только по отношению к ответственным;
- животная природа человека;
- совершение всех так называемых грехов;
- лучший друг церкви тот, кто ее постоянно использует в своих целях;
- сатана сильнее всех;
- каждый сам по себе бог;
- жизнь — это насилие;
- необходимо потворствовать и подчиняться своим низменным инстинктам и влечениям;
- необходимо поступать вразрез с требованиями общественных законов или хотя бы быть индифферентным к ним;
- социальные структуры надо разлагать изнутри;
- настоящая радость — месть своим врагам;
- земная жизнь — подготовка к переходу в ад для истязания своих врагов;
- все связанное с официальными религиями должно по возможности оскверняться;
- главный враг — Православие¹.

Конечно, Россия Божиим Промыслом является преградой на пути, успешно начатом сатаной в библейские времена в ангельском мире. Конечно, для врагов России самое страшное, если наша страна продолжит прерванный на век путь традиционного христианского развития. «Тогда действительно возникнет реальная духовная альтернатива скрытому и открытому сатанизму, который сейчас активно разворачивается на Западе. И этого они больше всего боятся»². Они боятся Христа и Его Церкви, они боятся православного народа, несущего чувства добрые миру.

Но в своей гордыне и пагубности, уверовавшие в ложь, как в истину, Господни и наши враги не боятся, что «...Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков... что времени уже не будет... и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр. 10:1, 5–6, 11:15).

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

1 Ин. 4:7–8

Достоевский Христу не изменял. Он остался со Христом навсегда с того дня, когда на каторге узнал Его. Евангелие, подаренное каторжанину женой ссыльного декабриста Натальей Фонвизиной при свидании в Тоболь-

¹ Тайны Америки. Факты о настоящей империи зла. <http://hellishamerica.ru/satanisty.html> (обращение 20.04.2021 г.)

² Там же. С. 13.

ске, стала его настольной книгой, источником лучших в жизни знаний и добрых чувств, которыми писатель делится поныне со своими читателями. Говорить о нем, как о нашем современнике не вполне корректно. Преп. Иустин (Попович) называет его со—вечным. «Достоевский не всегда был современным, но всегда — со—вечным. Он со—вечен, когда размышляет о человеке, когда бьется над проблемой человека, ибо страстно бросается в неизмеримые глубины его и настойчиво ищет все то, что бессмертно и вечно в нем; он со—вечен, когда решает проблему зла и добра, ибо не удовлетворяется решением поверхностным, покровным, а ищет решение сущностное, объясняющее вечную, метафизическую сущность проблемы; он со—вечен, когда мудрствует о твари, о всякой твари, ибо спускается к корням, которыми тварь невидимо укореняется в глубинах вечности; он со—вечен, когда исступленно бьется над проблемой страдания, когда беспокойной душой проходит по всей истории и переживает ее трагизм, ибо останавливается не на зыбком человеческом решении проблем, а на вечном, божественном, абсолютном; он со—вечен, когда по-мученически исследует смысл истории, когда продирается сквозь бессмысленный хаос ее, ибо отвергает любой временный, преходящий смысл истории, а принимает бессмертный, вечный, богочеловеческий. Для него Богочеловек — смысл и цель истории; но не всечеловек, составленный из отходов всех религий, а всечеловек = Богочеловек»¹.

Евангелие для Достоевского было тем Источником, из которого он почерпнул свой «символ веры». Как он сам говорил, «этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной»².

Существование Бога — главный вопрос человеческого бытия. Только с пониманием его можно понять все смыслы истории, выявить все связи мира. Но оно дается нелегко, со страданием, с преодолением, с жертвой. А главное — с любовью. В чувстве любви заложено чувство бессмертия. Все жизненные проблемы Достоевский исследовал с точки зрения вечности. «Опыт активной любви как метод богопознания и самопознания и является новозаветным, апостольским методом, методом православной философии... Христологие герои Достоевского хранят наибольшую драгоценность нашей планеты — Лик Христа»³. Теодекция Достоевского — тот единственный путь, которым осуществляется подвиг веры, смирения, молитвы, милосердия. Для Достоевского Православие и образ Богочеловека Христа — есть средоточие блаженного оптимизма и любви ко всему в мире.

¹ *Иустин (Попович), преп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Изд. Д. В. Харченко. 2008. С. 6–7.

² *Достоевский Ф. М.* Письмо Н. Д. Фонвизиной № 39. 20-е числа февраля 1854 г. Омск.

³ *Иустин (Попович), преп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Изд. Д. В. Харченко. 2008. С. 15.

Александр ЩИПКОВ

НОВЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Александр Владимирович Щипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. **Живет в г. Тарусе.**

Государство может достичь подлинного суверенитета и мирового лидерства только в том случае, если его внутренняя и внешняя политическая повестка совпадает с национальными традиционными ценностями.

Это — главный тезис данной работы, которую я назвал «Новый русский консерватизм».

Мы живем в эпоху больших перемен: экономических, социальных, религиозных, культурных, идеологических. Живем в предчувствии мировой перестройки.

В каком состоянии находится современное общество? Обещанный американскими политологами «конец истории» не состоялся. Они ошиблись.

Неолиберальная система явно не справляется с ситуацией в современном мире. Пределы глобализации достигнуты. Международные институты и глобальная финансовая система уже не могут обеспечивать стабильное поступательное развитие. Глобализация в нынешнем виде может развиваться и дальше, но только через военные средства.

Если раньше для обеспечения баланса сил и интересов было достаточно экономических и социальных рычагов, то сегодня множатся искусственно созданные линии напряжения. Возникают цветные революции, межнациональные и религиозные конфликты, гражданские войны.

От «мягкой силы» защитники старой системы переходят к силовым методам управления. К стратегии управляемого хаоса.

Но сегодня эта модель пригодила для ее носителей своеобразный «капкан». Она уже не способна предложить миру новые смыслы. Отказавшись от своего христианского фундамента, глобальный Север, в конечном счете, утратил важную ценностную базу, а с ней и свою

подлинную идентичность. Об этом очень убедительно говорил Святейший Патриарх Кирилл в своем докладе, открывая XXII Всемирный Русский Народный Собор.

Давайте посмотрим, как все это отражается в идейно-политическом спектре.

Либерализм доминирует. Он поглотил все другие идеологии. Но выясняется, что он не в состоянии сохранить верность собственным основам.

Мы видим, что международное право превратилось в условность. Защита прав одних осуществляется ради попрания прав других. Демократия разрушена властью финансовых элит. Тотальная конкуренция разрушает нравственность. Идея всемирного просвещения уступила место войне цивилизаций.

Иными словами, претензии либерализма на универсальность общественной модели оказались ложными, обернулись утопией.

Система не справляется. Все происходящее говорит об износе не только привычных политических механизмов, но и идеологии. Это значит, что в мировом масштабе нас ждет трансформация политических институтов и смена той идеологии, которая сегодня их обслуживает.

Все это заставляет всерьез задуматься о реальном положении России в современном, быстро меняющемся мире.

Мы помним, как в конце XX века спорили о соотношении западного и восточного в российском векторе развития. Но на смену проблеме «Запад-Восток» пришла проблема глобального Севера и глобального Юга. Север все еще навязывает Югу идею «универсального модерна», от имени которого сам и выступает, настаивая на существовании «правильной и неправильной стороны истории».

Юг не верит Северу, идеология Севера буксует, в ней все больше противоречий.

Россия занимает особое положение. В области культурного и научного потенциала, военных технологий мы — Север, а по экономическому положению и культурному влиянию в мире — Юг. И западническая, и евразийская идеи учитывают лишь одну из сторон нашего самопозиционирования. Но на самом деле Россия не Север и не Юг, а Центр. И вот почему. Север реализует идею господства, Юг исторически находится в вассальном положении. Но для России не характерно ни господство, ни подчинение. Мы унаследовали византийский принцип культурной мозаики и равноправия культур. В своих истоках — это христианский принцип.

Парадигма «Север-Юг» на наших глазах уходит в прошлое вместе с однополярным миром. На ее месте возникнет триада: Север-Юг-Центр, где Центр — это смысловое ядро христианской цивилизации. В первую очередь мы имеем ввиду не экономический центр, а ценностный, который может завоевать мировой авторитет.

Если Россия займет такое место в мире и продолжит укрепление суверенитета, то она окажется главной частью Центра. Это означает, что именно ей предстоит взять на себя историческую роль — преодоление внутреннего исторического разрыва Запада, который произошел в XVIII веке. Речь идет о преодолении вековой травмы европейского сознания, преодолении раскола между «традицией» и «современностью». России предстоит на собственном примере воссоздать эту целостность, уйти от ложного противопоставления

современности и традиции. У нас есть для этого огромный духовный или, как сейчас принято говорить — «символический», ресурс, накопленный в ходе национальной истории.

Если Россия не справится с этой задачей — роль цивилизационного Центра возьмет на себя кто-то другой.

Когда-то Русь выбирала веру. Сегодня мы размышляем о выборе идеологии. Некоторые ученые считают, что идеологическое пространство претерпит ощутимый сдвиг. При этом в центре нового идеологического поля НЕ будут находиться технологии — не важно, цифровые технологии или технологии управления и социального конструирования. Популярная и востребованная идея цифрового социума — только инструментарий. Она полезна для решения технических задач. Но цифра, взятая в качестве идеологии, лишь откладывает принятие решений. Потому что решение всегда лежит в сфере смыслов, в сфере качества, а не количества.

Европейские и американские философы последнее время все чаще говорят о так называемом «консервативном повороте». Но само понятие «консерватизм» требует объяснения.

Если либерализм предполагает приоритет такой ценности как свобода, а социализм — социальной справедливости, то консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, не содержит готовую абсолютную ценность. Он призывает нечто сохранять и консервировать, но четко не проговаривает, что именно.

Размытость самоопределения делает консерватизм предметом спекуляций. Его нередко воспринимают просто как некую респектабельность — и только. На практике этим понятием прикрывают то лоялизм, то конформизм, то национализм. Есть даже понятие «ситуативный консерватизм», то есть консерватизм, который кардинально меняет свою риторику в зависимости от конъюнктуры.

Консерватизм на сегодняшний день не монолитен, не един, не имеет базы, на которой можно было бы объединить всех консервативно мыслящих людей. Почему? Потому что сегодня консерватизм — это не идеология. Идеологией он станет тогда, когда сформулирует свою собственную ценностную базу.

Главная проблема консерватизма — самоопределение.

В то время как либерализм утрачивает свою ценностную базу, консерватизм ее формирует, отделяя от себя все виды радикализма. При внимательном рассмотрении уже сегодня можно заметить два вектора его развития: либеральный и социальный.

В первом случае мы имеем дело с либеральным консерватизмом (либерализм с консервативной стилистикой), во втором, с левым или социальным консерватизмом, пытающимся соединить идеи традиционных ценностей и социальной справедливости. Как сказал Владимир Путин на открытии XXII Всемирного русского народного собора: «Нельзя идти против своей традиции».

Традиционные ценности в рамках консерватизма имеют расширительную трактовку. Речь идет не о конкретной традиции, привязанной к некоей эпохе, стилю, форме, а о связи разных эпох и непрерывности исторического, социального и религиозного опыта русского народа. Речь идет об опыте, который противостоит идее модернистских революционных «разрывов» и «словом».

И здесь неизбежно встает вопрос о ценностях. Любое поведение человека — это приоритеты, это выбор. Выбор всегда связан со шкалой ценностей. А где ценности, там и сакральность. Потому что только сакральность делает ценности абсолютными и неоспоримыми. Наши ценности сформулированы в Десяти заповедях и Заповедях блаженства.

Завершая, вернемся к теме российского суверенитета. Повторю: «Государственный суверенитет — это способность поддерживать такое состояние страны, при котором политическая повестка совпадает с ценностями народа, а не противоречит им».

На международном уровне государство может занять лидирующее положение, если сможет предложить свою повестку, а с ней и свои ценности — окружающим его субъектам. То есть предложить миру повестку, основанную на собственных, а не заимствованных ценностях.

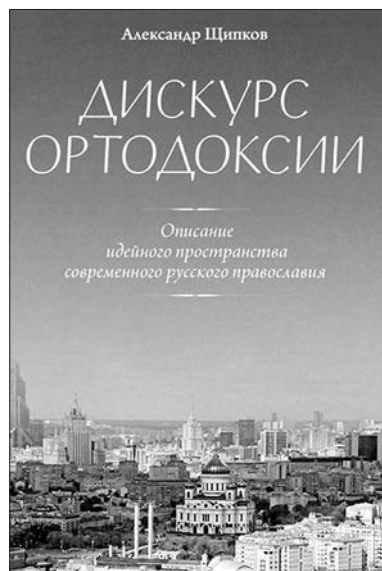
Именно это в ближайшее время предстоит России — приведение политической повестки и стратегии в соответствие с национальными историческими ценностями. Именно эту задачу и этот тезис мы можем назвать определяющим критерием нового русского консерватизма.

ВЫШЛА КНИГА

Щипков А. В.

Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2021.

Книга политического философа, заместителя главы Всемирного русского народного собора Александра Щипкова представляет собой итог авторского наблюдения за состоянием идеологического пространства в России первых десятилетий XXI века. В фокус наблюдений автора попадает дискурс православия, взятый в религиозно-богословском, в культурно-историческом и в философском аспектах. Отдельное внимание уделено вызовам, возникающим сегодня перед русским православием, таким как греко-протестантизм, секулярный фундаментализм, либерал-православие, проекты цифрового общества. Книга рассчитана в первую очередь на внимание православного епископата и духовенства. Она призвана помочь им ориентироваться в сфере публичной идеологии.

Владимир МЯСНИКОВ

ПОДНЯТЬ И ПОНЕСТИ КУЛЬТУРНУЮ НОШУ ПРЕДКОВ

*Некоторые исторические
оценки современного
состояния России*

Владимир Степанович Мясников — академик РАН, историк-китаевед. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития. **Живет в Москве.**

В настоящее время перед нашим народом стоит задача сохранения исторически сложившейся федерации. Общероссийский рынок сформировался еще в XVII веке. Значит, есть политические и экономические условия для жизнедеятельности российского многонационального организма. Нужны идеологические и правовые императивы, которые обеспечивали бы защиту национальных интересов всех народов, сцементированных общностью исторических судеб в их совместном Отечестве.

В нашей исторической науке исключительно важной является точность терминологии. В качестве примера приведу термины, которые сегодня широко используются для характеристики того, что произошло в нашей стране в начале 90-х годов XX века. Обычно пишут и говорят: СССР разрушился, развалился, распался и т. п. Как многоэтажное здание стояло-стояло и вдруг рухнуло? Чаще всего это бывает от того, что внутри газ взорвался. На всенародном референдуме 84 % населения высказались за сохранение Союза. Так что с «газом» было все в порядке.

На мой взгляд, в поисках правильного с исторической точки зрения термина важным представляется рассмотрение подлинных планов в отношении России, составлявшихся творцами внешней политики главных государств Запада и Востока, а также образа действий по осуществлению этих планов. Еще в середине XIX в. в начавшей свое движение к объединению Германии появляются планы **расчленения** Российской империи. Барон Август Гакстгаузен-Аббенбург, подготовивший трехтомный труд по аграрным отношениям с Россией, утверждал, что Польша, Прибалтика и Малороссия, если они будут едины с Россией, обеспечат русским «преобладание над осталь-

ной Европой»¹. Основываясь на подложном завещании Петра Великого, газета «Прусский еженедельник» публиковала материалы, исходившие якобы от Царского Двора, в которых «изображала Россию ведущей подрывную работу против всех государств с целью добиться мирового господства»². Группа политиков, сплотившихся вокруг «Прусского еженедельника», разрабатывала для прусского правительства «ответную» программу. «В качестве цели, — вспоминал впоследствии О. Бисмарк, — к которой надлежало стремиться Пруссии как передовому борцу Европы, там отмечалось: **расчленение** России, отторжение ее остзейских губерний, которые, включая Петербург, должны были отойти к Пруссии и Швеции, отделение всей территории Польской Республики в самых обширных ее пределах, раздробление всей остальной части на Великороссию и Малороссию, хотя и без того едва ли большинство малороссов оказывалось в пределах максимально расширенной территории Польской Республики»³.

Планы эти не остались втуне. Объединенная Бисмарком Германия пыталась осуществить их в ходе Первой мировой войны: П. Гинденбург, Э. Людендорф и Х. фон Сект нацеливали имперские армии на реализацию именно этой программы. В воззвании главного германского командования к населению Царства Польского от 9 августа 1914 г. говорилось: «Поляки! Час освобождения от московского ига приближается. Союзные армии Германии и Австро-Венгрии скоро переступят границы Царства Польского. Москали уже отступают. Их кровавое господство, которое тяготело над вами более ста лет, падает. Мы приходим к вам в качестве друзей. Доверьтесь нам. Мы несем вам вольность и независимость, за которые столь много терпели ваши предки. Пусть восточное варварство падет перед западной цивилизацией, общей для вас и для нас. Поднимайтесь, помня о своем прошлом, столь великом и полном славы. Соединяйтесь с союзными войсками. Объединив наши силы, мы изгоним из границ Польши азиатские орды»⁴.

В теснейшей связи с этим заявлением стоят документы, казалось бы, совсем другого порядка. Спустя три года, 11 декабря 1917 г., сейм (тариба) Литвы провозгласил ее независимость. Это было в те дни, когда делегация РСФСР вела в Брест-Литовске переговоры о перемирии с Германией и ее союзниками, завершившиеся подписанием Брестского мирного договора. В первом пункте манифеста о независимости говорилось: «Литовский сейм, признанный литовцами, как живущими в стране, так и за границей, единственным полномочным представителем литовского народа, провозглашает на основе признанного права на самоопределение народов и на основании постановления заседавшей в Вильно с 18 по 23 сентября литовской конференции восстановление независимости литовского государства со столицей Вильно и с отделением его от всех государственных связей, которые существовали другими народами». Второй же пункт этого акта о независимости трактовал ее весьма своеобразно: «При воссоздании этого государства и для охраны его интересов при мирных переговорах сейм испрашивает за-

¹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. 92.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 92.

⁴ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 429–430.

щиту и помощь Германской империи. Во внимание к жизненным интересам Литвы, которые требуют скорейшего установления длительных и тесных отношений с Германской империей, сейм высказывается в пользу вечного и прочного союза Литовского государства с Германской империей, который должен, главным образом, найти свое воплощение в военном, транспортном, таможенном и монетном единении»¹.

26 мая 1918 г. национальный совет Грузии принял Акт о ее независимости. А уже 28 мая между Германией и Грузией было подписано Потийское соглашение. По нему Грузия признала Брест-Литовский договор, а также предоставила свою железнодорожную сеть для перевозки германских войск. Руководить этими перевозками должна была германская военная комиссия в Тифлисе, грузинское правительство разрешало назначить германских консулов «в те места грузинского государства, в которые имп[ераторское] германское правительство найдет желательным назначение»². Большого Германии в то время и не нужно было. Тогда она уже фактически оккупировала Украину.

Таким образом, планы расчленения России нашли отражение и в условиях Брестского мира³. Но революция в Германии позволила объявить недействительным Брест-Литовский договор и связанные с ним «уступки территорий и областей»⁴. Однако идея раскромсать «русское пространство» не осталась чисто германской. «Четырнадцать пунктов» президента США В. Вильсона, являвшиеся ответом на Декрет о мире, также предусматривали расчленение России (пункт 6).

Термин «Расчленение» Советского Союза есть и в дневнике фашистского пропагандиста Йозефа Геббельса.

Взаимосвязь и взаимозависимость внутренней и внешней политики отчетливо видны в том, что расчленители извне всегда стремились опереться на сепаратистов внутри страны.

Существовало и ответное тяготение. Карл XII и Мазепа нашли друг друга не случайно. Сепаратистские тенденции, к которым советское руководство в последние годы существования СССР относилось по принципу непротивления злу насилеи, сыграли роковую роль в разрушении Советского Союза. Но они не были порождением нашего времени.

90 лет тому назад выдающийся русский мыслитель Георгий Петрович Федотов (1886–1951) поставил вопрос: «Будет ли существовать Россия?». С поразительной точностью, подтвердившейся в реалиях наших дней, историк и философ указал на признаки надвигающейся катастрофы. «Можно отмахнуться от этих симптомов, — горестно замечал он, — усматривая в них лишь новые болезни интеллигентской мысли. Но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабленном теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет

¹ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 96.

² Там же. С. 435–436.

³ Там же. С. 123–126, 163–166.

⁴ Там же. С. 198–200.

кадры полуинтеллигенции интернационального коммунизма, в рядах самой Коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам ислама»¹.

Эти строки написаны Георгием Петровичем Федотовым во Франции в 1928 г., спустя три года после того, как он покинул отечество. Они основаны не на интуиции пророка, а на глубоком знании истории России и ситуации в ней в первой половине 20-х годов прошлого века. Наблюдения Федотова настолько верны, что сегодня они просто поражают. «Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является моментом величайшей опасности. Он, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов», — утверждал он. И добавлял, что «благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления»². Для анализа сегодняшней ситуации важно и замечание Федотова о том, что «из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших братьев — малороссов или украинцев»³. И это «самый болезненный вопрос новой России».

Федотов был велик не только в своем прозрении, но и в том, что он, как бы обозревая просторы России, показывал, что есть конкретные пути преодоления кризиса, главным из которых он считал синтез культур русской и тех народов, что составляют Россию, включая и народ «древней матери нашей» — Малороссии. Именно не на политическом, а на цивилизационном уровне, без силовых решений, призывал он укрепить единство Великой и Малой России. «Россия — не Русь, — подчеркивал он, — но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примиримся — т. е. с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, т. е. Россия существовать не будет»⁴. Таков был ответ на вопрос, вынесенный в заглавие его работы. И, обращаясь к следующему поколению русской интеллигенции, историк призывал: «Это зависит от нас. Будь! Будь!».

«Молодое поколение варваризируется и в России, и в зарубежье, — с горечью замечал Федотов. — Для него подчас, кажется, не под силу поднять культурную ношу предков. Но надо не только поднять ее, но и нести дальше и выше, чем умели отцы. Ибо голос времени звучит неумолимо: “Всякое промедление смерти подобно”, — как говаривал Петр Великий. Наши творческие силы еще не иссякли. Мы верим в наше призвание и не

¹ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского постоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451.

² Там же. С. 459.

³ Там же. С. 462.

⁴ Там же. С. 461.

миримся с мыслью о гибели. Нам нужна лишь школа аскезы — культурной, творческой аскезы, без которой не создаются ни духовные, ни материальные ценности культуры»¹. Эти слова Г. П. Федотова намечали уже не только пути, но и программу выхода из кризиса. Думается, что над ней стоит размышлять и сегодня. И не только размышлять.

Я остановился столь подробно на труде Георгия Петровича Федотова, потому что он одним из первых разглядел опасность сепаратизма и уловил его разрушительную сущность. Известный философ Иван Александрович Ильин предупреждал о том, что распад России может сильно навредить мировой цивилизации². Видя подлинную картину бедствий, принесенных стране сепаратизмом, мы с болью осознаем трагичность того, что голоса разума и совести, возвещавшие об опасностях для судеб Отечества, не были услышаны. Деструктивный национализм и его крайнее проявление — сепаратизм — слишком дорого обходятся народам.

Что же может противостоять сепаратизму? С одной стороны, правовые, конституционные нормы, с другой — национализм конструктивный. Образцом его можно считать подход к проблеме главного идеолога индийского национализма Махатмы Ганди. Он отмечал: «Национализм в моем понимании значит, что моя страна должна обрести свободу, что, если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество могло жить. Здесь нет места расовой ненависти. Пусть это будет нашим национализмом... Целью государств мира является не изолированная независимость, а добровольная взаимозависимость. Лучшие умы мира желают сегодня видеть не абсолютно независимые государства, воюющие друг с другом, а федерацию дружественных взаимозависимых государств»³.

Перед Россией же стоит историческая задача сохранения существующей федерации. Общероссийский рынок сложился еще в XVII веке. Значит, есть политические и экономические условия для жизнедеятельности российского многонационального организма. Нужны идеологические и правовые императивы, которые обеспечивали бы защиту национальных интересов всех народов, сцементированных общностью исторических судеб в их совместном Отечестве.

¹ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского постоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 461.

² Ильин И. А. Что сулит миру разрушение России? // Русский рубеж. По страницам «Литературной России». М., 1991. См. его же: «Основы борьбы за национальную Россию», 1938. Цит. по: *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955. С. 457.

³ Цит. по: *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955. С. 457.

ПОЭЗИЯ

Войислав КАРАДЖИЧ

«И ЯСНОВИДЕЦ ГОРДЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ...»*

Войислав Караджич — сербский поэт, литературовед, переводчик. Окончил филологический факультет Белградского университета. Переводил на сербский язык многих русских поэтов. Опубликовал 10 сборников поэзии и две книги мыслей-афоризмов. Стихи получили наивысшую оценку литературных критиков и публикуются в престижных литературных журналах, газетах и монографиях. Его стихи переведены на русский, польский, белорусский, китайский языки. Организует Вечер поэзии в деревне Петница у памятника Вуку Стефановичу Караджичу, реформатору сербского языка, при участии поэтов из России. Член СП Черногории. **Живет в Никшиче (Черногория).**

* Печатается в авторском переводе, с авторской орфографией и пунктуацией.

БЕЗВРЕМЬЕ

Премудрый Сиоран
И мудрый Лао Цзе
И ты Конфуций
Видите ли вы
Как голова кружится
От безвременья?

И ясновидец гордый Достоевский
Скажи висит ли все еще слеза
Ребенка на теще пустого дня?

Скажите когда свет прозреет вновь
Когда веревка вдруг на эшафоте
Прищурит перед правдою глаза
Когда погибнет от стыда порок?

И долго ль будет день косою царить
В развалинах у пламени из пепла?

ПРИЛИВ НЕЖНОСТИ

Если тебя дождь орошает —
Раскрой ему душу.
Если тебя солнце разбудит —
Открой ему очи.
Если родник призывает —
Напейся.
Если снежок порошит —
Подружись с ним.
Коль судьба тебя вяжет узлами —
Смотри, не запутайся.
А когда нежность нахлынет —
Расцвести из бутона позволь ей!

ДЫМ ИЗ ДЫМОВОЙ ТРУБЫ

Как ходок на ходулях
Усиками взлетает
Иногда его обхитрит ветер
И талию взвивает.
Как сухое прочистится
трубы горлышко
Из черных легких
Потекут в небо чистые гласные
Дым в лазурь провожая
Косынку невозврата.

В РАСЩЕПЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Кто способен мудрость укротить
Ум возвышенный лишить полета

Сладкий плод в цветение вернуть Бесконечность оком очертить
Пальцем море раскачать и вспенить Все потемки свечкою развеять
Литье чугунное поправить Запретить мечтать живому сердцу
Солнце мощное лишить сиянья И рассвет сентябрьский отменить.
Разгадать загадку наших судеб

БЛАГОДАРЕНИЕ

Спасибо, пречистая мать за любовь,
Что грудным молоком ты кормила
Зарю меня обернувши, чтоб к свету нашел я дорогу.

Судьбина, спасибо тебе за подаренный посох,
Я счастье свое им нащупал.

Хвала тебе Пастырь, ты стадо мое караулил,
Овец охраняя от пасти несытой волчицы.

Хвала тебе солнце, ты мне продолжало светить,
Даже если терял я надежду.

Хвала тебе горлица, ухо ты мое ласкала,
Воркуя о прелестях горнего мира.

Хвала тебе молния, ибо и ты
Свой коварный язык прикусила и ниву мою не сожгла.

Спасибо молитве моей неустанной,
Она не позволила ночи морозной настать.

Любви же спасибо за эту пыльцу золотую,
Которой она осыпала мой жаждущий рот.

Хвала тебе белое утро, я вместе с тобой собираюсь
Вкусить полноту своих дней.

А тебе песня спасибо за легкие весла,
Я греб ими и не захлебнулся.

ДЕЛАЮТ НАС СЛЕПЫМИ

Предлагают нам стать слепыми
За крошечную поденную плату
Мерзости нам готовят
В бездну толкают нас
Грозят нам зимой колючей
Чтоб обнажить под голыми небесами
Единодушия нашего шум укротить
Задать нам шаг Голгофы
И сбросить нас с Креста.

Но, пусть же мы нам дадим нас
Нашего ради спасения!
Без альтернативы!

ПТИЧКА РАЗБИЛА ВАЗУ

Птичка разбила вазу
Нечаянно.

Хотела быть наедине с цветами
Прежде чем наступит
Прах золота осени!

НЕ ГОВОРИ

Не говори, что счастье уцелело
Что лодку затонувшую залил рассвет
Что до страданий мира есть кому-то дело
Что в доме у тебя врага сегодня нет.

Не говори, что солнце все еще во сне витает
Что чей-то взгляд не ищет отклика в душе
Что от зимы зима, теплом объята, тает
Что вихрь с огнем не дышат засухой уже.

Не говори, что слез ничья душа не знала
Что молния сверкнуть в погожем небе не смогла
Что древо родословное пока не увяло
Что капля прототипом мира не была!

ПОЭЗИЯ

Ели ВИДЕВА

«СПАСЕТ ТЕБЯ ЛЮБОВЬ»

Ели Видева — поэт, родилась в городе Хасково, Болгария, имеет два высших образования, математик, специалист по информатике. Председатель Клуба деятелей культуры города Хасково. Автор 10 книг стихов. Лауреат национальных литературных наград и Большой европейской награды в г. Куртия де Арджеш, Румынии. Ее стихи переведены на многие европейские языки. Член Союза болгарских писателей, Союза математиков Болгарии и Славянской литературной и художественной академии. **Живет в Болгарии.**

МОЛИТВА

Спасай меня, любовь,
спасай меня беззвучно,
Чтоб не ступила я в круг
низменных страстей,
От злости защити,
что с адом неразлучна, —
Их часто вижу я
в пустых глазах людей.

Спасай меня, любовь,
цели лучом надежды,
Что все вокруг судьба
расставит по местам,
Что бездуховных дней поры
сомкнутся вежды,
Иную жизнь дая —
святым и грешным нам.

Спасай меня, любовь!
Во имя вечных истин!
Молюсь тебе, других имен
мне не сыскать.
Моя душа грустна, зов сердца —
бескорыстен.
Когда же научусь
я твой букварь слагать?

СПАСЕНИЕ

Когда отдаешь без остатка,
Когда все отдать готов,
В жизни, такой краткой,
Спасает тебя любовь.

Когда холод тебя укутал
И Бога не слышно слов,
Назло и дождям, и смутам
Тебя спасает любовь.

Когда вытекает время
Слезой в веренице снов,
Бросая неверия семья...
Спасает одна любовь.

* * *

К вечеру птиц песни неистовы,
несмолкаемы —
Посреди молчания
забитого делами дня —

Они шумно полнят небо своими тайнами,
Ветви деревьев колыша и к земле клоня.

Вот они рассказываются по тротуарам,
Разговаривают с площадями, раскаленными от жары,
Гордо ходят, галдят, порой разбиваясь на пары,
И, поглядывая на нас, дразнятся, спархивая во дворы.

Но однажды смерть догонит их будто выстрелом —
Точным ударом какого-нибудь пацана-забияки...
Но пока в тени они поют так заливисто и неистово,
Словно противятся пропасть в бездонном и вязком мраке.

Перевод Виты Пшеничной

ПАСТОРАЛЬ

Упал листок на мокрый зонт.
А ветер дул, крепчая...
Так грустным осликом уйдет
И жизнь с горбом печали.
С последним сорванным листом
Уйдут и плоть, и мысли...
Над этим сломанным зонтом
Жизнь света вспыхнет в мыслях.

Перевод Лидии Жаровой

ПОЗИЦИЯ

Много камня и терна растут в поэтической ниве.
Нам удастся ли вычистить это за целую жизнь?
Мы встречаемся грязные, грустные с вами, но живы
С верой в то, что добро сбросить камень поможет с души.
Будем каждый орать свой клочок поэтической нивы.
Мы впряжемся в плуги, невзирая на страхи и боль.
Будем семя сажать, семя звонких идей совестливых,
С верой в то, что от них к нам приходят и свет, и любовь.
Остановит когда-нибудь бег наш упорное время
И просеет сквозь мелкое сито и слово, и стих.
И оставим потомкам, когда упокоимся в землю,
Кроме грешной души некий цвет, некий миг.

Перевод Владимира Стафидова

АРИФМЕТИКА

Умножила ночи.
Разделила дни.
Прибавила детей,
Возвела в степень забот.

Вычла судьбу...
Кто рассчитает корень
Нашей любви?

Перевод Лидии Жаровой

ФЕВРАЛЬ

Опять в феврале налетят белоснежные бури.
Наивные почки, к несчастью, в саду заметет.
Холода налетают и как всегда бедокурят.
Надеюсь, огонь мне озябшие руки спасет.
Во дворе за забором воеет собака соседа,
От ветра глаза закрывая, кружится в снегу.
Как боль прозвучит мой вопрос в пустоту без ответа:
— Почему я, как пес, без тоски даже дня не могу?
Потихоньку огонь исходит во двор за ворота,
Возьмется за снег, и когда все снега отструят,
Тронется в путь, подгоняем взволнованным ветром,
Зажигая цветы, и цветы до утра устоят.

Перевод Владимира Стафидова

ВЫШЛА КНИГА

Пространство созвучий. Стихи. // Сборник поэтической Мастерской имени Ю. М. Шестакова. / Руководитель Краснов Б. Н. // Издательство «Гамма», СПб., 2021. — 144 с.

Поэтическая Мастерская им. Ю. М. Шестакова, действующая при Санкт-Петербургском отделении Союза писателей России, имеет долгую и славную историю. В сборнике представлены стихи участников Мастерской за последние годы. Пространство созвучий — это то, что создает поэт в своем стихотворении. Пространство созвучий данного сборника — результат творческого труда более двадцати авторов, разных по возрасту, мировосприятию, манере письма, объединенных стремлением к высокому поэтическому мастерству.

Точка ЗРЕНИЯ

Валерий БАЙДИН

ИСТОКИ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ

О книге «Древнерусское
предхристианство»

Валерий Викторович Байдин — русский и французский культуролог, искусствовед, доктор славянской филологии, писатель, автор монографии «L'archanisme dans l'avantgarde russe. 1905—1945» (2006), романа «Сва» (2012), книг «Под бесконечным небом: образы мироздания в русском искусстве» (2018), «Древнерусское предхристианство» (2020) и др., нескольких поэтических сборников и пьес, а также более двух сотен научных статей и эссе о русской культуре — от архаики до современности. **Проживает во Франции и в России.**

Язык является главным и самым надежным хранителем древних смыслов. Русской цивилизации всегда была свойственна открытость, объяснимая сознанием собственной силы и величия. Родное слово оказывалось выше родства по крови. Древнерусский общинный *мир* принимал всех, кто приходил с миром, понимал язык, уважал веру и обычаи страны. *Другой* превращался в *друга*.

В русском сознании издревле существовала стойкая потребность в родстве — кровном, душевном и духовном. Об этом также свидетельствует язык. Мы называем «родной», «родным» землю, страну, край, улицу, город, школу, завод... Наши лучшие друзья нам *сродни* духовно. Мы любим *родные* просторы, нивы, леса, степи... На чужбине в нас остро отзываются *родное* слово, *родная* речь. Русский язык по своей природе — язык единства. Глагол «быть», в отличие от других европейских языков, словно соединяет всех в общем бытии: я *есть*, ты *есть*, мы *есть* и т. д. Жизнь основывается на сосуществовании с ближними и дальними, своими и чужими. Постигание *смысла* предполагает *со-мыслие*, установление общих истин, а не навязывание своего мнения.

В глубинах языка, который *свя-зывает (religare)* всех со всеми и все со всем, родилась древняя *религия слова*. Ее приверженцы, *славяне*, считали «живое», устное слово и родную речь божественным даром. Может быть, потому она сохранила поразительную цельность в необъятных временах и пространствах. Наш язык — живое наследие великой цивилизации. Он сравним по богатству и древности с древнеиндийским, древнеперсидским, древнегреческим, латынью, но в отличие от них до сих пор остается вполне по-

нятым. Русская цивилизация являлась словоцентричной. Ее носители наследовали лишь речь и веру — обходились самым насущным, хранили все свое достояние в памяти поколений. Необычайно стойкая и богатая устная словесность веками избегала письменности — мертвого слова. *Язык* был неотделим от народа, слово *язычество*, возникшее в церковной среде как перевод греческого *этникус* «народный», лишь подтверждало тождество *народ-язык*, всеобщую принадлежность к древнерусской *народной вере*.

Дохристианскую веру Руси привычно считают языческим многобожием. До сих пор искажена периодизация русской истории и культуры: место Средневековья занимает «древнерусский период», сразу переходящий в Новое время. Определение «древнерусская» (история, культура, литература, архитектура и др.) прилагается к явлениям, соответствующим христианскому средневековью Европы, а эпоха, предшествовавшая Крещению Руси, попросту исчезает из рассмотрения. Ober-прокурор святого Синода К. П. Победоносцев 28 июля 1888 года, в день празднования 900-летия Крещения Руси произнес слова, которые по сей день звучат словно приговор русской древности: «...из грубого, рассеянного языка славянского возникло великое государство, выросло народное сознание, собралась земля русская через Киев...».

Но все это произошло еще до принятия православия! Византийцы высокомерно называли славян «варварами», как впрочем и скандинавов, балтов, отчасти германцев. Древнерусское государство было официально признано греками лишь в 862 г., после учреждения Русской епархии, а «прозываются Русской землей» начало десятию годами ранее, о чем упоминает «Повесть временных лет». Верховную власть в Киеве утвердили в 882 г. Олег и иные новгородские князья. Несомненно, древнерусская культура существовала и до признания русской государственности могущественными соседями. Без принятия этой очевидности Владимирово Крещение окажется лишь благочестивой церковной легендой, станут необъяснимыми стремительное усвоение Русью православия, почти мгновенное появление первых русских книг, таких как Новгородский псалтырь, датируемый 1000-м годом, широкое распространение народной грамотности, о чем свидетельствуют «берестяные письма» XII и последующих веков. Духовное развитие жителей Руси на протяжении веков сопровождалось многократным «испытанием вер» — сравнением праотческих преданий с обрядами и верованиями соседей. При этом происходило знакомство не только с христианством, но и с монотеизмом караимов, иудеев, мусульман. Православие не было навязано народу княжеской властью, Русь свободно избрала новую веру, к принятию которой давно готовилась. Крещению огромной страны предшествовало ее многовековое «оглашение».

Многобожие древних жителей Руси — миссионерский миф. Известные из средневековых летописей «имена богов» являлись лишь величаниями единого свето-солнечного божества, подобно тому, как в христианстве к Богу относятся имена: Иисус, Христос, Господь, Творец, Спаситель, Вседержитель, Судия... Уже в предгосударственную эпоху древнерусские племена были носителями бесписьменной культуры особого типа. Ее основами являлись необычайно богатый язык, почитание светоподобного божества, «огненное погребение» умерших, солнечный календарь, годовые обряды и круглые святилища с надстроеными над ними деревянными храмами.

Уровень развития древнерусской цивилизации позволяют представить уцелевшие до начала XX столетия остатки дохристианской устной словесности (календарная поэзия, сказочные притчи, былинные предания, погребальные плачи), данные этнографии (крестьянские обряды, связанные с почитанием солнца) и археологии (фибулы, подвески и браслеты с архаической символикой), остатки городищ VI–X вв. на западе и севере древнерусского мира: Хотомельск, Зимно, Новотроицкое, Стольское, Любшанское и др.

Исследователь древнерусской культуры неизбежно сталкивается с «ощущением тупика» (В. Н. Топоров). К нему приводит крайняя скудость письменных источников и фрагментарность мифологии, недостаток археологических данных и пестрота этнографических материалов. Их необычайно трудно привести во взаимное соответствие. Немногочисленные культурные артефакты вряд ли смогут заполнить «белые пятна» на археологической карте древнерусского мира. Привязка «к земле и летописям» не дает возможности ухватить жизнь во всей ее полноте. Древнейшая история — эпоха возникновения цивилизационных архетипов. Их творцы обладали пророческим даром, меняли души людей, создавали мифы, предопределяли веру и судьбы народов.

После принятия православия основы русской культуры сохранились, обогатились новыми смыслами и пережили века: образ бесконечного сияющего пространства, представление о единстве мироздания, о всеобщем родстве, о непрестанном *кресении* небесного света и земной жизни. Забытое слово *крес*, утонувшее в глубинах языка, во многом объясняет силу народного духа, жизнестойкость, многократные «воскресения» Руси после смертельных испытаний. В родстве с ним слово *краса* — ключевое для древнерусской эстетики. По мнению крупнейших лингвистов (В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, С. М. Толстой) прилагательное *красный* хранит прямую связь с *кресением* — восстанием от болезни и смерти. Истинная *краса* в древнерусском понимании — красота возрождающая. *Красивое* хранит в себе жизнь, *красна девица* — это будущая мать. В знаменитой фразе Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир» проявилась его глубочайшая интуиция.

Древнерусская цивилизация до сих пор остается во многом неведомой и непонятой, удивляет парадоксами. Она оставила богатейшую устную словесность, но бедное археологическое наследие. Русское государство создавал народ, но всю его раннюю историю писали иноземцы, плохо знавшие язык, обычаи и верования славян. Древнерусское прошлое, бесспорно, повлияло на православие, которое в течение столетий упорно отвергало ненавистное и родное «язычество». Именно на его основе возникли наиболее самобытные творения русского Средневековья. Современной культурологии предстоит переосмыслить произвольные искусствоведческие термины: «луковичный» купол, «лемеховое» покрытие, «килевидные» закомары и др. Типологически этим костровидным формам соответствовала западноевропейская пламенеющая готика XIV–XV веков. Древнерусское наследие воплотилось в огромном пласте «народного православия», возвышенном символизме календарных обрядов, религиозных преданий и духовных песнопений, в неизвестных Византии восьмиконечном «русском кресте», многоглавых храмах с шатровыми навершиями, высоких иконостасах и особенностях иконографии. Глубоко укоренившийся в народном сознании образ златогорящего

купола стал важнейшим религиозным и культурным символом — образом «богохранимой вечной России».

Самобытность не всегда познается в сравнении. Русская история и культура сохраняли величие, даже оказываясь на краю гибели. Важнейшей опорой государства не раз оказывалась простонародная, гонимая глубинная вера. В ней воплощалась сила жизни, непобедимый русский дух. Иноземные нашествия рождали в ответ взрыв творчества и послевоенного созидания: Батью противостояли Рублев и Дионисий, Наполеону — Пушкин и Толстой, Гитлеру — Ахматова и Шолохов, Платонов и Шостакович. А вместе с ними — вся великая страна.

Судьбу любого народа, родство его поколений воплощают история и культура. За минувшую тысячу лет в прошлое России неоднократно «опрокидывалась политика», приводя к его отрицанию. Точку опоры искали в блистательной Византии, на руинах восточноправославного «греческого мира», в богатой и передовой Западной Европе. После принятия христианства под натиском ревнителей «чистого православия» произошло укорачивание истории. Однако русское священство, даже борясь с «пережитками прошлого», дало возможность народу «младенчествовать» во Христе, постепенно укрепляясь в церковном сознании.

Жесточайшими цивилизационными потрясениями явились навязанные стране Смута и религиозный Раскол XVII в., Революция и Гражданская война начала XX столетия, кровавые гонения на «староверов» и на так называемых «бывших». Можно понять, почему средневековые монахи, следуя за византийцами, слепо отвергали русскую *народную веру*, считали ее «эллинским беснованием», почему большевистские идеологи клеймили «буржуазное прошлое» и «средневековое варварство». Вызывает изумление нетерпимость, с которой деятели постсоветского религиозного возрождения продолжили обличать «дикость» Руси, которая лишь после Крещения была принята «в семью цивилизованных народов». Пора отказаться от предрассудков в отношении нашей древнейшей истории. До сих пор остаются верны горестные слова А. С. Пушкина, написанные в 1826 году: «Россия слишком мало известна русским».

Опора на главные силовые линии русской истории, на архетипы национальной культуры позволяет понять смысл настоящего и предвидеть будущее. Мешает этому не только недостаток знаний или идейная ненависть к прошлому, но и усталый отказ от памяти. В последние десятилетия в «постхристианской» западной культуре произошло вполне мирное саморазрушение, идеология которого воплотилась в постмодернистской концепции «мозаичной культуры». Предназначалась она, в первую очередь, для СМИ и предполагала предоставление обывателям, утратившим целостное знание, лишь той «культурной информации», которая приносит «удовлетворение». Ее создатель, Абраам Моль, еще в 1969 г. провозгласил в статье-манифесте «Социодинамика и политика культурной экипировки (*équipement culturel*) в урбанистском обществе»: не следует бороться с «мозаичной культурой», противоположной культуре «творческой и системной», напротив, нужно ускорить ее «ротацию», оторвать общество от прошлого и направить к будущему.

Идея «мозаичной культуры» была подхвачена на разных уровнях. В западных обществах был разрушен образ национальной культуры, ее цен-

ности заменили искусственно раздутые псевдоавангардные творения, подаваемые как нечто сверхновое, «выхваченное из будущего». Одновременно была создана «мозаичная история» каждой страны и всего мира. Память человека стала управляемой. Началось переформатирование личности, общества и народа. При жизни одного лишь поколения возник *homo numerabilis* «исчисляемый человек», «цифровой человек» — послушный материал для «обнуления» и «великой перезагрузки» человечества.

Преобразование истории и культуры в потребительскую «мозаику» было начато и в постсоветской России. Отдельные события, явления или произведения стали терять смысл, смешиваться, противоречить друг другу, всплывать из небытия и кануть в лету. Появились многочисленные «новые прочтения» и «альтернативные истории» страны. Политтехнологи и СМИ готовили особые «информационные наборы» для подростков и стариков, консерваторов и либералов, интеллектуалов и обывателей. В обществе возник глубокий понятийный и ценностный кризис, его последствия способны перечеркнуть будущее страны.

В современной России ощущим огромный запрос на внятное национальное прошлое, на Большую историю. В отношении к истокам русской цивилизации существуют две крайности. Первая связана с научной косностью, основанной на культе «проверенных» источников, при отсутствии которых изучение древности будто бы теряет смысл. Вторая является реакцией на затянувшееся молчание академической науки. Современные неоязычники создают агрессивные мифы об «арийской», «эзотерической» религии славян и упорно противопоставляют ее православию. Разумеется, любое обобщающее высказывание может привести к ошибке: «безошибочно» лишь погружение во все более мелкие частности. Можно сколь угодно долго спорить о достоверности письменных и археологических данных, заниматься атрибуцией и классификацией. Древнейшая русская культура так и останется провалом в национальном самосознании, если ее изучение не приведет к постижению целого. Оно требует «предпонимания» — предельного погружения в эпоху, выявления и осмысления важнейших культурных символов и архетипов. Исследования такого рода следует отнести к «*инонаучной*» форме знания, имеющей свои законы и критерии точности» (С. С. Аверинцев).

Давно назрели междисциплинарные исследования по программе «Истоки русской цивилизации». Продолжая поиск новых источников, следует включить в него, наряду с обычными полевыми исследованиями, «экспедиции» археологов, этнографов, фольклористов, историков искусства в запасники крупнейших отечественных музеев: Исторического, Русского, музеев Московского кремля и других. Их богатейшие недра давно превратились в своеобразные «спецхраны». Из-за недостатка средств многие сокровища России до сих пор попросту не учтены — существуют в небытии и десятилетиями остаются недоступны сторонним исследователям.

Моя книга «Древнерусское предхристианство» не содержит бесспорных ответов, рождает множество вопросов. Именно такую, предварительную задачу ставил перед собою автор. Русская древность исследуется в широчайшем охвате — от доисторической эпохи до конца Средневековья. Лишь опираясь на все свое прошлое, вбирая в себя все лучшее из наследия народов России, русская история и культура обретут внутреннюю цельность и станут *родными* для всех жителей нашей великой страны.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

**«О ВЕЧНОСТИ
МЫСЛЯ...»,
ИЛИ
ВОЗМОЖНОСТЬ
БЕСКОНЕЧНОСТИ**

*Отражение
неограниченной реальности
в поэзии Андрея Реброва*

К 60-летию поэта

*...не должно быть сокрыто от вас,
возлюбленные,
что у Господа один день,
как тысяча лет,
и тысяча лет, как один день.*

2 Петра 3:8

*...бесконечность всегда
в возможности,
а не в действительности.*

Аристотель «Метафизика»

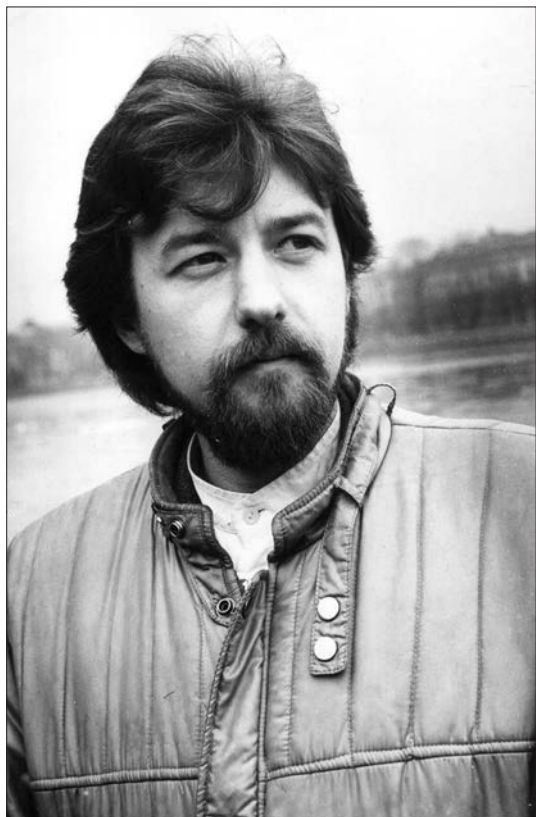
Поэтический талант — дар исключительный, понимаемый людьми как божественная благодать, особенная способность личности. Но для проявления и развития творческого дара необходим отклик от самого человека — свободное принятие этой Божией милости и усилие собственной воли, направленной к соработничеству с Творцом. Щедрость Господа безмерна, от вместимости человеческой души зависит, сколько человек может принять Божиих щедрот. Современный петербургский поэт Андрей Ребров обладает боголюбивой душой, приобщенной к духовному бытию через крещение, исполненной благодати через воцерковление. Его творчество направлено на познание сокровенного и невидимого, бесконечное и вневременное он постигает через образы реального мир или, как

Валентина Валентиновна Ефимовская (Станкевич) — потомственный житель Санкт-Петербурга, поэт, литературный критик, член Союза писателей России, советник РАЕН, секретарь СП России, зам. гл. редактора журнала «Родная Ладога». Является автором пяти книг стихов, текстов к альбомам живописи, сборника статей о современной литературе и др. Имеет премии «Прохоровское поле», им. Н. Гумилева, «Имперская культура», награждена Серебряным Витязем конкурса «Золотой Витязь» и многие награды, в том числе, орден св. Великомученицы Анастасии Узорешительницы к 400-летию Дома Романовых, медаль РПЦ «В память 200-летия победы в войне 1812 года» за подписью Патриарха всея Руси Кирилла. **Живет в Санкт-Петербурге.**

говорили Отцы Церкви, — исходя «из Троицы в себе». И этому есть основание.

Так рассказывает Андрей Ребров о своем жизненном пути и о становлении как поэта. «Родился я в 1961 г. в семье рабочих, потомственных петербуржцев-ленинградцев, детство прошло близ Николо-Богоявленского собора, в котором перед призывом в армию осознанно принял таинство крещения. Учился в вечерней школе, работая в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, на почте и т. д. После возвращения из армии работал в Экспериментальном вычислительном центре, также машинистом-кочегаром в котельной, что позволяло посещать несколько литературных объединений и писать стихи. Первая книга “Крылица” вышла в 1991 году».

В свой юбилейный год Андрей Ребров оглядывается на основные вехи духовного становления: «В разные годы я совершал паломничества по святым местам России: жил на Валааме, в Дивеево, Задонске, Оптиной пустыне, в Псково-Печерском монастыре. Несколько лет принимал участие в поездках писателей и ученых, организованных поэтом Ю. Шестаковым, по памятным местам, к литературным духовным и воинским святыням России — на Куликово поле, на Бородино, на Прохоровское поле и др.». Прикосновение к истории Руси-России, общение с монашествующими помогло поэту в творчестве, направленном на восстановление прерванной в богоборческие времена связи с традицией русской классической литературы, стоявшей на фундаменте православного мировоззрения. Географическое и историческое расширение горизонтов Отечества способствовало продвижению по пути поиска смысла бытия и воцерковлению. «Путь субъективного самоутверждения в творчестве, — считает Андрей Ребров, — ведет в духовное небытие, становится базисом “искусства ради искусства”. А это может быть чревато оскудением мыслеобразов и истощением их энергетической наполненности». «Смысл творчества, — убежден поэт, — в служении Господу силой собственного поэтического дарования»¹. Благоприятно на духовное развитие поэта повлияли встречи с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым), по его благословию в 90-е в Санкт-

Андрей Ребров, 1996 г.

¹ Из «Автобиографии» для Энциклопедического словаря «Литературный Санкт-Петербург. XX век». Ред. О. В. Богданова. 2015.

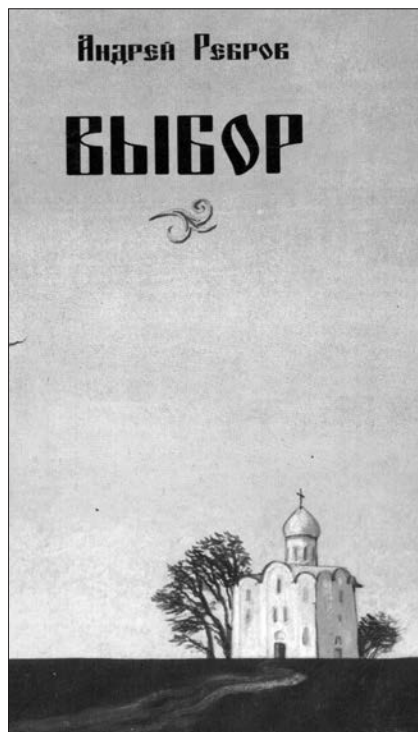
Петербурге было создано «Православное общество писателей», которое возглавил выдающийся писатель Николай Коняев, а ответственным секретарем был избран поэт Андрей Ребров. Некоторые его стихи, как образец современной духовной поэзии, цитировал в своей книге знаменитый русский композитор Валерий Гаврилин. Особенно отмечал эти строки:

*Бородино листа,
Свеча горит,
а выше —
Три сомкнутых перста, —
Так крестятся
и пишут.*

Запоминающееся маленькое стихотворение не только отражает мировоззрение поэта, но дает понимание самой жизни, как явления, как промыслительного понятия. Хотя существует много определений человеческой жизни, сходных и противоречивых, в приведенных поэтических строках содержатся главные ее характеристики: напряженное духовное сражение — «Бородино листа»; жертва — горящая свеча; трехперстное крестное знамение — молитва-обращение к Иисусу Христу, с исповедованием веры в Него как в Сына Божия, или предстояние — покаяние. Все это нематериальные, духовные понятия, которые, кажется, невозможно выразить образами зримого мира, однако можно передать поэтическим словом. Слово, имея божественную природу, имеет способность животворить, связью слова и образа может выражаться бесконечное разнообразие и богатство жизни, свидетельствующее о сложной структуре Мироздания, которую интуитивно чувствует и убедительно изображает поэт Андрей Ребров.

*Разверсты двери в церкви запустелой —
Прообраз запечатанных времен.
Лишь зимний вихрь, поземкой то и дело
Кадя во тьме у храмовых икон,
Порой тепло доносит из придела
Страстной Андрея Критского канон.
Там, в алтаре, морозной звездной сканью
Мерцают — утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мирозданья,
Творяют канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховной мглы.
И паки, паки будут дни светлы,
Светлы, как Рождество в ночной пещере,
Длинные, как путь несения Креста...
И, может, в срок Пришествия Христа,
Когда времен свершится полнота,
Той церкви распечатанные двери
Преобразятся в Райские Врата.*

Сложной взаимосвязанной системой реальных образов поэт проявляет мир невидимый, божественный. Зная труды Отцов Церкви, понимая смыслы

богословия, Андрей Ребров, показывая отношения в тварном мире, наполненном божественными энергиями, не касается Божественного образа. Руководствуясь мыслью преп. Максима Исповедника, который говорил: «Бог — един, безначален, непостижим и обладает всей силой целокупного бытия; Он совершенно исключает всякую мысль о времени и образе существования бытия, поскольку недоступен для всех сущих и не познается ни одним из сущих через Свою естественную проявленность»¹, поэт только указывает на Божие бытие, передает собственное его ощущение и личное переживание. Сообразуя кажение с метельной поземкой, определяя эталонную насыщенность истинного света степенью его яркости в ночной пещере Рождества, овеществляя его глубиной душевного покаянья, уширяя храмовое пространство космическими далями, поэт показывает возможность и необходимость расширения человеческого бытия в тварном мире.

При этом он не ставит задачу отыскания и изображения новой, по личному усмотрению оригинальной модели мира, как сейчас модно. Для него — Богоцентричная — она исконна и единственна. Поэт верит, что большинство людей думает так же, поэтому усложняет задачу — надеется убедить нас в том, что человек рождается не для смерти, а для жизни вечной, что существует путь из времени к вневременному бытию. Исходя из собственной веры, основываясь на личном жизненном опыте, он чутко, с Божиим страхом, размышляет о Вечности, которую пишет с большой буквы, понимая ее как независимое от времени свойство Божественной сущности.

¹ *Максим Исповедник, прп.* Главы о богословии и Домостроительстве воплощения Сына Божия. http://www.odinblago.ru/sv_otci/tvorenia/2/ (дата обращения 22.04.2021).

*Месяц речной — все взрослее и строже...
Вет бессмертьем от звездной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой —
Свежие звезды — как чьи-то следы.
Время течет... Но, о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка —
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность — близка...*

Имея фактический опыт ощущения гравитации, следствием которой, как доказывает физика, может быть искривление пространства-времени, поэт учитывает эту гипотезу в своем поэтическом мире, предполагая, что с течением и вследствие искривления времени возможно его возвращение. Для исследования и выявления истины математики используют формулы, поэт Андрей Ребров в своих исканиях оперирует простыми, родными каждому человеку образами: воды, реки, звездной ночи, лунной дорожки. Но не просто называет их, а показывает в сложных взаимоотношениях, в сопряжении миров видимых и невидимых, в нераздельном единстве настоящего, прошлого и будущего. Здесь вода восходит в небеса, здесь река углублена высью, а месяц нисходит в воду реки. И во всем этом не усомнишься, все это правда жизни, все гармонично и выверено, как в математической формуле.

Действительно, у Андрея Реброва в сложном поэтическом отображении реального мира ощущается благозвучие, математическая соразмерность. Для того чтобы показать особенности его поэтического бытия, можно использовать математические аналогии. Об этой стороне своего творчества поэт, вероятно, не размышляет, но интуитивно закладывает в систему своих доказательств законы мировой гармонии. Интуиция в творчестве, как и в науке, имеет большое значение, являясь чувственным способом постижения истины, не требующим обширного опыта или строгих логических рассуждений. Эта некая необходимая данность бытия. Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Владимир Николаевич Катасонов, доктор философских наук, математик по первому образованию, говорит: «Никакое доказательство в математике невозможно без интуиции: математик сначала видит картинку, а потом уже формулирует доказательство»¹. То же можно сказать и о процессе поэтического творчества. Андрей Ребров не претендует на глубокое знание физических законов, но он их чувствует, ощущает существование взаимосвязанных, иерархических миров, видит образы, отражающие другую реальность.

*Глядится высь в разлившееся Неве,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.
И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.*

¹ Цит. по: *Кирьянов Дмитрий, иерей*. Исповедание великого логика. <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1249> (дата обращения 19.04.21).

*И чудится,
что яблоки на водах,
В скопленье,
сочетаются в века.
И те века плывут,
плывут...
И встречно
Течет им
жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.*

Совокупностью разных множеств (сады, яблоки, века), находящихся в разнонаправленном, попутном или встречном движении развития, формируется, как в математике, объединенное множество. По представлению математика Георга Кантора множество — есть «собрание целиком объектов действительности или нашей мысли»¹. Основываясь на собственном опыте познания действительности, мы верим поэту. Но как можно поверить его парадоксальной мысли, как могут быть «наводнены безбрежностью сады», как яблоки «сочетаются в века»? На обыденном уровне кажется невозможным поэту донести ясные ему понятия до наших чувства, передать собственными умственными доводами ощущение красоты, гармонии, веры. Но интуитивными ощущениями, средствами поэтического языка, совокупными усилиями поэта и слушателя, вероятно, можно добиться того, что читатель увидит «путь несения креста», поймет, как может быть одновременным то, что церковь

*К покаянью отверзла нам двери,
Затворилась в молитву и пост...*

согласится с возможностью того, что

*...сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.*

Для прояснения своей веры в существование актуальной бесконечности, в несомненном стремлении к жизни вечной поэт прибегает к реальностям иных, высших порядков и, кажется, своими поэтическими средствами подтверждает правильность представлений о взаимосвязях в мире, выявленных австрийским математиком Куртом Гёделем, который своими теоремами доказал, что причины большинства явлений не принадлежат этому миру. Знаменитая его теорема говорит, что формальные системы обладают неполнотой, то есть в каждой из них есть некие исходные посыпки, которые, в отличие от ряда других, невозможно доказать. Гёдель показал это на

¹ Цит. по: У интуиции есть своя логика. *Гедель*. Теорема о неполноте. Де Агостини. 2015. С. 30.

примере арифметики, где существуют истинные закономерности, которые невозможно доказать законами самой арифметики, то есть она обладает неполнотой. Здесь тщетно выстраивать цепочки различных доказательств внутри самой системы, требуются внешние дополнения из систем более высоких порядков сложности. Так формируется бесконечность, свидетельствующая, по мнению ученого, о божественной природе мира. Гёдель писал: «Я убежден в посмертном существовании, независимо от теологии. Если мир является разумно сконструированным, тогда должно быть посмертное существование»¹. Другими словами о том же говорит и поэт Андрей Ребров:

*Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало свечи.
И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,
Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.
И я, как в вещем полузабытии,
Глазами внуков зрю в глаза свои,
Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.*

В пространстве своего сердца поэту удается совместить различные времена. В «необозримом зеркале времен» он не просто видит свой род, но, задавшись целью определить личную духовно-нравственную ценность, выносит на суд каждого бывшего и будущего члена этого бесконечного ряда свою жизнь. Привнося в нее элементы из высших миров, в которых ныне существует его родня, он определяет значимость своего существования пополнением из этого бесконечного ряда, находящегося во времени и вне времени. Такое видение имеет богословское основание: «не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петра 3:8).

Так поясняет современный богослов митрополит Константин (Горянов) сущность времени. «Возлюбленный ученик Христов Иоанн Богослов, находясь в ссылке на острове Патмос, удостоился видения о конце времен, и эти видения были и во времени и вне времени. Он записал их в своей великой книге Апокалипсис или Откровение. Почему записи носят и временной и вневременной характер? Как это понимать? Это для нас, людей, жителей планеты Земля, время условно делится на прошедшее время, которое нам уже не принадлежит, наше настоящее, о котором говорится, что “есть только миг между прошлым и будущими”, этот миг и называется жизнь, и есть будущее время, которое нам еще не принадлежит. А Бог вечен, то есть Он владеет всеми временами и пространством, будучи Сам вне времени и пространства, которые Ему принадлежат»².

¹ Цит. по: *Кирьянов Дмитрий, иерей*. Исповедание великого логика. <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1249> (дата обращения 19.04.21).

² *Константин (Горянов), митрополит*. Проповедь в день Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Александров-Невский кафедральный собор, г. Петрозаводск, 7 февраля 2021 г.

*Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.
В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,
Где, до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...
И голубь реял крестомосно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.*

Через обычные вещи талантливому человеку могут открыться многие тайны мира: трудным служением муравья, ярким цветением трав, пряным веянием иссопа говорит с поэтом Вечность. Но не ради поэта она проявляет себя, а для просвещения других людей, чутких к поэтическому слову, способному показать жизнь в ее духовных законах. Так отчасти их сформулировал преп. Иустин (Попович): «Люди осудили Бога на смерть; своим воскресением Он их осуждает на бессмертие. За удар он воздает объятиями, за оскорбление — благословением, за смерть — бессмертием. Никогда люди не являли себя более ненавидящими Бога, чем тогда, когда распяли Его; и никогда Бог не показывал большей любви к людям, чем тогда, когда воскрес»¹.

Пасхальная тема — тема милосердной любви — стержневая в творчестве Андрея Реброва. «Христос Воскресе!» — это не только пасхальный возглас, это суть нашей жизни, это свидетельство нашей богочеловеческой природы, требующей предстояния перед Вечностью, осмысленного пути и перспективы бессмертия.

*К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжелый:
Все ближе звездные миры
И неоглядней доли.
И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры — чтоб дойти,
Дожить до перевала.
Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...*

¹ *Иустин (Попович), преп.* Философские пропасти. Изд. совет РПЦ. М., 2005. С. 142.

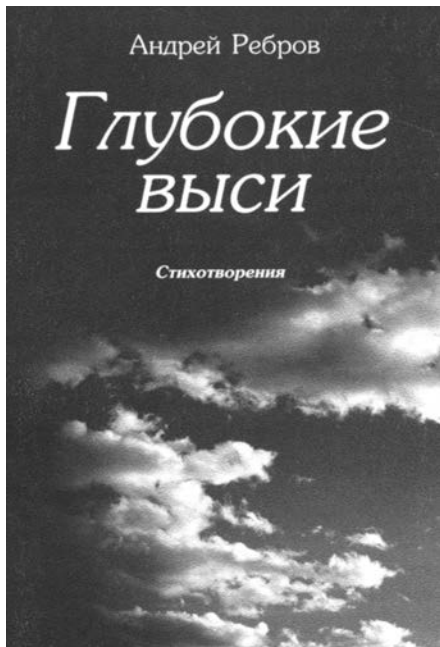
*Но, здесь в предоблачной тиши,
На гулком перевале
Вдруг ощущается легко:
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь — вечна...*

Легко в это поверить, но понять сложно. Сложна и поэзия Андрея Реброва, причину чего можно изъяснить словами французского социолога Эдгара Морена: «Для меня сложность — это задача, а не ответ»¹. Сложен и образно-лингвистический строй поэзии Андрея Реброва. Его красочный, узнаваемый поэтический язык содержит архаичные словосочетания, церковно-славянские обороты, но в той необходимой пропорции, которая не отяжеляет поэтическую речь. Наоборот, в таком симбиозе появляется новизна, облагороженная традицией. Такая речь позволяет описать обширный спектр поставленных автором вопросов разной степени сложности. Так, в частности, передать высокую надбытийную красоту такой сложной духовной личности, как богослов митрополит Константин (Горянов), в посвященном ему стихотворении.

*Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже,
Вековой тропой и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.
...Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.
А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.
Шел монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.*

Доктор философских наук, профессор А. Казин щедро оценивает значение поэзии Андрея Реброва. «Высокая поэзия всегда соседствует в нашем

¹ Цит. по: *Джужетте Дель Ре*. Космический танец. Христианская Россия. 2006. С. 60.

мире с болью и верой — так и должно быть, особенно в России, где радость-страдание существования является онтологической ценой за очищение души. В замысле мирового Художника Россия есть болевая — и именно поэтому благодатная — точка бытия. Хорошо, что в наше апокалипсическое, по многим признакам, время еще находятся люди, готовые принять в свое писательское (словесное) дело — свет с Востока и нести его дальше... Таков поэт Андрей Ребров»¹.

Душе, проникнутой божественными энергиями, исполненной любви к Творцу и Его творению, дано не только верить в существование божественной реальности, но и осознать собственное место в Мире, оценивать соответствие своей текущей жизни с Божиим замыслом о ней и о человеке вообще. Андрею Реброву во многом это удается делать средствами поэзия, которая отражая в полноте нашу действительность, с ее божественной красотой и адским уродством, мелодичной гармонией и хаосом диссонансов, показывает, что все сложности земной жизни претерпеваются и оправдываются Богоощущением и тем, что «все роскошные бесконечности Божии воспринимаются как свои»².

¹ Казин А. Л. Совмещение времен // Ребров А. Б. Зоркая свеча. Избранные стихи. СПб.: Родная Ладога. 2013. С. 238.

² Иустин (Попович), преп. Философские пропасти. Изд. совет РПЦ. М., 2005. С. 129.

ПОЭЗИЯ

Андрей РЕБРОВ

«В НЕОБОЗРИМОМ ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕН»

Стихотворения разных лет

К 60-летию со дня рождения

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действ. член ИШПО. Лауреат всероссийских лит. премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и гос. награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Иссяк закат. И ночь черна, как пашня.
Пишу, пишу... пашу лист белый я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней, объятай позолотой
Небесных нив, легко бы вы прочли
Хотя б щепотку строчек, где от пота
И слез моих — искрится соль земли.

* * *

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы,
И забрезжались в ясной дали
Столь привычные взору березы —
Златокрылые светлы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страхась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

* * *

Поветшала скитская дубрава,
Понищала одеждами народ.
Лишь церковей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их ты спешишь.
Века и природы увяданье —
Время для спасения души.

* * *

Никольский собор закружил куполами.
И чудится в каждом витке листопада,
Что осени русской кленовое пламя
Бушует в ветвях Гефсиманского сада.

Да будет по вере твоей! И не сетуй,
Да было ли то, и на самом ли деле
Мгновенье тому на промокших газетах
Библейские ангелы тихо сидели.

Есть в осени невосковой такие мгновенья,
Когда этот город кружит в небесах,
И разных времен и пространств совмещенье
Свершается прямо на наших глазах.

* * *

Засыпал стекла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется порою.
И растворяю в поле я окно, —
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.
Так я, порою, Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

НА РЕКЕ

На левом берегу — туман густой.
А правый берег — дальний и крутой;
Направлю челн — туда, где с высотой
Ночных небес, запомненных водой, —
Слились уже светяющиеся дали...
И может, в не вечерней жизни той,
Когда-нибудь, к Безбрежности причалю...

* * *

Месяц речной — все взрослее и строже...
Веет бессмертьем от звездной воды.

Юность ушла... И за лунной дорожкой —
Свежие звезды — как чьи-то следы.

Время течет... Но, о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка —
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность — близка...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся Неву,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.
И чудится,
что яблоки на водах,

В скопление,
сочетаются в века.

И те века плывут,
плывут...

И встречно

Течет им
жизнь грядущая моя.

И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

* * *

Вот снова чьи-то дети вдалеке,
Так по-библейски, плещутся в реке,
И голышом, на свежем ветерке,
Простосердечно бродят по мыску.

А время, уподобившись песку,
Заносит их следы на бережку.

И человек, похожий на Луку,

Им что-то пишет тростью на песке...

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛЬВЫ

Я иду по мостам между каменных львов,
Что дружны мне с моих первых детских шагов,
Что под снегом сейчас, как в берлогах, сонливо
Сторожат Петербург, словно — в древности — Фивы.
И, наверное, снится завьюженным львам
О песчаных сугробах, подобных векам.

* * *

Разверсты двери в церкви запустелой —
Прообраз запечатанных времен.
Лишь зимний вихрь, поземкой то и дело
Кадя во тьме у храмовых икон,
Порой тепло доносит из придела
Страстной Андрея Критского канон.

Там, в алтаре, морозной звездной сканью
Мерцают — утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мироздания,

Творят канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховной мглы.
И паки, паки будут дни светлы,

Светлы, как Рождество в ночной пещере,
Длинны, как путь несения Креста...
И может, в срок Пришествия Христа,
Когда времен свершится полнота,
Той церкви распечатанные двери
Преобразятся в Райские Врата.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути темный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озер,

Словно знаками звездного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звездно брезжались дали веков.

СВЯТОЧНОЕ

Блекнет день,
Исполняясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере яблоневых веток
Созревает новая луна.

На дворе — мороз, но временами
Чудится, что в заоконной мгле
Сладко пахнут горными садами
Яблоки, не собранные нами, —
Маленькие луны на земле.

У РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ

Моему сыну Арсению

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры —
Не просто полые шары, —
А населенные планеты.

Там детских грез чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных —
В неугасимые светила
Невинно преображены.

И как сгущенный — до сверканья,
Овеществленный в форму свет —
Шпиль — над еловым мирозданьем —
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред елкою, в сторонке —
Весь в чистых, радужных слезах —
Лик обомлевшего ребенка,
Его нездешние глаза.

* * *

Рождественским снегом покрыты соборы.
И солнце играет в родных небесах.
И кажется, будто в глубоких затворах
Печерские старцы творят чудеса.

И вдруг, встрепенувшись от первого звона,
Мохнатые шапки роняют на лед
Сединами зим убеленные кроны,
Сединами лет убеленный народ.

Метали поклоны белицы-березы,
Склонялись и ветви, и сотни голов,
И чудилось мне: отступили морозы,
И душу согрела молитвенность слов. —

То в храме тропарь гулко братия пела,
И отзвук его долетал из леска.
Снегами и елями пахло в приделах,
Свечами и ладаном пахли снега.

А звоны летели над долгим простором,
Пушистым и белым, как Божий убрus.
И вторили им и сердца, и соборы,
И шапки роняла притихшая Русь.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

Митрополиту Константину (Горянову)

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже,
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.

Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только, вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ЛЕРМОНТОВ

Бородино листа,
Свеча горит,
а выше —

Три сомкнутых перста, —
Так крестятся
и пишут.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжелый:
Все ближе звездные миры
И неоглядней доли.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры — чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но здесь, в предоблачной тиши,
На гулком перевале

Вдруг ощущается легко:
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь — вечно...

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.

И я, как в вещем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.

ЛЮБОВЬ

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке —
И увидишь огонек
В дальнем-далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

* * *

Застив маковками звезды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух, —
Аж от выси до земли, —

Словно им, как сущим клеєм,
С дней Творения до нас,

Та цветущая аллея
С высью звездной скреплена.

Видно, нам со дня рожденья,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

**Архимандрит ЕЛЕАЗАР
(Иванов) (1936–2011)**

ВОЗСИЯВШУ СОЛНЦУ

Елеазар (Иванов) (1936–2011), архимандрит, духовник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. В миру Анатолий Сергеевич Иванов, родился в 1936 г. в г. Бологое Тверской обл. В 1964 г. окончил Ленинградскую Духовную академию с присвоением степени кандидата богословия. В 1965 г. рукоположен в сан священника, затем, в 1974 г., возведен в сан игумена. В 1980 г. возведен в сан архимандрита. С 2003 г. зачислен в число насельников Александро-Невской Лавры. С 2004 г. был духовником лавры. Скончался 10 марта 2011 г. на 75 году жизни после продолжительной болезни. Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Первыми сообщением о Воскресении Господа услышали от ангелов жены-мироносицы. «Христос Воскресе!» — благовествовали плачущим и рыдающим апостолам, которые стали приветствовать друг друга, спеша поделиться общей радостью.

«Христос Воскресе!» — пронеслось по всем концам земли. Церковь повторяет это восклицание повсюду, доставляя благодатные утешения. Воссияло от гроба Солнце Правды, совершилось величайшее чудо мировой истории, которое перевернуло и преобразило жизнь человечества. Простые рыбаки, став свидетелями Воскресения, с помощью Святого Духа совершили великое дело — уловили Вселенную. Потомок знатной фарисейской семьи из Тарса, ревностный преследователь христиан по пути в Дамаск становится распространителем благой вести о силе Воскресения Христова. Будучи учителем в Израиле, гонителем Христа, Павел, может быть, продвинулся бы к власти, богатству и славе, но был с гонимыми и был гонимым.

Апостол Павел, как и все ученики Господа, завершил жизнь мученической смертью. По повелению Нерона, сумасшедшего тирана, ему отрубили голову. Спустя несколько месяцев, убийца сам погиб позорной смертью.

Воскресение Христа является историческим событием, которое нельзя обойти, отвергнуть, уничтожить. За двадцать столетий яростных атак никто не смог опровергнуть радостной вести. Были попытки переименовать день недели, хотели сделать пятидневку, но не получилось. Тогда надо было бы иначе называть и день после недели, и второй день, и середину недели... Во многих странах до сих пор неделя начинается с Воскресения.

Воскресение Спасителя преображает человека, меняет образ жизни и мысли. Преображение произошло и с некоторыми непосредственными учениками Христа. Иаков, брат Господа, до Воскресения с недоверием относился к тому, чему учил Христос. После Воскресения он вместе с другими учениками становится проповедником. В его посланиях хорошо описано новое отношение ко Христу. Он говорит, что стал рабом Бога и Господа Иисуса Христа.

Неверие Фомы вызвано убеждением, что со смертью Учителя настал конец Царству Христа. «Пойдем, чтобы мы могли умереть с Ним». Апостол Фома не имел никаких надежд на Воскресение. Никто не станет предлагать умереть с другим, если думает через несколько часов увидеть его живым. Фома потерял веру, основанную на разуме, потерял надежду на Иисуса. Однако Христос является ему, и Фома произносит: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28). Убедившись, что Христос восстал из могилы, Фома полностью переменяется и принял мученическую смерть.

Ученики в день распятия были печальны, а в первый день недели ликовали. Во время распятия не было надежд, а по Воскресении апостолы полны уверенности. Столько перемен за короткий срок.

Простое исчезновение тела из гробницы не могло изменить духа и характера человека. За три дня невозможно создать «легенду», которая так сильно повлияла на людей.

В последующие времена и до сего дня Воскресение Господа потрясает многих, совершая коренные перемены. Наши предки, русские люди, водимые глубокой убежденностью в факте Воскресения Господа и Учителя, совершали паломничества к месту погребения и воскресения Христа, шли пешком в святой град Иерусалим для поклонения гробу Спасителя, камню, который ангел отвалил от дверей гроба, другим святыням.

Бытует мнение, что европейцы умеют смеяться, но не умеют радоваться. В Иерусалиме Патриарх поет: «Да воскреснет Бог», «Христос анести», — поют греки, «Христос воскресе», — вторят русские. Гроб превращается в рай, место страданий — в источник радости. Радость восточных людей без смеха возвышенная, духовная.

Присутствующие в храме отмечают, что в это время неважное пение, невыразительное лицо — все представляется красивым. Радость Воскресения все меняет и преображает.

В Воскресении заложено доказательство, что Иисус Христос является Сыном Божиим. Апостолы в основу проповеди заключали факт Восстания Господа из гроба. Они говорили об этом не только потому, что гроб был обнаружен пустым на третий день, но и потому, что Спаситель в течение сорока дней являлся многим. И сейчас Он является, чтобы освободить человека от пагубных наклонностей, победить власть греха. Когда человек открывает себя Христу, происходит коренная духовная перемена, «рождение свыше» (Ин. 3, 3), рождение от Бога. Характер и желания быстро меняются, Бог «падшим подает Воскресение». Поднимало и восстанавливало соответствующее настроение в людях паломничество в Палестину. С грузом за плечами по пыльной дороге, которая была далеко не гладкая, при невыносимой жаре они несли в святую Землю все лучшее, жертвовали для храмов и монастырей.

До сих пор в Иерусалиме всюду большие образы в дорогих ризах, церковная утварь, доставленные из России. Некоторые богатые люди покупали землю, строили здесь для себя жилища.

Архивы в Палестине строго охраняются, доступ к ним невозможен, потому что при изучении документов можно выявить, что порядочные участки земли являются исторически русскими.

И вот благочестивые паломники из России, утомленные жаждой и тяжелой дорогой, издалека, еще в дымке, увидев сияющий крест на храме Воскресения Христа, восклицали: «Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному, Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твое поем и славим...»

Пели, славили и сложили гимн, который Православная Церковь сохранила и поет за богослужением до сих пор. В греческих чинопоследованиях его нет. На протяжении всей истории русские воздавали хвалу Воскресшему. Композиторы, художники, поэты — все представители искусства касались темы Воскресения Христа из мертвых. М. И. Глинка оставил прекрасное произведение под названием «Светлый Праздник». Оно проникнуто мелодиями стихиры «Да воскреснет Бог» и тропаря «Христос Воскресе».

Прославляя Воскресшего Господа, люди совершали подвиг, отказывались от прихотей плоти, вредных привычек, воздерживались, ограничивали себя постоянно. Все это обновляло их, производило перемену. Господь «падшим подавал Воскресение», и они, очистив чувства, духовными глазами видели Спасителя.

Достигнув Храма Воскресения, паломники поклонялись святыням, получали Благодать и преobraженные возвращались домой и горением своим зажигали многие сердца. Происходила непрерывная передача Благодати от места Воскресения во все уголки земли. Свет Христова Восстания до сих пор преображает, обновляет и направляет всех, желающих быть с Господом.

«Возведи окрест очи Твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословляющия Христа во веки». «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия». Новый Иерусалим, Церковь Божия, достойно красуется и ликует, потому что слава Воскресения сияет над ней, и люди с разных концов приходят, чтобы просветиться и подняться духовно.

«Просветишася всяческая Воскресением Твоим, Господи, и рай паки отверзся, вся же тварь, восхваляюще Тя, песнь Тебе всегда приносит».

Русская история знает попытки приглушить эту хвалу. Если представить себя вместе с апостолами у Голгофы, то мы истолковали бы Распятие как трагедию. Если были бы вместе с женами-мироносицами, пришедшими в то воскресное утро, «возсиявшу Солнцу» к могиле и увидели, что она пуста, решили бы, как и они, что дальнейшие несчастья обрушились на нас и кто-то украл Тело Спасителя.

Но через 2000 лет мы все видим иначе, не как несчастье, а как триумф Христа, Его победу. Триумфальное шествие Господа продолжается, и мы являемся свидетелями этого. Никакие силы не могут остановить движения. Пасха в Советском Союзе была запрещена. Известен случай, когда внук спросил у бабушки о значении букв «Х. В.». Старушка сквозь зубы торопливо ответила: «Хозяйство возрождается!».

На деле, оно оставалось в незавидном состоянии, а светлый Праздник продолжался. Роскошно он отмечался и в Петербурге до 1917 года.

*Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и Мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.
Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно веселою Пасхой,
Что вокруг колокольню гудела.*

*И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленную пахло доскою.
Из-за вымытых к Празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты,
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.
Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы подколовиши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и калоши.
Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеть,
«Деловая» отныне серьезность.
Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!*

Так поэт Игорь Северянин представлял светлый Праздник в тогдашнем городе на Неве. Несмотря ни на что, Россия отмечала Пасху. Более 70-ти лет огромная машина безбожия двигалась на Православную Церковь. Делались попытки уничтожить из памяти людей мысль о Воскресении Христа. Организовывались «коммунистические» субботники, чтобы усталые люди не шли на ночное Пасхальное богослужение. Для молодежи устраивались вечерние развлекательные мероприятия. У входа в храм стояла милиция, отпугивая школьников. В небольших городах учителя высматривали и стыдили учеников за посещение храма на Пасху, занижали оценки.

Были и «воинствующие безбожники», которые организовывали беспорядки. В Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры часто присутствовали за богослужением православные из Финляндии, располагаясь на левом клиросе. В 1967 г. во время Пасхального Крестного Хода вокруг собора брошенный камень попал в Запрестольный Крест, который нес китор Покровской общины в Хельсинки. Произошел неприятный резонанс, не украшавший некогда культурный город.

Тем не менее, триумфальное шествие Воскресшего продолжалось и продолжается, что удивляет многих. Был однажды диалог артиста театра со священником. Первый говорил, что участвует в различных пьесах и старается добиться больших успехов на вертящейся сцене, а зрителей не так много, как на Пасху в соборах. В церквах одна и та же «пьеса», нет особого убранства, одинаковая на все случаи «сцена», а народа очень много и все стоит по несколько часов. Что сделать, чтобы нечто подобное было в театре? Священник ответил, что пусть директор театра попробует отделиться от государства.

Артист отличается от священника тем, что он играет, а священник живет, живет идеалами Воскресшего Христа. На эту тему говорил проповедь митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков), уроженец северной столицы.

Обещавший через двадцать лет построить коммунизм Н. Хрущев отмечал, что все идет по плану, но вот проблема с верующими христианами остается неразрешенной. Ему советовали в храмах повесить свой портрет, и тогда никто не пойдет молиться.

Эти и другие лирические отступления можно позволить себе в эти радостные дни. Хочется, чтобы Солнце Правды «возсиявало» в людях. Многого еще предстоит пережить и перетерпеть верующим, но в конце концов всегда побеждает Воскресший Господь.

Поэтому «пролетарии всех стран, соединяйтесь» вокруг Пасхального стола и несите радость Воскресения всем, подобно святой равноапостольной Марии Магдалине, со словами: «Христос Воскресе!». Благодатное настроение, уважительные отношения, любовь к людям пусть присутствуют в обществе.

А. П. Чехов говорил, что в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Однако, при всем старании нельзя сделать лицо прекрасным. Можно подкрасить, загримировать, но это будет подделка, а любую подделку нельзя называть прекрасной. Можно купить прекрасную одежду, но она не даст человеку прекрасных: лица, души, мыслей. Прекрасную душу и прекрасные мысли может иметь тот, у кого прекрасное сердце, обновленный дух, кто живет новой жизнью, в ком «возсияет Солнце» Пасхального утра.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

Русские СУДЬБЫ

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

РУССКАЯ ПАСХА

Отрывки из пасхальных воспоминаний

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская переписка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Моя судьба и судьба моей семьи так сложились, что я лично никогда не мог праздновать Пасху в России. Однако я всегда праздновал Русскую Пасху в самых разных местах и в самых разных обстоятельствах.

Я родился в Белграде 31 июля 1927 года, значит уже после Пасхи. Меня крестили в русской православной церкви, в русском Храме Пресвятой Троицы в Белграде. Мне мать рассказывала, что во время Крещения я вцепился обеими руками за бороду священника и никак ее не хотел отпускать. Мне мать говорила, что я с самого начала всегда крепко держался за все хорошее. В основном, это было так, несмотря на все искушения и трудности.

В БОСНИИ

Еще до того, как мне исполнился один год, мои родители переехали в маленькую деревню Сеоница, в Боснии, около десяти километров от города Мостара, кажется, построенного еще римлянами. Моего отца назначили директором сербской начальной школы в Сеонице, а мою мать — преподавательницей.

Моя мать уже жила около семи лет в Югославии и говорила неплохо по-сербски. Она вообще очень быстро учила все языки, например испанский язык она выучила уже в Аргентине за пару месяцев. Она свободно говорила и писала по-французски и по-немецки, ибо окончила *Киевский Институт благородных девиц*, где эти два языка ежедневно интенсивно преподавались в течение семи лет. (Мне уже давно говорили, что лучше не упоминать *Институт благородных девиц*, ибо слово «*благородных*» многим не нравится, но моя мать мне категорически запретила скрывать это слово, ибо все ее предки веками, всю жизнь

воевали за Россию, а это и есть самое благородное занятие для русского человека.)

Мой отец прибыл на несколько лет позже в Югославию, и поэтому еще очень плохо говорил по-сербски. Вообще у него были затруднения с правильным произношением иностранных слов, может быть также и потому, что во время Первой мировой войны на немецком фронте в нескольких метрах от него взорвался большой немецкий снаряд, который ему сильно повредил слух. Я его спрашивал, как же его назначили директором сербской школы, если он не мог хорошо говорить по-сербски. Кроме того, он не имел местного гражданства, ибо всю жизнь сохранял свое русское гражданство. (Он говорил, что **нерусские пролетарии не могут лишать русского офицера русского гражданства**, и поэтому ни он, ни моя мать никогда не хотели брать никакого чужого гражданства.) Мой отец мне говорил, что **Король Югославии Александр был русским кадетом** и вообще большим русофилом, за что его и убили. Именно король Александр способствовал назначению русских на государственные должности в Югославии. Были назначены даже русские юристы без гражданства югославянскими судьями, причем даже без хорошего знания сербского языка. В югославянское военное офицерское училище принимали русских кадет без языка, без гражданства и без экзамена. Россия этого не должна забывать. Кроме того, я думаю, что моего отца назначили директором школы также и потому, что он был председателем большого и представительного *Объединения русских педагогов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев*.

Население в селе Сеоница было смешанным, с большинством мусульман. Римо-католики были, кажется, на втором месте, а православные — на третьем, по количеству населения. Все были славянского происхождения, ибо были прямыми потомками сербских племен, переселившихся в римские провинции на Балканах в VI и VII веках. Вскоре большинство из них приняло христианство. Какая-то их часть со временем ушла в ересь богумилов, а затем, уже под турецким владычеством, перешла в магометанство. Однако все они говорили на сербском языке, имели почти одинаковые обычаи и одинаковую еду и, вообще, жили довольно дружно, даже можно сказать сердечно. Это лишь после идеологических агитаций сперва национал-социалистов, а затем и западноевропейских неodemократов между ними были посеяны ядовитые семена вражды, обернувшиеся затем частично даже кровавыми эксцессами. Я хорошо помню, хотя я был очень маленький, с каким уважением и высказыванием почтения относились все крестьяне всех вероисповеданий ко всем священнослужителям всех религий, а также и к моим родителям.

Как праздновали Пасху в Сеонице я не помню, за исключением того, что в дни Пасхи было еще больше восточных (византийских) сладостей, как рахат-лукум, халва и пахлава. Также смутно помню, что в праздники полагались визиты иноверных к празднующим. Мой отец как директор местной школы пользовался особым почетом. Он председательствовал в негласном комитете всех священнослужителей, которые собирались раз в неделю у нас в доме. Они решали практически все местные дела. Я смутно помню, как на Пасху к нам пришел с визитом местный муфтий в большой белой чалме и принес в дар домашний рахат-лукум. Также я смутно помню, что муфтия тогда мои родители пригласили по русскому

обычаю за пасхальный стол, накрытый белой скатертью, с сырной пасхой и куличами, с большими буквами «Х. В.». Русская Пасха тогда в первый раз пришла в Боснию.

В Сеонице родились мои сестры Ольга и Людмила. Ольга в двухлетнем возрасте скончалась в Сеонице и была похоронена на местном православном кладбище. Я смутно помню, как ее белый гробик везли на ослике в гору, на кладбище. Сейчас, после нацистских и неodemократических беснований в Югославии, этого кладбища больше нет. Приехавшие сербы мне рассказывали, что на месте кладбища устроили маленький парк и говорят, что там никогда никакого православного кладбища не было.

В ДАЛМАЦИИ

Когда мне уже было четыре года, моих родителей перевели на те же должности в сербскую деревню Радучичь, в Далмации. Девять километров от города Книна, который раньше был столицей сербской православной Далмации, теперь же полностью «очищенной» от сербов.

Радучичь был очень большой деревней, имевшей, кажется, около тысячи домов, далеко разбросанных друг от друга. Деревня стояла на старой римской дороге, которая вела из Рима в Константинополь и проходила около 30 километров севернее, параллельно берегу Адриатического моря, на плоскогорье Динарских Альп. В Радучиче не было ни православной, ни вообще никакой церкви, но он находился в приходе села Мокро Поле, в пяти километрах на север. Мой папа меня брал по воскресеньям за ручку, и мы шли в эту церковь пешком, туда и обратно. Сербы тогда служили Пасхальную Литургию не ночью, а как всегда, по воскресеньям, в 10 часов утра. Тогда сербы на их богослужениях употребляли главным образом мелодии Греческой церкви, которые мне очень нравились. Сегодня они, кажется, в основном перешли на мелодии Русской церкви. На Пасху мы с отцом тоже пошли в эту церковь в соседней деревне, и я помню, как мой отец по дороге через поле часто останавливался, чтобы поговорить со встречными крестьянами, а иногда и с их лошадьми. Мой папа очень любил лошадей, ибо воевал с немцами четыре года верхом на лошади. В Радучиче кроме нас больше не было русских. В Радучиче родилась моя младшая сестра Елена и была крещена у нас на дому сербским священником.

Моя мама на Пасху накрывала белой скатертью в большой гостиной в двухэтажном здании школы пасхальный стол, с куличами и сырной пасхой. Я помню, что она также пекла к Пасхе т. н. «цыганскую мазурку», по обычаю Виленской губернии, где родился мой отец. Мне очень нравилась эта «мазурка», с инжиром, орехами, миндалем, черносливом и изюмом. Сербы же на Пасху запекали на вертеле во дворе или прямо на улице целого барана. Мы, дети, имели право покрутить некоторое время это вертело. Я на Пасху ходил к моему другу и однокласснику Десе Дубаичу, в нескольких кварталах от школы, тоже на римской дороге, чтобы покрутить это вертело. Когда я в 1990 г. смог впервые поехать в Югославию, я хотел навестить Сеоницу и этого моего друга, но меня отговорили: всех мужчин в Радучиче старше 15 лет убили во время войны. Только за то, что они православные. Имеющие уши, да услышат.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СЕРБИИ

Когда я уже учился во втором классе начальной школы в Радучиче, мои родители были неожиданно отпущены с их должностей в Министерстве просвещения Югославии новым министром, католическим ксендзом, словенцем Корощец. Тогда изгнали всех русских служащих в этом министерстве, которые не приняли югославянского гражданства. Короля Александра убили за год до этого.

Положение моих родителей оказалось весьма плачевным. Несмотря на все просьбы местных властей и местного населения, мы должны были покинуть через месяц здание школы в Радучиче. Тогда еще бушевали последствия мирового экономического кризиса, и мои родители не могли надеяться найти хоть какую-то работу. Они решили ехать в город Чачак в центральной Сербии, приблизительно 70 километров на юг от Белграда, где жил младший брат моей мамы и мой крестный отец Леонид Евгеньевич Энвальд. Он работал инженером-электромехаником на военном заводе в Чачаке. Мы поехали поездом в Чачак, и тогда я впервые выехал из глухих сербских деревень и впервые увидел городские улицы и электричество в домах. В Чачаке было, кажется, население в 14 000 человек, из них около ста человек взрослых русских. Мой дядя устроил моего отца мелким служащим в местную администрацию железных дорог Югославии.

С переездом жизнь нашей семьи сильно изменилась, в том числе и наши праздники. Во-первых, в Чачаке можно было купить много разных продуктов, о существовании которых я раньше даже ничего и не знал. Мы стали отмечать наши русские праздники, и в первую очередь Пасху, гораздо шире и даже богаче, несмотря на весьма тяжелое экономическое положение нашей семьи. В Чачаке по пятницам проходил большой крестьянский базар, на который крестьяне из окружающих деревень приносили свои продукты. Так мы с папой перед Пасхой, в Страстную пятницу, покупали несколько килограммов хорошего домашнего творога для сырной пасхи и сто яиц. Сорок яиц, как я хорошо помню, моя мама употребляла для изготовления многих куличей, в том числе и по маленькому куличу для меня и для моих сестер. Кроме того, пеклись куличи и для нескольких холостых и пожилых русских. Сорок яиц красилось, а остальные употреблялись для медового пряника и «цыганской мазурки». Я все это хорошо помню, ибо я взбивал яйца и приготавливал все это для моей мамы. Кроме того, покупался маленький копченый окорок, который запекался в духовке в простом хлебном тесте. Так пасхальный стол накрывался и украшался куличами, сырной пасхой в виде пирамиды, крашеными яйцами и запеченной в хлебе ветчиной, нарезанной на ломтики. Этот стол так оставался несколько дней. Для нас детей отдельно приготавливался маленький стол с теми же продуктами и с маленькими куличами.

На первый день Пасхи полагалось варить только лишь зеленый борщ с накрошенными в него пасхальными яйцами, который ели в обед как единственное в этот день сделанное блюдо. Я помню, что этот борщ некоторое время вызывал маленькие споры между моими родителями. Моя мама варила его по харьковским, сиречь малороссийским обычаям, то есть только из шпината. Но мой папа говорил, что в Белоруссии в него полагалось класть также и красную свеклу.

В Чачаке меня отец мог на практике научить, как в России раньше праздновали Пасху, ибо в Чачаке было достаточно русских. Пасха и другие праздники являются церковными, сиречь **народными и общественными праздниками**, которые можно отмечать и в узком кругу семьи, но гораздо лучше также и в более широком общественном кругу. Мой отец говорил, что на Пасху и на Рождество все мужчины делают короткие визиты близко живущим друзьям, которые их приглашают к праздничному столу и угощают. На второй день делаются более долгие визиты родственникам или близким друзьям, а третий день визиты делают только хозяйки, которые до этого сидели дома, чтобы потчевать визитеров. Папа в первый день Пасхи брал меня с собой и все утро делал визиты хорошим знакомым и друзьям в Чачке. Я не помню, сколько таких визитов мы делали, но их было приблизительно около полдюжины. Всюду нас угощали: меня сладостями, а папу маленькой рюмкой ликера или портвейна. Но на третий день я тоже ходил по гостям, вместе с моей мамой, которая делала визиты хорошо знакомым русским дамам.

В РУССКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В СЕРБИИ

Когда я в 11 лет поступил в Кадетский корпус, я первые два года на Пасху, как и на Рождество, уезжал домой, так что я не знал, как празднуют остающиеся в Корпусе кадеты. В третьем классе мои родители не могли оплатить мне билеты поезда туда и обратно, и я остался на Пасху в Корпусе.

В Корпусе соблюдались строго три недели Великого Поста, по военной традиции еще из России: в первую Крестопоклонную и Страстную седмицы, а в остальные недели только по средам и пятницам. На Крестопоклонной неделе все православные кадеты исповедовались и причащались. Когда кадеты поступали в Корпус, им в первые же дни директор Корпуса дарил каждому маленькое издание Евангелия с личной надписью, которое я храню до сих пор. Мы его читали каждый день поста по полчаса. Перед Пасхой, на Страстной седмице, соблюдался строгий пост, в том числе и накануне Пасхи. На Страстную субботу все остававшиеся в корпусе кадеты в 11 часов ночи шли строем в корпусную домовую церковь, в которой корпусной священник служил светлую Заутреню. После Богослужения мы все подходили к кресту священника, который с каждым из нас христосовался. Рядом с ним стоял директор Корпуса, который затем тоже с нами христосовался и каждому из нас дарил по одному крашеному яичку.

Затем мы шли строем в столовую, в которой все столы, каждый на девять человек, были накрыты белыми скатертями. Это был единственный случай в году, когда столы в столовой накрывали скатертями. Я смутно помню, что я даже немного стал меньше грустить, что я не дома, когда я увидел накрытые столы с куличами, сырными пасхами, крашеными яйцами и с ломтиками ветчины.

В БЕЛГРАДЕ

Когда я был в четвертом классе Корпуса, моя семья была вынуждена бежать из Чачака, ибо он оказался в центре партизанской войны между

немцами, партизанами-коммунистами и партизанами-четниками (лояльными к югославянскому королевскому правительству в Лондоне). Мой дядя был арестован в Чачаке немцами и отправлен ими в плен в Германию, ибо он имел статус югославянского офицера как инженер на военном заводе. В Белграде мои родители нашли маленькую квартиру за городом, в пяти километрах от центра. Так начался для нас период больших затруднений и даже недоедания. Чачак был окружен сербскими деревнями, крестьяне которых всегда продавали разные продукты питания, но в Белграде этого не было.

Как мы проводили Пасху в Белграде, я хорошо не помню, но я знаю, что ни куличей, ни сырной пасхи, ни крашенных яиц уже больше не было. Но были визиты друзей. Помню, что были очень вкусные маринованные грибы, которые собирал мой папа, а мама мариновала. Также помню, что в течение почти целого года мы не имели пшеничного хлеба, а только кукурузный.

В пригороде Белграда, где мы жили, не было православной церкви. Я по воскресеньям ходил пешком в русскую церковь, в центре города, в пяти километрах от нас. Так, на Пасху 1944 года я тоже пошел в нашу церковь. Приблизительно по середине дороги вдруг стал слышен сильный гул самолетов. Это летели, как говорили, две тысячи англо-американских самолетов бомбить Вену и Будапешт (и Белград). На улице было много сербов, и они начали махать платками и радостно кричать *«это летят наши союзники»*. Сербь были тогда очень настроены против немцев и сильно симпатизировали англичанам и североамериканцам. Я продолжал идти дальше, и мне даже кто-то сделал замечание, почему я не приветствую англо-американские самолеты. Вдруг раздался сильный взрыв в двух кварталах перед нами. Сначала никто ничего не понимал, но очень скоро выяснилось: это была большая бомба, сброшенная на нас с летящих самолетов. Уже потом мы все узнали, что в большинстве случаев это были бомбы по 500 килограммов, которые англо-американцы сбрасывали как попало на своих союзников в Белграде. В Белграде не было никаких промышленных заводов, ни военных немецких объектов, а лишь сравнительно маленький немецкий оккупационный военный гарнизон. Я не знал, что делать, но бомбы начали падать впереди и сзади меня, и я решил идти дальше в церковь.

Когда я через полчаса пришел перед нашу церковь, мне сказали, что митрополит Анастасий с сонмом духовенства продолжает служить Божественную Литургию без перерыва, хотя бомбы падали почти рядом и повредили находящуюся рядом большую сербскую церковь Святого Марка. Однако часть богомольцев, но не все, вышли из церкви во двор. Я вошел в храм. Хор как всегда прекрасно пел, а Богослужение тоже продолжалось с великолепием дальше.

После богослужения и христосования перед церковью, как всегда, собралось большое количество богомольцев. Все комментировали бомбардировку, которая уже кончилась. Вдруг ко мне подошел один преподаватель Русско-сербской гимназии с лопатой в руках, которую он мне сразу же вручил. Он мне сказал, что в бомбардировке погибло немало жителей Белграда, в том числе и много русских. В Белграде тогда еще оставалось пару десятков тысяч русских. Преподаватель мне сказал, что уже организована группа русской молодежи для откапывания и другой помощи пострадав-

шим. Каждый из нас получил по лопате, а со следующего дня мы должны были ежедневно проходить ускоренный курс первой помощи.

Из церкви наш группа в семь-восемь человек с лопатами отправилась в этот первый день Пасхи в дом одного русского кадета (я его фамилию забыл), который погиб в бомбардировке, а его семья частично оказалась под развалинами дома. Когда мы пришли, местные пожарные уже их раскопали, и все были живы, кроме сразу погибшего кадета. Затем мы пошли к одному трехэтажному дому, передняя стена которого развалилась и упала, а на третьем открытом этаже стояла одна русская дама, рядом с роялем. Пожарные ее тоже скоро оттуда спустили вниз. Через пару часов я пошел пешком обратно домой, где мои родители уже немного волновались, ибо ничего не знали, что со мной. Никаких телефонов тогда не было. Моя мама все-таки сделала один маленький кулич, из неизвестно откуда добытой белой муки, но тогда его не разрезали. Мама сказала, что он должен стоять на столе всю Светлую Седьмицу.

Нашей группе учеников сказали, что мы на второй день Пасхи должны встретиться у входа в одну больницу психически больных, чтобы приблизительно двадцати русским больным вручить по одному пасхальному крашеному яйцу. Я помню, что я тогда спросил, а не останется ли нам тоже по яйцу, но на меня очень серьезно посмотрели, и я замолк. Посещение этой больницы, в которой тогда было около ста психических больных, из них около двадцати русских, а остальные сербы, на меня произвело очень удручающее впечатление. Но это тоже была Пасха, и наше посещение принесло немало радости больным, как русским, так и сербам. В этом вопросе мы, и вообще никто, не делал никакой разницы.

В БАВАРИИ

Уже после окончания войны мы оказались в Баварии, в маленьком городке Бухлое, 70 километров на юго-запад от Мюнхена. В Бухлое тогда было около 70 русских, в большинстве бывшие военнопленные и насильно вывезенные в Германию рабочие. Старых эмигрантов было меньше десяти.

Все русские эмигранты и беженцы тогда стремились попасть в американскую зону Германии, и поэтому в этой зоне было предположительно в первые годы после войны от полмиллиона до одного миллиона русских эмигрантов и беженцев «всех волн». Большинство из них были бывшие военнопленные, с большой прослойкой комсостава, до полковника включительно. В связи с этим можно отметить два важных аспекта:

1. Среди всех этих разнообразных русских эмигрантов не было абсолютно никакой дискриминации, а наоборот — поддержка и смешение.

2. Главным связующим организующим элементом среди этой огромной массы людей была Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ). В состав ее клира тогда вошли епископы, священники и диаконы не только из эмиграции, но также из России и даже из Польши и Прибалтийских стран.

РПЦЗ сразу после войны охватила организационно всех русских эмигрантов и беженцев в трех западных оккупационных зонах Германии. Были назначены «передвижные настоятели», которые хотя бы раз в месяц служили литургию в каждом местечке Германии, где были русские эмигранты.

Приезжавший к нам в Бухлое священник оставил нам план своих посещений, из которого было видно, что на Пасху он приедет к нам через одну или две недели.

В 1946 г. я решил поехать на Пасху в Мюнхен, где тем временем была учреждена резиденция митрополита Анастасия и Синода РПЦЗ. Я поехал в Мюнхен вечерним поездом, а затем трамваем, как мне сказали. Затем я начал искать улицу, где был синодальный храм, и какие-то немцы мне ее указали. Подходя, я увидел большой огонь костра под стенами церкви. Я спросил, для чего этот костер, и мне ответили, что в России на Пасху так делают.

Я не мог войти в храм, ибо он был переполнен народом, который даже стоял перед входом, Прекрасно пел большой хор, служило несколько епископов в сослужении многих священников и дьяконов. Я с трудом начал пробираться вперед, когда вдруг все стоящие в церкви сзади меня двинулись вперед. Я тихо спросил в чем дело. «Будет говорить митрополит», мне ответили. Дело в том, что у митрополита Анастасия давно была операция горла, была вставлена металлическая пластинка, из-за которой он говорил довольно тихо.

Все хотели слышать этого не только аскета, богослова и мудреца, но и большого патриота России, государственного деятеля и организатора. Митрополит Анастасий был секретарем Поместного Собора 1918 года, а до этого самым молодым епископом России и профессором в Богословской Академии. Я тогда был очень доволен и даже счастлив, что попал на Пасху в Русскую Церковь, где служил тот же митрополит, который служил на Пасху в Белграде во время первой бомбардировки этой сербской столицы. Через пару дней я вернулся в Бухлое и увидел пасхальный стол с куличом и крашеными яйцами. Моя мама их как-то раздобыла у местных немцев. «Ведь это наша русская Пасха», — сказала она мне тогда.

В ДАЛЕКОЙ АРГЕНТИНЕ

Через пару лет мы уже оказались в Аргентине, где президент страны генерал Перон приказал принять 10 000 русских белых эмигрантов любого возраста по ходатайству РПЦЗ. В Аргентине уже недолго до нас была организована епархия РПЦЗ, с кафедральным собором в нанятом помещении. Затем был куплен участок и построен Воскресенский Кафедральный Собор. Первое богослужение в еще не совсем законченном храме состоялось на Пасху 1958 года. Служил архиепископ Афанасий при сослужении почти десятка священников и дьяконов из самых разных стран мира.

После Заутрени и Литургии мы приехали к маме. На столе стояли куличи, сырная пасха и крашеные яйца. **Христос Воскресе!**

Связь ВРЕМЕНИ

Марина ГАНИЧЕВА

КАКОЙ ОН, ГАГАРИН?

*К 60-летию первого полета
человека в космос*

Марина Валерьевна Ганичева — прозаик, публицист, сопредседатель Центра духовно-патриотического служения Отечеству им. св. прав. воина Федора Ушакова, адмирала флота; главный редактор детского журнала «О Русская земля» и «Роман-журнала XXI век». Удостоена Ордена РПЦ преп. Ефросинии, Великой княгини Московской III степени. Член СП России. **Живет в Москве.**

У каждого человека есть свой космос, своя ракета и свой Гагарин. Я родилась на год раньше полета Гагарина. А в два года уже стояла на табуретке и читала, плохо выговаривая буквы «р»:

*Летит, летит ракета
Вокруг земного света,
А в ней сидит Гагарин,
Простой советский парень...*

И все мне было в этом стихе понятно и близко.

И ракеты настоящие я видела на ВДНХ в павильоне «Космос», жили рядом, ходили с папой и мамой туда гулять, и на наших глазах взметнулся вверх памятник покорителям космоса, такая летящая вверх ракета, и что такое круглый земной свет, тоже знала — голубой шар, похожий на голубой колобок. И, конечно, простой советский парень Гагарин тоже был мне знаком. Можно сказать, он был знаком каждому в нашей стране. Везде висели и печатались его портреты, и Гагарин каждому был старший брат, отец, сын, друг, самый близкий человек после мамы с папой.

Мой папа дружил с Гагариным, у них было много общих дел, они ездили к писателю Шолохову вместе с другими писателями на Дон, в станицу Вешенскую, там переплывали вместе Дон, и папа едва не потонул, как он рассказывал, потому что не был такой тренированный, как Гагарин. Но Гагарин вовремя уловил его эту усталость и обратно поплыл потише, да и держал на всякий случай в поле бокового зрения слабачка. Потом папа, историк, вместе с поэтессой и филологом Ларисой Васильевой рассказывали Гагарину о всяких древностях, русской истории, показывали древнерусские красоты Суздаля, Владимира, Переяславль-Залесского... Тогда же

Юрий Гагарин. Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза

он сказал, что хотел бы, чтобы кто-то из его девочек, дочек, занялся изучением искусства Древней Руси, как бы это было здорово, и где бы это можно было сделать? И они рассказали ему об искусствоведческом отделении на историческом факультете Московского университета. Он мечтал, чтобы кто-то из девочек там учился. Так все и случилось. Все мечты у Гагарина сбывались. Или не все? По крайней мере, те, о которых мы знаем.

Его дочь Леночка училась на историческом факультете на искусствоведении, на год старше меня, с моим будущим мужем Сашей на одном курсе. Была, по воспоминаниям всех мальчишек с курса, доброй и не заносчивой, но сдержанной, никогда не жалела занять (одолжить) денег, улыбалась как отец и занималась древнерусским искусством. Все как хотел папа! А сейчас она директор музеев Кремля.

Тогда же папе удалось вместе с Гагариным вставить в его речь на каком-то важном комсомольском собрании строчки о том, что надо восстановить Храм Христа Спасителя и Триумфальную арку как памятник победе в 1812 году над Наполеоном. Гагарин очень болел за нашу историю. А многие были удивлены его этими словами. Как же, только еще недавно разрушали храмы, а теперь сам Гагарин призывает их восстанавливать. Один такой повернулся к папе и спросил: «Разрешили ли Гагаринову сказать такое наверху?», имея в виду начальство. А папа мой, человек с большим чувством юмора, поднял многозначительно палец вверх: «Конечно, на са-а-а-мом верху!», имея в виду Господа Бога.

А у меня был свой Гагарин.

Вместе с Гагариным наша семья отдыхала рядом с «Артеком» у подножия горы Аю-Даг. Нас было несколько семей, Гагарин хотел чуть-чуть отдохнуть от внимания всей планеты, побыть с женой, с дочками, с друзьями обыкновенным человеком. Таким я его увидела в своем детстве, — обыкновенным дядей Юрой, всегда улыбающимся, спортивным, добрым. Родители сидели на пляже и все время смеялись, играли в волейбол, катались на водных лыжах, они были молоды и радостны. Мы тоже возились где-то рядом, шныряли между ног, строили замки, грелись на солнце и грелись под взглядами родителей, которые тоже с нами бывали редко, все больше работали. А я вечно ждала папу с работы и не засыпала до двенадцати, потому что он всегда заходил в мою комнату поцеловать меня перед сном, рассказать какую-нибудь историю и положить под подушку какую-нибудь конфетку, которые отовсюду утаскивал для меня. И только в отпуске можно было быть с ними рядом, сколько захочешь, хотя и тогда папа все время что-то писал, читал и, как говорила мама, работал...

Родители молодые-молодые, вечерами засиживались с друзьями за столом, мы слышали, как они пели, здесь певуньей была моя мама, но и Юрий Алексеевич с удовольствием подтягивал. Песни выводили народные и комсомольские, революционные и лирические, много песен Пахмутовой, которая очень любила Гагарина, а ее саму и ее песни любила вся советская молодежь. Мама заводила еще обязательно дивные, мелодичные украинские песни, а все заслушивались и тоже старались подтянуть. Засиживались они за полночь, нас, детей, отправляли спать по режиму. А потому на следующий день родители просыпались не рано, а дети бродили с утра неприкажные. А вот Гагарин вставал всегда рано, видимо, привык к дисциплине и распорядку дня, делал на берегу зарядку, плавал долго и далеко, рассекая море косыми четкими саженками.

Мы, дети, сгрудились вместе на берегу и наблюдали за каждым его шагом. Нам было скучновато, и только Юрий Алексеевич задорно подмигивал нам, выходя из моря, обтирался полотенцем и задавал разные вопросы, интересуясь нашей детской жизнью. До всего ему было дело. И кто креветок вчера ловил, и кого медуза «покусала», и какие палки мы собираем на вечерний костер... Откуда только узнал, что мы задумали развести костер в тайне от родителей и кто-то из наших уже стащил у своего папы спички...

— Слушайте, гвардия, а давайте возьмем лодку и отправимся с вами в путешествие, ловить крабов! Нет возражений?

Ну, тут мы запрыгали до самого неба, глаза наши стали круглыми, и мы слегка потеряли дар речи сначала... От нас родители слегка отмахивались, отпуск все-таки, и почитать, и позагорать хочется, не больно-то нас баловали совместными играми, а тут... Сам Гагарин предложил плыть с ним на лодке! Да это все равно, что полететь с ним в космос на одном корабле... Никакой разницы. Оттого мы в первую минуту онемели, а потом заорали во все горло наше русское «Ура-а-а!», а Гагарин быстро натянул треники, вьетнамки и пошел к лодочной станции, махнув нам рукой следовать за ним.

— Айда, гвардия!

Мы потянулись за ним гуськом, подпрыгивая и на ходу застегивая сандалики, натягивая панамки.

Вместе, с залихватскими криками, столкнули лодку в прозрачную утреннюю воду. Гагарин сел на весла, а нас, человек семь или восемь разного возраста ребятишек, в том числе и своих дочек, Лену и Галю, и Сашу Шолохова, внука писателя, и дочку-красавицу Сергея Павлова рассадил на корму и на нос, чтобы распределить примерно одинаково по весу. Какой же он был смелый, сейчас чужих ребятишек никто не повезет кататься на лодке, вдруг бултыхнутся, оступятся, а ты отвечай. Он же всех как-то видел, за всем следил, подбадривал, кое-кто из нас немного боялся, и при этом еще мощно и широко загребал веслами воду.

Мы поплыли к подножию Аю-Дага, загадочной и такой притягательной для нас горы. Все мы знали, что в переводе это значит Медведь-гора, и легенду про этого медведя знали. Берег был скалистый, с навесами из пещер, большими валунами и камнями на берегу и камешками на дне, среди которых, загребая большими клешнями в бок, ползали крабы, зарываясь быстро-быстро в дно, в песок или забиваясь между камнями. Был утренний штиль, тишина, только всплески от весел, дно светилось изнутри, играя камешками, вокруг прыгали солнечные зайчики, расплываясь золотыми

*Валерий Ганцев. Доктор исторических наук. Заместитель главы
Всемирного Русского Народного Собора.
Председатель Союза писателей России (1994–2018)*

пятнами по поверхности воды, лучи солнца падали в воду и скользили по дну, вылавливая и высвечивая для нас дивные причудливые картинки. Мы вглядывались в них, свесившись по бортам, но цепко держались за боковину лодки. Как же, нельзя подвести первого космонавта Земли, это уж мы все понимали.

Всплеск — волна, всплеск — волна... а вокруг небывалая тишина и покой, море сливается с небом, и светлые глаза человека-вселенной, лучшего человека Земли напротив. Так выглядело счастье... Так в моих воспоминаниях-ощущениях выглядит оно и до сих пор.

Лучший человек Земли и Неба, — так считала и моя любимая бабушка Настя. Она, конечно, слов таких не говорила, была не шибко грамотной, но точно знаю, что была очень мудрой и рассудительной. Она-то и почитала Юрия Алексеевича, кажется, даже видела и потчевала его у нас дома своими знаменитыми варениками с вишнями. Валерик, любимый зять, после этого подарил ей большую высокую фотографию Гагарина в железной окантовке, такие делали для подарков в издательстве «Молодая гвардия», где он был директором.

Такую же фотографию подарили и моей сестре Галке, когда она поступила в Москву в «Станкин», и она стояла у нее в студенческом общежитии рядом с кроватью, встречая сестренку всегда улыбкой. И вот бабушка тоже устроила эту высокую фотографию улыбающегося Гагарина на свой чудесный комод в центре зала. Комод был покрыт белоснежной накрахмаленной салфеткой, и там стояло все самое красивое и интересное: раковина с шумом моря, сувениры, которые привозила ей мама, графин золотая рыбка с рюмочками тоже в виде рыбок с золотым ртом, что-то еще, весьма занима-

тельное для нас, детей, но что нельзя трогать, «потому что разобьешь»... Там, рядом с большим Гагариным, стояла и какая-то старинная открытка религиозного содержания, теперь уж не помню какого, но много раз видела, как бабушка с утра стояла у комода и что-то шептала, были в этом неразборчивом шепоте и слова «Отче», «Небеси», «иже», и «Богородицу» она припевала едва слышно, и еще что-то, что я не совсем понимала. Я ничего не знала религиозного, но отчего-то понимала, что бабушка молится. У нас об этом никогда не говорили, нельзя, папа коммунист и начальник, а больше всего бабушка боялась подвести своих детей. Хотя все праздники у нас справлялись, и Пасха была лучшим днем на свете.

Так вот, бабушка стояла у комода, смотрела, как мне казалось, на Гагарина, и молилась. Я наблюдала за этим сквозь смеженные ресницы и думала о том, что это лучший человек Земли и Неба, даже, может, и Бог, ну или его самый любимый сын, или почтальон с Неба. Мне тогда очень нравились почтальоны с их кожаными сумками, которые приносили каждый месяц бабушке пенсию в двадцать рублей «по потере кормильца», она становилась такой радостной, и мы шли с ней «под больницу» за мороженым.

И вот я с этим чудо-человеком, подобным какому-то высшему существу, плыву в одной лодке, загребая правой рукой воду за бортом и слегка поеживаясь от брызг, соскользнувших с его весла. Так выглядит счастье.

Пока я мечтала, мы подплыли к берегу, выбрались из лодки и заскакали по камням, высматривая крабов.

Юрий Алексеевич затащил лодку подальше на берег, сбросил трусики и, слегка переваливаясь с ноги на ногу, потому что камешки впивали в подошву, подошел к нам.

— Ну, гвардия, знаете, как краба надо ловить? Он же что, боком вон от вас улепетывает, да как быстро... А вы должны точно его разглядеть, вода-то все искажает, потому надо не торопиться, не спугнуть его, разглядеть и хватать за бока. Обязательно за бока, чтобы он своими клешнями в вас не впился... Как будто подмышки его взять... И с кормы.

И он ловко схватил первого краба, который неспешно передвигался под большой валун, еще не подозревая, какая честь его ждет!

Ну, что тут началось! Мы все кинулись на бедных крабов, которых и разглядеть-то не успели, и не каждый на своего, а всем гуртом на одного, тут пошли крики и стоны, потом слезы, и причем горькие, над хватавшими нас клешнями крабами. Гагарин хохотал, подхватывал нас и отнимал нас у крабов. Потом побежал, переваливаясь по воде к лодке, схватил пакет, и мы начали собирать в него добычу.

Сквозь воду крабы казались большими, вода с лучами солнца преломляла все, получались линзы, которые увеличивали изображение, поэтому по дну ползали большие чудовища с выпученными глазами, а в мешке оказывались малюсенькие абракадабрики с глазками-пуговками на ниточках и ма-а-ленькими клешнями. Меня это веселило, а потому я не столько ловила, сколько рассматривала пойманных сквозь пакет с водой, который держал Гагарин. Он обернулся ко мне, почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд, и его улыбка соединилась со снопом солнечных лучей в один какой-то переливающийся золотом шар:

— Ну что, Маринка! Будем вечером с тобой кефир пить! Заработали на кефир? Вон сколько крабов наловили...

И, подмигнув, подхватил меня подмышки, усадил на большой валун. Я согласно кивнула в ответ, уже ничуть не смущаясь...

Это была еще одна наша с ним история. В первый же день маму с папой и меня усадили с семьей Гагариных за один стол в столовой. Папа был с ним в друзьях, а мы-то с мамой видели его в первый раз. Для нас он был небожитель, как сказал о нем папе знаменитый скульптор деревянных скульптур Коненков. Но Юрий Алексеевич умел в несколько минут расположить к себе, вести себя так, что ты сразу забывал, кто перед тобой, а чувствовал себя, как будто ты его сто лет знаешь, он твой сосед или друг, который совсем не кичится ни своей знаменитостью во всем мире, ни своей усталостью от людей, а, наоборот, для него очень важно, что ты думаешь, как ты себя чувствуешь рядом с ним, не доставляет ли он тебе каких-то трудностей, не смущает ли тебя... И ни на йоту высокомерия или превосходства. Наоборот. Удивительный дар был у него. От Бога. Дар любви. К людям, к детям, к миру.

И он сумел в несколько шагов так расположить маму к себе, что, в ответ на его шутки, прибаутки, папины веселые истории, она решила рассказать про меня. Кажется, в тот момент за столом меня уже не было. Намучившись с моим кормлением, меня отправляли гулять, «чтоб не позорила перед людьми», сурово взглянув на меня, шепотом добавляла мама. Вообще-то мамы всегда рассказывают веселые истории про своих детей. Так делала моя мама, так делаю и я, рассказывая заодно теперь и про внуков.

И моя мама рассказала, что когда меня спросили при чтении этих знаменательных стихов: «Летит, летит ракета вокруг земного света, а в ней сидит Гагарин — простой советский парень», «а кто такой Гагарин?», то я, не моргнув глазом и не раздумывая, мгновенно ответила: «Это тот, кто пьет кефир...». В саду была немая сцена, а мама говорит: «Это потому, что ей все время говорила нянечка, когда она не хотела пить кефир, она его не любит, пей кефир и будешь как Гагарин. В космос полетишь. Он тоже много кефира пьет». Гагарин хохотал, сказал, что всяко его называли, а вот кефиroleубом, кефироедом еще никто не называл, и теперь всегда подмигивал мне, когда на полдник или на завтрак нам подавали кефир. Ну тут уж никуда не денешься — надо было пить, даже не сморщившись.

...Обратно возвращались мы слегка «разваренные», столько переживаний, да и солнце нас подкоптило, а я быстро «сгорала». Но на обед нам, ребятишкам, дали по вареному крабу, и мы гордо делились с родителями, поглядывая на Гагарина, как на нашего предводителя и закадычного друга. Все-таки вместе на «охоту» ходили, добытки...

А после обеда все были на пляже. Лениво отдыхали родители за книжкой, разговорами, шахматами, кто-то подхватился в волейбол, мы строили что-то из камешков, выковыривали креветок, зарывавшихся в песок на островках перед водой. От «Артека» нас отделяла металлическая сетка-забор и длинный, уходящий далеко в море мол. Вдруг за молом все мы увидели точку, которая поворачивала к нам, сначала стремительно, а потом все тише и тише, видимо, устал человек...

За забором был слышен гомон детских голосов, когда всей ватагой пионеров запускали в море, потом нестройные пионерские песни, которые постепенно становились звонче и стройнее, когда пионеры шли на обед. Это жила своей пионерской жизнью дружина «Морская». Мы же завидовали

*Молодые писатели приехали вместе с Ю. А. Гагариным
к великому русскому писателю М. А. Шолохову
в Вешенскую. 1967 год. Из архива В. Н. Ганичева*

этим детям со своего берега и мечтали когда-нибудь побывать в «Артеке» — республике счастливых. Так и будет, в 6 классе я буду распевать песни в «Морской» дружине, но это уже другая история...

Постепенно точка в море превратилась в человека, и вот мы уже видим молодого кудрявого парня, который вылез из моря и решительно направился в сторону Гагарина, судя по всему узнал он первого космонавта сразу... Все немножко насторожились, папа поднялся с лежака и придвинулся поближе к Юрию Алексеевичу. Парнишка же, слегка смущаясь, тяжело отдыхаясь от долгого плавания, обратился сразу к Гагарину:

— Дорогой Юрий Алексеевич! Пионеры нашей дружины «Морская» узнали, что вы отдыхаете рядом, и меня направили к вам! Мы вас очень, очень просим...

Он запнулся, сжал руки в кулаки, как бы показывая, как сильно они просят Гагарина, и повторил:

— Мы вас очень просим, приезжайте к нам в гости...

Потом оглянулся на всех нас и добавил:

— У нас и пироги будут к ужину... С яблоками. И костер...

Гагарин заразительно рассмеялся, взглянул на сразу огорчившуюся жену, дочек, на нас всех, понимающих, как мало он отдыхал от людей, от выступлений, как мало бывал с женой, дочерьми, с друзьями... Как он, наверное, устал от людей...

И парень это все почувствовал в наших взглядах, как-то сразу сник, чувствуя всю правду этих взглядов и причин, но Юрий Алексеевич не дал ему даже никакого повода загоревать, тут же поднялся, пожал ему руку и сказал:

Гагарин в «Артеке»

— Тебя как зовут?

— Павел. Старший пионервожатый...

— Ну раз просят, Паша, надо уважить нашу пионеррию... Да еще пирог... С яблоками. Мой любимый...

И махнул залихватски рукой в сторону «Артека». Тут все облегченно, включая Пашу, засмеялись. Паша стал благодарно трясти руку Гагарина, повторяя: «Спасибо! Спасибо! Вот уж спасибо, так спасибо!» и, не сказав больше ни слова, ни как Гагарин к ним доберется, ни когда приходить, бросился к морю, бултыхнулся и мелкими саженками поплыл обратно... Впрочем, Гагарин все знал про «Артек», после своего полета он много раз бывал в гостях у пионерии, а еще, говорят, часто играл там в бильярд, старинный, еще дореволюционный, который стоял в корпусе администрации в «Морской».

Вечером Гагарин вернулся со встречи, рассказывал, угощал нас пирогом с яблоками, которым его нагрузили с собой, а я на всю жизнь запомнила эту его невероятную отзывчивость и то, что ни тени неудовольствия не промелькнуло на его лице, ничем он не обидел этого Пашу и пионеров, хотя как уж он устал, встречаясь со всей планетой, отвечая на вселенскую любовь к нему... Сколько было этих встреч, сколько надо было рассказывать и просто истуканом стоять, чтобы все только смотрели на тебя... И ни одного недовольного взгляда, ни одной недовольной искры в глазах. Ясный, доброжелательный, открытый взгляд таких родных глаз. «Чистосердечен. Чист душой и телом», — прочитала в психологической характеристике на него при принятии в отряд космонавтов. Вот это точно! Чист душой и телом.

Теперь, когда я, как редактор и человек с большим кругом общения, иногда устаю от людей и мне хочется сказать: «Ребята, я так устала от

встреч, от общения, давайте пропустим в этот раз, приходите через недельку», я всегда вспоминаю Юрия Алексеевича Гагарина на том, артековском берегу, и мне становится очень стыдно...

Моя дочка, когда работала в школе первый год в 2000-е годы, рассказывала как-то про Гагарина своим шестиклассникам. Она умела зажечь, а потому дети слушали ее, замерев, почти не дышали. И тут девочка с первой парты прошептала еле слышно: «А какой он был, Гагарин?» Это было время, когда еще все советское было не в чести и вместе с коммунизмом вылили на свалку все, в том числе и космос, и Гагарина, и станцию «Мир», и «Буран»... Дочка с разбегу остановилась и никак не могла взять в толк, о чем она? «Ты никогда не видела?» — «Нет». — «А кто еще не видел?» — и поднялся лес рук. Весь класс. Тогда Настя бросилась ко мне на работу, мы искали в интернете лучшие фотографии Гагарина, среди них была и та, бабушкина, а потом весь вечер распечатывали их на струйном принтере. На следующий день она подарила каждому в классе портрет Гагарина на память и еще пол-урока рассказывала в обход программы о первом космонавте Земли.

Его портрет-открытка 1962 года, молодого, слегка улыбающегося, в военной форме, стоит у меня и сегодня дома среди фотографий родителей, родственников, дочери и внуков, как будто это мой родственник, родня, родова. Так и есть. Моя родня, несравненно ближе мне моих родственников с той стороны майдана. И мне нравится бросать иногда взгляд на моего Гагарина. Чистого душой и сердцем. Лучшего с планеты Земля.

Такой он, мой Гагарин. Лучший из лучших. Сын Земли и Неба. Друг моего отца. Человек большого сердца и души. Сын великой страны, которой больше нет — СССР. Нет, не так. Великой страны, в которой я родилась и которая всегда в моем сердце вместе с простым советским парнем Юрием Гагариным.

Владимир ЮДИН

**«Я НЕ ПЕРВЫЙ,
А ЕДИНСТВЕННЫЙ!»**

*К 125-летию со дня
рождения Г. К. Жукова*

Владимир Александрович Юдин — родился в 1947 г. в станице Губской Краснодарского края. Окончил Армавирский гос. педагогический университет, Московскую аспирантуру и докторантуру. Профессор, доктор филологических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, академик Петровской Академии наук и искусств, член СП России. Опубликовал свыше 500 работ по актуальным проблемам филологии, журналистики и публицистики. Лауреат многих лит. премий. Дважды избирался депутатом Зак. Собрания Тверской обл. **Живет в Твери.**

Каким был прославленный маршал Победы Георгий Константинович Жуков? Разным. Не был только подлым, трусливым, коварным и бесчестным. Он не нуждается в идеализации, тем более его недопустимо порочить, обливать грязью, что нынче водится и усилилось на Западе и в российских либеральных кругах в связи с 75-летием со дня сокрушительного разгрома гитлеровской Германии.

Из опубликованного о прославленном полководце наиболее интересными, правдивыми, насыщенными разнообразными фактами представляются документальные записи известного русского поэта Феликса Чуева, в которых Г. К. Жуков описан емко, психологически выразительно, без приторного елеса, с глубоким уважением, как и должно относиться к исторической фигуре столь огромного масштаба и бурного, сильного темперамента.

«Скажу сразу: Георгий Константинович неколебимо стоит в ряду моих самых любимых героев, в которых я видел образец доблести и мужества, — таких, как Суворов, Сталин, Чкалов», — пишет Ф. Чуев¹.

Прямолинейный, жесткий, нетерпимый ко лжи и фальши — с одной стороны, и с другой — великодушный, эмоциональный, даже сентиментальный. Вспомним хотя бы, как в редкие, свободные от фронтовой службы минуты он брал в руки баян, тихо и проникновенно наигрывал любимые русские народные песни...

Чрезвычайно многогранной была эта яркая Личность, олицетворяющая подлинно русский националь-

¹ Здесь и далее цитирую литературный очерк: *Чуев Ф.* Маршал Жуков. М.: Молодая гвардия, 1995, № 8.

ный характер с присущим ему необъятным диапазоном неповторимых черт и особенностей. Даже в ряду гениев таких людей называют «штучными», уникальными.

Не в силах низвергнуть легендарного маршала с пьедестала как великолепного военного стратега, злопыхатели и хулители Г. К. Жукова облыжно обвиняют его в бессмысленной жестокости и даже издевательствах над сослуживцами.

Да, жесткость с его стороны была, бывала и жестокость. Но все это не могло не оправдываться объективными суровыми обстоятельствами военного лихолетья, когда решалась судьба Родины.

*Портрет маршала Г. К. Жукова (1945).
Художник Павел Корин. Государственная
Третьяковская галерея, Москва*

Вспомним лето-осень грозного 1941 года. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, все более усложнялось положение на фронтах, одно поражение следовало за другим, создалась реальная угроза захвата фашистскими полчищами Москвы. Враг уже хвастливо трубил на весь тревожно затаившийся мир о предстоящем победном параде в русской столице...

В тот отчаянный час даже человек железной воли и необыкновенной выдержки Сталин на миг дрогнул, взволнованно обратившись к Жукову: сумеем ли мы отстоять столицу?.. Полководец твердо отвечал: «Москву мы не сдадим!». И наша столица выстояла!

Как известно из документальных источников, под Москвой Красная Армия имела незначительное превосходство над гитлеровцами в живой силе и вооружении, но стратегически продуманное высшим командованием контрнаступление позволило достаточно далеко отбросить врага и, главное, лишить его наступательного порыва, внушить нашему народу и всему миру веру в неизбежный разгром фашистского рейха.

Все, кто соприкасался с Жуковым, отмечали: он действовал всегда решительно и смело. Его железная воля передавалась подчиненным всех рангов. Победа под Москвой была поистине исторической, похоронившей гитлеровский план молниеносной войны. Не щедрый на громкие похвалы своим полководцам Сталин потом скажет: «Жуков отстоял Москву»

Мощный контрудар советских войск стал результатом коллективного разума верховного командования, в котором Г. К. Жуков занимал ведущее место. По словам видного военного историка, кандидата исторических наук

Алексея Исаева, «Жуков планировал конкретику военных действий. С ним все советовались, когда начинать...»¹. Тщетны попытки злобных недругов России списать поражение немцев в Московской битве на «роковые ошибки Гитлера», нестерпимо холодную зиму 1941–1942 года и прочие причины, как будто наши бойцы воевали в неких особых тепличных условиях.

Писательница и военный переводчик Елена Ржевская, встречаясь с Жуковым в 1965 году, рассказала ему, что, просматривая в библиотеке им. Ленина газеты сорок первого года, увидела: под его портретом, напечатанным в связи с победой под Москвой в декабре месяце, кто-то из читателей вывел крупными печатными буквами: «НАША СЛАВА И СОВЕСТЬ!»

Как признают исследователи, Г. К. Жуков является ключевым инициатором и организатором многих наших побед. В годы Великой Отечественной войны он стал едва ли не самым ответственным лицом за судьбы миллионов солдат и показал себя невероятно талантливым и прагматичным полководцем.

Даже битые фашистские генералы в своих мемуарах вынуждены признать его бесспорным гением полководческого искусства, а наш народ по праву именует Георгием Победоносцем. Неслучайно за ним закрепилось звание, не предусмотренное «табелью о рангах» — Народный маршал.

«Жуков проявил себя специалистом первой величины в самом широком спектре военного искусства. Он исключительно точно определял стратегические планы противника, предлагал наиболее рациональные действия наших войск, — отмечает В. А. Афанасьев. — Этот человек — военный гений. Он был продуманным, взвешенным и глубоко объективным полководцем. Кроме того, он был народным полководцем, пользовался любовью и уважением солдат».

Кто считал, сколько тревожных бессонных ночей провел в тот опасный и напряженный период войны Георгий Константинович? Сколько исколесил раскисших от непогоды дорог, неустанно мотаясь по разным участкам фронта, сколько потерял сил и здоровья?..

После войны, работая над мемуарами «Воспоминания и размышления», маршал коротко, со свойственным военному человеку лаконизмом подчеркнул: битва за Москву была самой тяжелой в ходе Великой Отечественной войны.

Читая публикации о знаменитом полководце, порой создается ложное представление, будто он был стальным монолитом, начисто лишенным каких-либо эмоций. Можно лишь догадываться, какие мучительные переживания изматывали душу полководца в это трагическое лихолетье.

А каково было ему знать, что в его родной деревне Стрелковка, которую вот-вот захватят рвущиеся к столице фашисты, живут его престарелая мать и сестра?! Лишь в последний момент их удалось вывезти в безопасное место. С присущей им сатанинской злобой гитлеровцы сожгли его родовое гнездо дотла.

Георгий Константинович рассказывал, как благословляла его в детстве мать, навсегда провожая из деревни в Москву, в неведомую жизненную дорогу: «Помолившись, присели по старинному русскому обычаю на лавку.

¹ Здесь и далее цитирую выдержки из интервью А. В. Исаева интернет-ресурсу YouTube 4 февраля 2021 года.

“Ну, сынок, с Богом!” — сказала мать и, не выдержав, горько заплакала, прижав меня к себе»...

Генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов, командовавший под Москвой 78-й стрелковой дивизией, вспоминал: «На одном из приемов в честь Дня Победы к нему подошел Жуков, тепло поздоровался, обнял и спросил: “Помнишь, Павлантьич, ноябрь сорок первого?.. Волоколамку помнишь? У-ух, и тяжело было...” Глаза у него повлажнели, рука, лежащая на моем плече, дрогнула. Но я не удивился. Вспоминать самые критические дни обороны Москвы даже такому человеку железной воли, каким я знал Жукова, было невероятно тяжело...»

Генерал-майор в отставке Н. И. Протасеня вспоминает: «Да, личность Г. К. Жукова противоречива, противоречива и его практическая деятельность на всех армейских должностях. Известно, что он допускал и ошибки, и просчеты, будучи начальником Генерального штаба. Но ведь были триумфальные победы во время командования фронтами. И весьма важно, что сам Жуков никогда не отрицал, а признавал долю своей вины во всех допущенных ошибках. Он был человеком полным энергии, никогда не отступал перед трудностями, всегда сохраняя оптимизм даже при неудачах, всегда отдавал щедрость своей души окружающим людям. ...Когда Г. К. Жуков был министром обороны СССР, я уже находился в армейском строю и горжусь этим».

Питавший огромное уважение к боевому соратнику по оружию и верному другу, маршал А. М. Василевский отмечал, что среди других военачальников Георгий Константинович выделялся «Суворовским озарением». Можно объяснить эти слова так, что разум и действия Народного маршала озарялись Богом для принятия единственно правильного решения так же, как у победоносного Суворова.

Озарение, известно, это Божия помощь. Преподобный Иоанн Лествичник говорил о том, что помощь Господа подается только верным.

В мемуарной литературе о маршале Победы особняком стоит книга воспоминаний об отце Марии Георгиевны Жуковой «Маршал Жуков — мой отец»¹, отмеченная рядом литературных премий. В книге, выдержавшей несколько изданий, может быть, впервые столь глубоко и трепетно воссоздан живой, эмоционально-экспрессивный образ непобедимого полководца, сумевшего сохранить верное сердце православного христианина в условиях государственного идеологического богохульства.

Мария Георгиевна дает ясный ответ на вопрос: каким на самом деле был полководец как человек, как яркая индивидуальность. Вопреки официально установленной дате рождения — 1 декабря, она уточняет подлинную дату рождения отца — 2 декабря и сообщает, что, согласно церковным канонам, он был крещен на восьмой день, выпавший на 9 декабря (26 ноября по ст. стилю), когда празднуется память великомученика Георгия, в честь которого и получил свое имя.

«Факт, что отец сам праздновал свой день рождения именно второго декабря, — утверждает дочь маршала. — ...У меня, конечно, обостренное восприятие всего, что связано с именем отца, потому что для меня он —

¹ Жукова М. Г. Маршал Жуков — мой отец. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005.

очень высокий идеал!». И приводит проникновенные слова, написанные о Жукове архимандритом Кириллом (Павловым): «Печать избранничества чувствуется во всей его жизни... Промысел Божий избрал его быть спасителем России в тяжелую годину испытаний. Недаром Георгия Константиновича все русские люди любят как своего национального героя».

«Архимандрит Кирилл (я очень почитаю его и бесконечно благодарна за то, что он несколько раз принимал меня в своей келье) дал мне камертон отношения к любви и не любви к моему отцу, — отмечает Мария Георгиевна. — “И в отношении вашего отца, и в отношении вас будет много недоброжелателей, — сказал батюшка. — Но тех, кто испытывает любовь, будет несравненно больше”. И когда я вижу какие-то выпад в адрес отца, неправду и порой дьявольскую злобу, то вспоминаю слова отца Кирилла. Он ведь прошел всю войну. Его келейница сказала: у отца Кирилла есть две настольные книги, которые он читает всегда. Первая — это Евангелие, а вторая — “Воспоминания и размышления маршала Жукова”».

«Меня очень радует историк Алексей Исаев, который способен таким, как Резун, миллионными тиражами выпускавший свои насквозь лживые книжки, ответить аргументировано, развенчать эти злые мифы...» — говорит Мария Георгиевна.

Акцентируя внимание читателя на высокой морально-нравственной чистоплотности отца, дочь отмечает: «Мне кажется, он всегда был честен перед людьми, перед самим собой и перед Господом Богом. ...Когда постоянно молишься о родном человеке, то и чувствуешь его живым. “Скоро я умру, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту к тебе приду”, — вспоминает Мария Георгиевна завет отца. — Много раз потом я вспоминала этот разговор, размышляла над его словами — именно ими он перекинул для меня мостик из темной жизни в жизнь вечную».

Наместник Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов) разъяснил Марии Георгиевне: «Слова Георгия Константиновича говорят о том, что он как православный христианин верил в бессмертие души, а вы должны о нем молиться».

Поистине Г. К. Жуков был ниспослан свыше возглавлять победоносное шествие Красной Армии в жестокой схватке с фашизмом. Наша историческая жертвенная Победа выпала на день памяти великомученика Георгия, на Пасху. Война началась в воскресенье, в день памяти Всех Святых, в земле Русской просиявших. «Думаю, все это не случайно происходило в нашей истории, — говорит Мария Георгиевна. — Ведь Господь правит миром. Действительно, можно только удивляться связи жизненного пути отца с его небесным покровителем — великомучеником Георгием Победоносцем. ...А если говорить о вере отца, то лучше всего о его вере скажут его дела. “По плодам их узнаете их,” — сказал Господь» (Мф. 7:16).

Выходец из бедной крестьянской семьи, плоть от плоти русского народа, Г. К. Жуков, безусловно, осознал: без Православной веры нет России, не может быть сломлен жестокий враг, нет личной жизни, нет национальной культуры и памяти, нет будущего. Исконно Православие цементирует и воодушевляет нашу веру в неизбежную победу над врагами Отечества.

Известно, что маршалы Жуков, Василевский, Шапошников перед каждым сражением говорили: «С Богом!..» И не удивительно: они прошли школу мужества и верности родине еще до революции 1917 года (Геор-

гий Жуков окончил три класса церковно-приходской школы), начинали военную службу рядовыми солдатами, их мировоззренческий, духовно-православный уклад не могли поколебать официальные атеистические догмы советской эпохи.

Вспомним знаковые факты биографии прославленного полководца. Крестил младенца Георгия священник Василий Всесвятский на следующий день после появления того на свет. Нарекли младенца в честь святого великомученика Георгия Победоносца, римского полководца, принявшего мучения и смерть за исповедание веры Христовой.

Недопустимо оспаривать православное мировидение Г. К. Жукова, как повелось в либеральных писаниях. Есть убедительные свидетельства его огромной, неодолимой тяги к Господу нашему Иисусу. По свидетельству архимандрита Иоанна (Крестьянкина), Георгий Константинович постоянно возил с собой по фронтам Казанскую икону Божией Матери.

В народной памяти прочно закрепились такие истории. Один человек рассказывал, что в начале войны Жуков прислал в их деревню под Нарофоминском машину со священником, чтобы окрестить всех детей. Священник из села Омелец Брестской области в письме к Жукову, поздравляя его с Победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Вскоре от маршала пришла посылка весом в тонну — три колокола! Колокола висят там и по сей день. А прихожане бережно хранят письмо маршала.

В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал отбил у фашистов. В одной из своих проповедей архимандрит Кирилл говорит: «Надо отдать должное руководству страны, которое воздвигло такого гениального полководца, как Жуков. В прежние времена Господь воздвигал для России Суворова, Кутузова. В наше время Георгий Жуков — это была милость Божия. Мы обязаны ему спасением».

Архимандрит Тихон (Шевкунов) подчеркнул: «Георгий Константинович Жуков поистине великий человек, без которого судьба нашей страны и судьба каждого из нас была бы другой. Его можно назвать последним истинным русским генералом. Потом были люди в военной форме, были, конечно, и генералы, но этот — последний, который делал то, чего ждали от него Бог, народ и его совесть. Именно в этот день я хочу пожелать, чтобы в России появился еще один такой человек, хотя бы один. Насколько нам нужен такой человек сейчас! Верую и надеюсь, что по молитвам Церкви и бесчисленного множества молитвенников за его душу Господь упокоит душу воина Георгия в Небесном Царствии. И он сам будет молиться за нас и за наше Отечество, как могут это делать люди, сподобившиеся быть при жизни сотрудниками Божиими, а именно таким был и человек, которого мы сегодня поминаем. Вечная ему память!»

Мария Георгиевна Жукова неоднократно указывала на православное мировоззрение своего отца, на его веру, которую нынешние либеральные СМИ замалчивают. Однако с Божией помощью мы преодолеваем те заслоны, которые становятся на пути восприятия Жукова — великого христианина.

...Не станем излишне героизировать и романтизировать гениального полководца. В быту, в отдельные минуты опасного военного лихолетья, в рутине житейской повседневности он подчас давал волю своему горячему нраву, демонстрировал далеко не лучшие черты своей крутой натуры: гневливость, вспыльчивость и т. п.

Парад Победы в Москве. 1945 г. Художник Филипп Москвитин

Но горой стоял маршал за рядового солдата, с отцовской любовью относился к низшим чинам. Яростно ненавидел мелочность, расхлябанность, амбициозное честолюбие, бюрократическую волокиту. Встречаясь с подобным в военной среде, мгновенно взрывался неудержимым гневом, голос его звенел сталью. Безответственные ленивцы и разгильдяи в полной мере на себе ощущали силу жуковской суровости.

Показателен эпизод в кинофильме режиссера Ю. Н. Озерова «Битва за Москву». Подразделение молодых курсантов военного училища спешно окапывается на передовой, готовясь героически встретить врага. К ним подъезжает легковой автомобиль с командующим Жуковым. Георгий Константинович подходит к бойцам, ободряюще интересуется их настроением, готовностью отразить наступление оккупантов и вдруг замечает, что в сырую холодную погоду они все еще не обмундированы по-зимнему, гимнастерки их намочили и не спасают от пронизывающего ветра...

Жуков вскипает горячим гневом и отдает сопровождавшему офицеру жесткую команду: курсантам немедленно доставить шинели, а отвечающего за обмундирование нерадивого интенданта отдать под суд. Гадать не приходится — виновного ждет трибунал и, возможно, расстрел. Таковы неумолимые жестокие правила беспощадной битвы. На войне как на войне.

На прощание командующий проникновенно, по-отцовски обращается к курсантам:

— Я прошу вас, сынки, продержитесь! Два дня, еще два дня...

Жуков знал: на подходе к фронту свежие резервные воинские части. Но им нужно время, хотя бы пару дней, чтобы успеть доехать до фронта и, вступив в бой, погнать лютого врага вспять.

...Послевоенная жизнь легендарного маршала сложилась крайне драматично. Его надежде целиком посвятить себя необходимому реформированию армии не суждено было сбыться. Ему пришлось испытать и временное недоверие подозрительного Сталина, и понижение в должности, и особенно морально угнетавшее его предательство одного из верных в прошлом боевых товарищей, и даже грязное и несправедливое обвинение в причастности к грабежам в Германии...

Естественно, это выбивало из колеи, подрывало здоровье, не давало ему всерьез заняться служебными делами и написанием мемуаров о минувшей войне, мешало разглядеть, кто верный друг, а кто подлый и коварный враг.

В июне 1957 г. Георгий Константинович совершил роковой шаг, выступив союзником Хрущева против «старых» сталинских соратников (Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова), пытавшихся на заседании Президиума ЦК убраться Хрущева с высшей партийной должности.

Еще до начала работы Июньского пленума ЦК партии Г. К. Жуков жестко заявил:

— Я требую созыва пленума. Армия не потерпит снятия тов. Хрущева на Президиуме. Должны быть соблюдены все нормы социалистической законности.

«Армия не потерпит» — означало, что танки Кантемировской и Таманской дивизий, базирующиеся под Москвой, по первому же приказу министра обороны Жукова окажутся в столице и наведут должный порядок.

Грозное и неожиданное заявление маршала Победы вызвало шок и повергло в ужас «антипартийную группу».

Сокрушительная победа Хрущева не могла бы состояться без прямой и решающей поддержки Жукова, наглядно показавшего, что всесильная армия может свергнуть любого нерадивого руководителя страны. И Хрущева это очень волновало, ведь Жуков был министром обороны и мог, по мнению Никиты Сергеевича, легко сместить его самого...

Кто-то из низвергнутых «раскольников» тогда бросил в лицо Г. К. Жукову: «Ты будешь следующим!» Так оно скоро и произошло.

Но очень далекий от подковерных игрищ кремлевских небожителей маршал был твердо уверен, что Хрущев — человек чести и верности своему слову. Это была его большая ошибка. Полководец не разглядел, как это часто случалось в мировой истории, «темной лошадки», одержимой непомерным властолюбием.

В октябре 1957 г., спустя всего лишь четыре месяца после Июньского пленума ЦК, возвратившегося в Москву после визита в Югославию Г. К. Жукова сняли с министерского поста, что явилось для него огромным моральным ударом...

Маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал: «Когда Жуков прилетел в Москву, не зная, что уже снят Хрущевым, его встретила на аэродроме не обычная свита, а порученец, сообщивший об освобождении с поста министра обороны.

— А кого назначили? — спросил Жуков.

— Малиновского, товарищ маршал.

— Ну, это еще ничего, — сказал Жуков, — а то я подумал — Фурцеву... (министра культуры СССР. — В. Ю)».

Это тоже Жуков. Едко ироничный, самолюбивый, остро ранимый, беспечно доверившийся — и кому?! Хитроумному Хрущеву. Не разглядев, что

тот цинично использовал его высочайший воинский авторитет, славу как мощный рычаг на пути к вождеденному кремлевскому олимпу.

Полководец и мысли не допускал, что ему отплатит черной неблагодарностью тот, кого он буквально спас от неминуемого падения в политическую бездну. Вождь страны Сталин от него не требовал прогнуться, а мелкотравчатый Хрущев жаждал поднять под себя всех.

По свидетельству современников Хрущев был малообразованным, но вовсе не глупым человеком, опытным аппаратчиком и отменным интриганом. Он плохо разбирался в вопросах экономики, зато обладал житейской сметкой, что сделало его серьезнейшим игроком на политическом поле и вовсе не случайно вывело на путь к бесконтрольной и единоличной власти.

Г. К. Жуков дважды спасал Хрущева от неизбежного падения в политическое небытие, возможно, и от физической расправы кремлевскими «друзьями-товарищами». Впервые это произошло после смерти Сталина.

...26 июня 1953 г. всесильный глава МВД СССР Лаврентий Берия был арестован группой военных во главе с Жуковым прямо на заседании Совета министров. Приговором специального присутствия Верховного Суда СССР он был обвинен в предательстве и работе на буржуазное правительство Азербайджана и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Длительное время Берия находился в ближнем кругу Сталина и считал себя первым претендентом на место умершего вождя, для этого он обладал всеми качествами: природным умом и хитростью, огромным опытом партийной деятельности и работы в спецслужбах. Во время Великой Отечественной войны ему была доверена оборона Кавказа. Памятны его заслуги в создании атомного оружия, а также планируемый им курс на либерализацию советского общества.

Что заставило маршала Победы поддаться на уговоры Хрущева и его ближайшего окружения «скинуть ненавистного Берия»?.. Он хорошо помнил, как его несправедливо обвиненные боевые товарищи пострадали в казематах Лубянки, и этого он простить Берии не мог. У армии тоже было много причин ненавидеть главу МВД, осуществлявшего незаконные репрессии против военных.

В 1950-е годы набирала силу «холодная война» между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Наступила эра межконтинентальных баллистических ракет. Это хорошо понимал Г. К. Жуков.

Не исключено, что Никита Сергеевич мастерски прельстил его доверительными обещаниями совместно осуществлять кардинальные реформы в армии. Но это не означало, что от традиционного вооружения следовало вовсе отказаться. Однако ракетная эйфория захлестнула мозги Хрущева. В результате были перепрофилированы многие военные вузы и КБ, пошли на металлолом пушки и самолеты, что вызвало резкий протест у маршала Победы. Но — было поздно: он уже не стоял у руля вооруженных сил страны...

Для подстраховки при аресте Берии принял решение ввести в Москву танки. Около трехсот грозных машин Кантемировской и Таманской дивизий заняли стратегические точки столицы, но арест Берии прошел тихо, «культурно» и фактически незаметно для жителей столицы.

По словам историка Е. Ю. Спицына, «заговорщиками ставилась задача не только устранить хозяина Лубянки, но и, как было отражено в записке Маленкова, «поставить аппарат МВД СССР на службу партии и правитель-

ства и взять все его органы под полный контроль, поскольку они занимают особое место в системе государственного аппарата и здесь имеется наибольшая возможность злоупотребить властью»¹.

Берия обладал мощным тайным оружием против своих кремлевских конкурентов, так или иначе участвовавших в большом терроре 1930-х годов: в его архивах хранился на них «черный» компромат. Ему казалось, что путь к высшей власти расчищен, поэтому он откровенно игнорировал все партийные органы, в том числе секретариат ЦК, и, сосредоточив в своих руках огромную власть, мог не только снять с должностей всех первых лиц государства, но и подвергнуть физическому уничтожению.

Вот почему кремлевская верхушка так сильно опасалась всесильного наркома МВД, что и послужило их временному единодушному сплочению и решению от него как можно скорей избавиться.

«Я не верил ему (Берии. — В. Ю.), способному на все! На все! На все!! — трижды нервно — возбужденно восклицает Хрущев в своих надиктованных мемуарах, озвученных в документальном фильме “Никита Хрущев. Голос из прошлого”. — Это мясник! Это убийца! Я волновался за будущее страны. От Берии надо было избавиться! Это был наш единственный шанс спастись».

Что можно сказать о воспоминаниях Хрущева? Если человек всю жизнь лгал, то смешно думать, что его мемуары искренни и правдивы. Безусловно, Никита Сергеевич волновался — да еще как! Но не столько за будущее страны, сколько за свою карьеру и собственную жизнь.

Трагикомизм сложившейся коллизии состоял в том, что, если бы заговорщики не устранили Берия, то Берия устранил бы их. Третьего было не дано.

Избавившись от Берии, разогнав по дальним городам и весям членов «антипартийной группы», наконец, коварно сместив Г. К. Жукова с должности министра обороны, Хрущев окончательно развязал себе руки для единовластного правления, наломав за годы своего «абсолютизма» столько дров, что современные историки все еще не могут разгрести завалы его безграмотного и зловещего для страны авантюристического политиканства.

Как известно, абсолютная власть развращает абсолютно. От абсолютной власти у Никиты Сергеевича случилось непомерное головокружение, критиковать его никто не смел, он с невероятной легкостью позволял себе грубую брань и хамское отношение даже к членам правительства.

Еще в 1930-е годы, в бытность своего руководства Украиной, Никита Сергеевич умел радовать вышестоящие органы эффектными карательными акциями, демонстрируя активную борьбу с «врагами народа». На одном из длинных расстрельных списков, подписанном Хрущевым, возмущенный чрезмерно хвастливыми реляциями своего подопечного Сталин начертал: «Уймись, дурак!»

В своем интервью историк Е. Ю. Спицын процитировал телеграмму 1937 года от «дурака» вождю: «Украина Вам посылает 16–18 тысяч репрессированных ежемесячно, а Москва утверждает 2–3 тысячи... Прошу принять меры. Любящий Вас Хрущев».

При этом тех, кого «любящий» вождя Хрущев тогда клеймил «врагами», через двадцать лет он громогласно назовет «жертвами культа личности Сталина», списав на последнего свои же злоупотребления властью.

¹ Здесь и далее цитирую интервью Е. Ю. Спицына интернет-ресурсу YouTube от 11 февраля 2018 года.

По свидетельству современных русских историков, Никита Сергеевич приложил немало усилий, чтобы из архивов исчезли многочисленные расстрельные списки, в конце которых стоит его подпись. Но ведь шила в мешке не утаишь...

Как утверждает Е. Ю. Спицын, Н. С. Хрущев выпустил на свободу всех законно осужденных после войны бандеровцев, власовцев, «лесных братьев», участников украинских, литовских и латышских полицейских батальонов и прочих предателей Родины. Сотни тысяч коллаборантов, которые служили в германском вермахте, в гитлеровских зондеркомандах, в полиции и в других военизированных структурах, были реабилитированы, а многие из них возвращены из лагерей на постоянное место проживания. Достаточно сказать, что на территорию Западной Украины вернулись более 70 тысяч активных оуновцев. Многие из них проникли в руководящие партийные органы Украины с целью подрывной антисоветской деятельности.

Вряд ли мог предвидеть легендарный маршал, к каким глобальным социально-политическим катаклизмам подведет страну его активная поддержка Хрущева, породившего, по выражению ультра-либералов, пресловутую «хрущевскую оттепель», а, по словам русских национал-патриотов, трагическую «хрущевскую слякоть»...

Следовательно, есть основание считать, что именно с Хрущева началось разрушение нашей великой страны, его неграмотная авантюрно-волюнтаристская политика дала зеленый свет необдуманной и вредной либерализации СССР и в скором времени его крушению.

История всех авторитарных режимов и их лидеров, как правило, завершалась незавидным концом. Трудно назвать диктатора, который счастливо, в почете и всеобщем преклонении закончил бы свою жизнь. Беда их в том, что каждый считает себя уникальным и питает иллюзии, что он учтет ошибки предшественников и с ним ничего страшного не случится. Увы, никому из них горькой участи избежать не удавалось и не удастся. Таков неумолимый закон истории.

Н. С. Хрущева тоже ждал незавидный политический финал: он, как и Берия, был низвергнут со своего высшего государственного поста в результате заговора своих кремлевских «товарищей», с той лишь разницей, что ему гуманно было даровано закончить жизнь почетным советским пенсионером...

Г. К. Жуков по натуре не был царедворцем, не скрывал своего резкого отвращения к омерзительным властным интригам. Надо признать, В. М. Молотов был прав: в политике у знаменитого маршала «ничего бы не вышло», ибо стихия закулисных сплетен, служебных подсиживаний, злой зависти, ненависти в стане кремлевской верхушки была глубоко ему чужда. Известный афоризм: «есть такая профессия — Родину защищать» всецело адресуется легендарному маршалу. Ни о чем другом он никогда не помышлял.

...Но вернемся к памятным годам Великой Отечественной войны. Бойцы и командиры не просто любили своего непобедимого маршала — боготворили! У красноармейцев была любимая поговорка: где Жуков — там победа. Об этом догадывались и враги. В немецких штабах говорили: там, где находится Жуков, жди русское наступление.

Соратники полководца глубоко чтили его огромный стратегический дар, тонкое понимание военного искусства, великодушно прощая ему чудачества, вспыльчивость, несправедливое к себе отношение.

«Жуков в последнее время заметно переменялся, — говорил мне (т. е. Ф. Чуеву. — В. Ю.) Голованов в 1968 г., — стал человечнее. Сейчас он очень болен. Узнал, что у жены рак, и его тут же, в больнице, хватил инсульт. Разговаривает с трудом, возят его в коляске. А когда был здоров, говорил: “Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, а оказалось, ничего нет. Пенсия 400 рублей, из них первой жене посылаю 200 — ей-то какое дело, что я уже не министр? Попросил солдата сдать мой баян в «комиссионку», принес 500 рублей. Я бы мог, конечно, ездить на трамвае, но ведь я одиозная фигура, меня будут снимать для иностранных журналов”!»

Подумать только — прославленному на весь мир маршалу Победы было жить не на что!.. Деньги появились, только когда вышла в свет его книга «Воспоминания и размышления», но эти деньги уже уходили на врачей...

...Старых и новоявленных пасквилянтов, лже-толкователей нашей истории хлебом не корми, подавай сногшибательные сенсации да жареные «факты» ради искажения подлинной правды. Неугомонные писарчуки повторяют, мол, «слишком много солдатской кровушки полководец *напрасно* пролил». Поистине каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

Порой не отстают от злобных западных мифотворцев и некоторые российские либеральные СМИ. Уже в который раз, как заезженную пластинку, крутят наши телеканалы псевдодокументальный фильм о Г. К. Жукове, в котором все тенденциозно сведено к послевоенной травле полководца Сталиным.

Либеральные историки и политологи преднамеренно сталкивают Жукова и Сталина с целью осквернить как того, так и другого.

Надо прямо сказать: личные отношения между ними были далеко не простыми. Однако достаточно напомнить, что великого полководца наградили четырьмя звездами Героя Советского Союза. Но ведь высокие награждения Г. К. Жукова были инициированы именно Верховным Главнокомандующим, не случайный же ветер занес их на широкую грудь прославленного маршала?!

О высоком и безусловном доверии Сталина к своему маршалу говорит и тот факт, что в самые горькие месяцы отступлений, крупных поражений Красной Армии Сталин направлял его на тот участок, где военная обстановка была самой опасной и где положение мог исправить только Жуков. 27 августа 1941 г. Сталин назначил Жукова своим первым заместителем. Разве могло быть это высокое назначение случайным?..

Г. К. Жуков вспоминал: «К моему сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум». И, подумав, добавил: «Сталин меня снимал, понижал, но не унижал. Попробуй меня кто-нибудь при нем обидь — Сталин за меня голову оторвет!» И показал рукой, как бы это сделал Сталин.

Сталин не только уважал военно-стратегический дар полководца. Он понимал, что Жуков для народа будет олицетворять нашу историческую Победу, и потому способствовал укреплению его авторитета.

Сами за себя говорят знаковые факты: полную и безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии от немецкого фельдмаршала Кейтеля — принимал Жуков. Парад Победы — принимал Жуков. Два ордена Побе-

ды — у Жукова. Шесть орденов Ленина — у Жукова. Четыре золотые Звезды Героя — у единственного из полководцев — Жукова. Вот истинное отношение вождя к своему маршалу-победоносцу.

Известно, как в одном из документов переусердствовали и перед подписью Жукова напечатали не «заместитель», а «первый заместитель Верховного Главнокомандующего».

— Я не первый, а единственный! — резко возразил Георгий Константинович.

«Жуков есть Жуков, а Сталин есть Сталин, и отечественная история обязана воздать каждому по заслугам, “добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева”», — резюмирует в своих документальных записях Феликс Чуев.

В самом деле, ставить на одну доску Сталина и Жукова — нельзя, поскольку вождь был главой государства, возглавлял ГКО, другие высшие государственные и политические органы, руководил всей экономикой страны, утверждал планы всех основных военных операций, а в разработке основных операций Великой Отечественной войны принимал самое активное участие. Он был Верховным Главнокомандующим. А Жуков координировал действия нескольких фронтов и был **единственным** заместителем Верховного Главнокомандующего.

...После войны, в период правления Н. С. Хрущева, когда имя Сталина даже упоминать было запрещено, в своих публичных выступлениях гордый и независимый, со свойственной ему солдатской прямоотой Георгий Константинович говорил: «Сталин был вполне достойным Верховным Главнокомандующим, человеком компетентным в военной области, в стратегии. Он уважал личные качества человека и высоко ценил его профессионализм».

Мнимые «знатоки» биографии Г. К. Жукова клеветают: дескать, полководец не щадил ни солдат, ни младших по званию офицеров, часто воюя числом, не умением, был, мол, не раз замечен в рукоприкладстве по отношению к подчиненным...

Вряд ли бойцы и командиры Красной Армии отвечали своему командующему столь ярко выраженной любовью и преданностью, если бы видели в нем немилосердного тирана-людоеда.

К примеру, под сильным натиском гитлеровцев Ленинград мог быть сдан в любой день. Решалась судьба миллионов мирных жителей города с его крупной промышленностью (треть оборонного потенциала СССР) и огромным культурным наследием. Отступить хотя бы на шаг — означало оставить последние позиции, сдать врагу «колыбель большевистской революции» и тем самым значительно усилить группировку фашистов, нацеленных на Москву. Спасать Ленинград Сталин направил именно Жукова.

Действительно, 28 сентября 1941 г., в напряженнейших фронтовых условиях, сложившихся под Ленинградом, полководец прибегнул к суровой резолюции: «Все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны, и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». Правда, политуправление Балтийского флота не последовало резолюции и расстреливало только паникеров и перебежчиков.

Вызванная опасными военными обстоятельствами беспрекословная требовательность командующего оправдывалась интересами и победными результатами военных операций. Благодаря блистательно организованному

военному руководству Жукова и героизму и мужеству наших воинов, Ленинград был спасен.

Что же помогало Г. К. Жукову быть столь блистательным полководцем?

Немало потрудившийся над документами времен Великой Отечественной войны кандидат исторических наук Алексей Исаев утверждает: Жуков требовал сохранения жизни бойцов и командиров в каких бы то ни было трудных фронтовых условиях, что проходит красной нитью во всех его приказах, начиная с 1941 года. Эти приказы ныне общедоступны.

«Все легенды о невероятной жестокости маршала ничем не подтверждаются. Давайте почитаем документы, чтобы в этом убедиться», — призывает А. В. Исаев и цитирует запротоколированные слова Г. К. Жукова: «Я запрещаю атаки в лоб на укрепленные населенные пункты. Используйте охваты, обходы»¹.

Так, готовя Висло-Одерскую операцию, Жуков еще и еще раз настойчиво напоминает о необходимости сбережения бойцов и командиров. «Не случайно, — подчеркивает А. В. Исаев, — у Жукова результаты безвозвратных потерь были стабильно ниже, чем у других командующих, соседей по фронту, что опять-таки документально подтверждено. То же самое под Будапештом и Берлином. Поэтому называть Жукова “мясником”, клеветнически приписывать ему пошлую и циничную фразу “Солдат не жалеть — русские бабы еще нарожают”» — нельзя».

Военные специалисты признают: Г. К. Жуков был лидером с точки зрения оперативного искусства, неизменно следовал передовой военной мысли, по-суворовски наставлял подчиненных побеждать противника не числом, а умением, постоянно совершенствуя тактику и стратегию, с учетом поведения противника на поле боя.

Курская битва, как известно, стала одним из самых ярких событий военной истории и поворотным пунктом в ходе Великой Отечественной войны, после которой Германия так и не смогла взять инициативу в свои руки. Но вот что характерно: знаменитое танковое сражение под Прохоровкой, которое часто рисуется в исторических источниках и кинофильмах яркими победными тонами, полководец в своих мемуарах старается подробно не комментировать. Почему?

Известно, что Жуков лично обошел догорающее поле боя, а после жестоко отчитал командующего танковой армией П. А. Ротмистрова за победу такой дорогой ценой. По данным ряда военных историков, наши потери в живой силе и технике там оказались неоправданно велики: за один день боя из имевшихся 640 машин армия Ротмистрова потеряла более 300. Тогда от гнева Сталина Ротмистрова спасло заступничество маршала Василевского...

«Маршал любил смотреть на поле боя своими глазами, предпочитая быть ближе к передовой, и этого требовал от своих подчиненных. Это его сильная черта как великого полководца, — подчеркивает А. В. Исаев. — Жуков был новатором в самых разных вещах. Он требовал максимальной скрытности при проведении боевых операций, придавал большое значение контрразведке, был одним из родоначальников внедрения в пехоту тактики штурмовых действий малыми, специально подготовленными отрядами.

¹ Здесь и далее цитирую выступление А. В. Исаева в интернет-ресурсе YouTube, 2019 года.

Методичку Жукова, как прорывать оборону немцев, рассылали по всем фронтам».

Насквозь лжив и клеветнический миф, будто маршал Победы лично расстреливал провинившихся. Мария Георгиевна Жукова говорила, что отец пистолета не носил, считал, что у него есть охрана, а пистолет для человека его ранга не требуется, это украшательство и позерство, коим он никогда не страдал. Поэтому лично расстреливать Жуков технически не мог. Да, документы сохранили приказы маршала об отдаче под трибунал того или иного провинившегося. Но это вовсе не значит, что того немедленно ставили к стенке.

Конечно, были у Г. К. Жукова и неудачи, и ошибки, особенно в первые месяцы войны, когда враг был очень силен и, казалось, неостановим. Но именно победы, их грандиозный масштаб и значение для общего успеха дела определили место и славу гениального русского полководца в истории Великой Отечественной войны.

Объяснимо и жесткое подавление Г. К. Жуковым венгерского антикоммунистического восстания 1956 года (операция «Вихрь»). Мятеж спровоцировали западные разведслужбы с вполне очевидной провокационной целью — подорвать единство стран Варшавского договора, ослабить роль СССР на международной арене.

Венгерские события 1956 года — это первая попытка международной реакции изменить государственный строй в суверенной социалистической стране, которая едва не вылилась в кровавую гражданскую войну. Ценою своих жизней советские солдаты и офицеры пресекли преступный замысел западных спецслужб, восстановили законность и порядок на территории Венгерской Народной Республики.

...Мы знаем, как нынче цинично глумятся русофобы над памятью прославленного маршала на Западе и в ряде постсоветских республик. В Харькове украинские радикалы снесли бюст Георгия Константиновича. В Одессе осквернили такой же бюст. Депутат Верховной Рады Мосийчук оскорбил святую память маршала, назвав его «украинофобом». Подобным примерам кощунственного вандализма нет числа.

Находятся политические извращенцы, которые до такой степени заходят в истерической ненависти к России и ее прославленным героям, что не замечают, как сами становятся всеобщим посмешищем. К примеру, один такой горе-мемуарист витийствует: мол, не желая превозносить над собой Жукова, «Сталин собирался сам принимать исторический Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года, но во время репетиции конь сбросил его на землю. Иосиф Виссарионович решил не рисковать бесценным для страны здоровьем. “Куда конь с копытом, туда раку с клешней не следует соваться”, — пошутил вождь и объявил, что принимать парад должен Георгий Жуков». В комментариях подобная примитивная стряпня не нуждается.

Случайно ли то, что на Западе вышло много книг о крупных военачальниках времен Второй мировой войны? В библиотечных каталогах насчитывают 190 книг об Эйзенхауэре, 65 — о Монтгомери, около 50 — о Роммеле, 45 — о Патоне и всего 2-3 книги о Жукове.

Поэтому неудивительно, что огромное число европейских жителей не интересуются нашей величайшей, определившей судьбы человечества Победой, имеют о ней смутное представление.

По итогам социологического опроса, 95 процентов молодых британцев считают, что Германия была союзницей их страны в этой войне, тогда как Советский Союз — врагом. В Европе предпочитают называть великой войной империалистическую Первую мировую, но применительно к войне против угрожавшего всему миру гитлеровского фашизма это определение ими не применяется.

Сегодня большинство американцев не знают о Г. К. Жукове просто ничего!.. К счастью, историческая амнезия коснулась не всех: американский главнокомандующий генерал Эйзенхауэр еще летом 1945-го сказал, что весь мир, все человечество в величайшем долгу перед Георгием Константиновичем Жуковым, в большем долгу, чем перед кем бы то ни было.

Американский военный историк Майкл Кайдэн писал: «Жуков был полководцем полководцев в ведении войны массовыми армиями двадцатого столетия. Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник. Он был чудо-маршалом. Перед нами — военный гений!»

В Лондоне есть крупный Имперский военный музей, посвященный Второй мировой войне, в котором широко экспонируются не модели, а настоящие танки, самолеты, пушки. В одном из главных залов музея стоит огромный бюст маршала Г. К. Жукова. А далее экспозиция этого музея правдиво рассказывает, как в тесном боевом содружестве англичане и русские победили во Второй мировой войне.

Надо отдать должное британцу Альберту Акселлу, написавшему честную и правдивую книгу «Мир в долгу у маршала Жукова», что не прошло незамеченным в Европе: ее презентовал общественности вышеупомянутый лондонский Имперский музей войны.

Профессор Кингз отметил, что Альберт Акселл приблизил нас к настоящему Жукову больше, чем кто-либо из предыдущих биографов, создав убедительный портрет одного из наиболее выдающихся полководцев XX столетия.

На вопрос журналиста о его отношении к русскому легендарному полководцу Акселл ответил: «Я не одинок в своем восхищении Жуковым, одержавшим блестящую победу. Он стал персонифицировать для многих думающих и честных людей на Западе величие своей страны. И Эйзенхауэр, и Монтгомери, и Алан Брук — все они почитали Жукова за его честность, открытость, интеллигентность, за стержень, который он имел внутри. Жуковым нельзя не восхищаться. Недаром же западные военные историки ставят его в один ряд с Александром Великим и Наполеоном, считая, что Жуков изменил курс истории. <...> Не стоит удивляться, что есть люди, которые презирают Жукова, есть люди, которые презирают и Иисуса Христа...»

Акселл решительно отвергнул злые клеветнические софизмы Резуна-Суворова о русском маршале: «Жуков не грабил Германию. Жуков оставил своим теоретическим наследием бесценные критические обзоры западных теоретиков по вопросам Второй мировой войны. Заявления автора (Резуна-Суворова. — В. Ю.) есть абсолютный нонсенс, ставящий под серьезное сомнение его собственный интеллект. <...> Если бы то, что сказал Виктор Суворов сегодня, было сказано им во время войны, никто не сомневался бы, что он продался врагу».

По мнению Альберта Акселла, Вторая мировая война была войной без правил, войной, в которой цель оправдывала средства. Эту войну невоз-

можно было выиграть иным путем, ибо она обречена была быть кровавой и жертвенной со стороны Советского Союза, потому что установкой Гитлера было тотальное истребление всего, что стояло на его пути — этакое победоносное до поры до времени шествие массового убийцы. Как образно выразился британский писатель: «Нельзя было поставить главнокомандующим церковного пастора, исповедующего “Не убий!”», против того, чьей собственной целью было тотальное истребление мирного населения. Есть только один принцип в войне, гарантирующий победу: не отступать и не сдаваться врагу. <...> Имя Жукова — очень сильный катализатор. Супердержава, величие, подвиг, патриотизм, Победа — вот что ассоциируется с именем маршала Жукова».

Дочь легендарного маршала Мария Георгиевна хранит записные книжки отца, из которых явствует: размышления Г. К. Жукова чрезвычайно актуальны в наше время. Над страной вновь сгустились тучи мирового зла и ненависти к святой памяти наших героических отцов и дедов. Россия стала главной мишенью информационно-психологической гибридной войны. Жизнь диктует необходимость тесного объединения усилий нашего народа со Святой Соборной и Апостольской церковью.

Великий маршал завещал молодым поколениям: «Охотники до нашей земли и наших завоеваний по-прежнему есть и, думаю, еще долго не переведутся. И потому в любой момент надо быть готовым к суровому часу. Учитесь, знайте, что наши враги не сидят, сложа руки». Г. К. Жуков отчетливо видел, что послевоенная Европа идет по пути активной реабилитации нацизма, упакованного в лютую, разнузданную русофобию.

«Жуков ненавистен фашиствующим молодчикам как символ победы над фашизмом. Ведь кому-то очень надо пересмотреть итоги Второй мировой войны», — четко объяснила Мария Георгиевна.

Вот почему на Украине и в ряде бывших советских республик и стран русоненавистниками всех мастей делается попытка перечеркнуть имя маршала Победы, других выдающихся полководцев, как и героизм всего советского народа в период жестоких военных испытаний.

«Оглядываясь назад, человек моего возраста все раскладывает по полкам, — вспоминал маршал. — Хорошо ли прожита жизнь? Считаю, что хорошо. Я счастлив, что родился русским человеком. И разделил со своим народом в минувшей войне горечь многих потерь и счастье Победы».

...С молодости Жуков отличался необычайной физической силой. Мог в одиночку поднять несколько ящиков с артиллерийскими снарядами, всю жизнь обливался холодной водой, был отличным наездником, профессионально занимался конным спортом, никогда не мог сидеть без дела, в редкие свободные минуты делал блесны для рыбной ловли, любил столярничать и что-то мастерить. С детства Георгий Константинович увлекался чтением. Его личная библиотека насчитывала более 20 тыс. томов с частыми пометками маршала.

Внешний облик Г. К. Жукова описал преданный ему офицер охраны Николай Иванович Пучков: «Георгий Константинович был красивым человеком: от лица с правильными чертами, высокого лба мыслителя и волевого подбородка веяло мужеством и решительностью. Особенно впечатляли серые с голубишной глаза, отражавшие большую работу мысли. Его внимательный проникающий взгляд выдержать было очень трудно, особенно тем,

кто провинился. Георгий Константинович был невысокого роста, но низким не казался. Я объясняю это его внушительным видом и могучим телосложением. Жуков обладал прекрасно развитой мускулатурой, и, несмотря на большой вес, его походка была легкой, спортивной. Сказывалась многолетняя тренировка спортсмена — конника, охотника. Физическая сила Жукова была настолько велика, что однажды, испытывая ее на специальном игровом приборе в парке, он вывел из строя этот прибор: измеритель не выдержал, «зашкалил»».

...Размышляя о своеобразии мировоззрения Г. К. Жукова, невольно задаешься вопросами: что питало и формировало его фундаментальные основы понимания жизни? Какие целебные истоки придавали ему сил и воли в преодолении тяжелейших испытаний? И приходишь к выводу: Георгий Константинович вышел из самых недр русского трудового крестьянства, с молоком матери впитал подлинно народное миропонимание. Надежный национально-духовный компас безошибочно вел русского патриота по верному пути безоглядного служения родной Отчизне.

Как точно и емко формулирует известная кубанская поэтесса Анна Перезова, «Георгий Константинович Жуков — фигура народная».

В детские годы, в условиях нелегкой крестьянской жизни он познал неимоверную тяжесть сельского труда, помогая больной, не по годам постаревшей от житейских невзгод матери, понял истинную цену куска хлеба, заработанного собственными руками. Острая жажда знаний, помноженная на волевою устремленность, помогла одаренному и целеустремленному юноше-самородку стать крупным военным стратегом-мыслителем и непревзойденным организатором. Яркие качества его уникальной природы формировались национально-патриотическими взглядами и убеждениями, православной набожностью, в основе которых лежала его неизбывная преданность отчей земле.

Как истинно русская натура Георгий Константинович отличался искренностью, непосредственностью, невероятной простотой в общении, отсутствием даже намека на чопорность. Так, на праздничном банкете в честь Великой Победы над гитлеровской Германией он лихо отплясывал «русскую» — победоносная война была окончена, можно и расслабиться!..

...Последние годы жизни Г. К. Жуков провел за трудной, стойкой ему немалой потери здоровья работой над мемуарами «Воспоминания и размышления». В них он попытался честно и правдиво показать истинную картину жестокой борьбы Советского Союза и фашистской Германии, раскрыть объективную роль И. В. Сталина, дать свои оценки действиям полководцев-сратников и поведать об исключительно негибаемой силе воли и мужестве советского народа, обеспечившего невероятно трудную историческую Победу. «Служение Родине, своему народу было главным в моей жизни», — этими словами завершал великий полководец свой грандиозный труд.

Естественно, что в то время полностью опубликовать подобные уникальные мемуары не представлялось возможным, их много, где надо, а чаще, где не надо, правили и сокращали. По выражению Г. К. Жукова, досужие цензоры занимались «крюкотворством». Чуть ли не каждый известный на то время политический деятель стремился навечно оставить свое имя на пантеоне славы и включиться в «герои» мемуаров прославленного маршала.

Без преувеличения, борьба за выход в свет своих воспоминаний стала последней битвой знаменитого маршала, в которой он все-таки одержал победу — книга нашла читателей, но какой дорогой ценой!.. Было резко подорвано его здоровье. Одна беда гонит другую: ушла из жизни его вторая жена, а 18 июня 1974 г. не стало и Георгия Константиновича...

Сейчас существует несколько вариантов «Воспоминаний и размышлений». Например, в их прижизненной редакции 1970 г. Г. К. Жуков уважительно отзывается о Сталине, о руководстве Советского государства. А редакция 1989 г., напротив, изобилует язвительными и уничижительными выпадами в адрес вождя. Изданный в 2011 г. двухтомник той же книги — зримое свидетельство того, что количество страниц явно не перешло в их содержательное качество: лживая, бездоказательная «десталинизация» от имени Г. К. Жукова здесь не знает границ.

Существенные изменения в текст внесены в 1989 г., через пятнадцать лет после смерти автора. «На каком основании извратили работу маршала? — возмущается Николай Стариков. — Это еще одно преступление в череде злодеяний Горбачева и его приспешников. Просто нет возможности привести все, что сфальсифицировали “десталинизаторы” в мемуарах Жукова. Целая книга получится...»¹.

Русского маршала Победы надо славить не только по случаю тех или иных знаменательных дат: его благородное имя необходимо твердо и решительно защищать от происков недругов России. Его светлый, одухотворяющий образ необходимо ярко и правдиво воссоздавать в литературе и искусстве.

Наша молодежь призвана брать пример с героических личностей Отечества.

...2 декабря 1996 года — в 100-летие со дня рождения маршала Победы впервые в истории кремлевского некрополя была отслужена панихида. Вопреки последней воле Г. К. Жукова, согласно христианскому обычаю быть погребенным в родной земле, и, невзирая на просьбы семьи к высшему руководству страны, тело его было кремировано. Урна с прахом захоронена в Кремлевской стене на Красной площади.

...В памяти поколений навсегда останется торжественная символическая картина: 24 июня 1945 года, серое, затянутое облаками московское небо, словно оплакивая погибших воинов, слезится дождем. Парад Великой Победы на Красной площади. День Святой Троицы! Из Спасских, святейших ворот Кремля, на Красную площадь легкой рысью выезжает на арабском скакуне всадник. Влитый в седло, крепкий и могучий, словно Илья Муромец, он налагает на себя крестное знамение. Через минуту будут бить куранты на Спасской башне, и под фанфары «Славься!» и громогласное «Ура!» воинов — победителей белый конь понесет Георгия Константиновича Жукова по Красной площади навстречу Вечности...

¹ *Стариков Н. В.* Сталин. Вспоминаем вместе. СПб., 2013. С. 167.

Лев МИЛОВИДОВ

ГЛАВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА ЕВГЕНИЯ ДАЦКО

*К 80-летию
начала Великой
Отечественной войны*

Лев Александрович Милович — искусствовед, заслуженный деятель искусств, член Союза журналистов, член Союза художников России. Инициатор создания народных художественных галерей. Автор альбомов по искусству, более 150 статей. На протяжении 30 лет является одним из руководителей объединения художников «Русский Север». Имеет многие международные и российские награды. **Живет в Москве.**

Каждый профессиональный художник, когда он приходит в большое искусство, безусловно, мечтает о создании главной картины в своей творческой деятельности. Заслуженный художник России Евгений Иннокентьевич Дацко — один из них. 26 ноября 2020 г. он в окружении своих коллег, представителей различных общественных и государственных организаций отметил свой 80-летний юбилей. Е. Дацко родился он на Дальнем Востоке в военном гарнизоне под названием Черниговка Приморского края. Произошло это за полгода до начала Великой Отечественной войны. Практически все детство Евгения проходило под шум авиационных моторов. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на тогдашний Советский Союз. В семье Евгения Дацко кроме него были еще три брата, все воевали. Старший брат, 1922 г. р., за год до войны был призван в вооруженные силы и сразу же стал участником боевых действий. Второй брат, родившийся в 1926 г. и мобилизованный в 1942 г., также принял участие в жестоких сражениях с врагом. Третьему брату, 1928 г. р., не пришлось принимать участие в ВОВ, но он принял участие в войне в начале 50-х годов в соседней стране — Корее.

После окончания школы Е. Дацко, который к тому времени уже определился в выборе профессии, поступает в художественное училище во Владивостоке, продолжает свое образование в Московском институте им. В. И. Сурикова на отделении графического искусства. Его преподавателями были известные художники, которые вошли в золотой фонд отечественного изобразительного искусства — Н. По-

Фрагменты панно Е. Дацко «СССР. 22 июня 1941 года»

номеров, О. Савостюк, Б. Успенский, известный искусствовед М. Алпатов. Можно с уверенностью сказать, что Е. Дацко прошел блестящую школу.

В шестидесятые годы XX в. графике уделялось большое внимание, и особенно плакату. В те годы регулярно проходили крупные международные выставки графического искусства, и по результатам конкурсов графика русских художников всегда занимала высокие места. В эти же годы Е. Дацко заду-

мал написать картину, посвященную Великой Отечественной войне, и уже в 1968 г. он выполнил первые наброски будущей масштабной панорамы. Так был сделан первый шаг к созданию уникального проекта, которое 26 ноября 2020 г. было представлено в центре Москвы в залах всемирно известного геологического музея. Но до этого дня было впереди еще целых полвека.

По окончании института художник Е. Дацко вынашивает мысль о путешествии в Русскую Америку. В 1990–1991 гг. он со своими единомышленниками на трех небольших баркасах «Петр», «Павел» и «Гавриил» осуществил задуманное путешествие. Всего же в последующие годы он побывал в тех краях одиннадцать раз, что позволило ему досконально изучить жизнь и быт первых русских поселенцев на этой территории. Художник Е. Дацко изучал жизнь и быт старообрядцев и всегда с большим желанием помогал в художественном оформлении того или иного храма, а именно в росписи интерьеров и создании иконостасов.

В начале 80-х годов XX в. дальнейший жизненный путь Е. Дацко пролегает в самый отдаленный западный город России — Калининград. Он был утвержден в должности главного художника города и вместе с талантливыми архитекторами приступил к художественному оформлению городской среды, что позволило этому городу уже вскоре стать привлекательным для многочисленных туристов. Через некоторое время художник Е. Дацко переезжает в Москву. По рекомендации председателя СХ СССР Е. Дацко поручается организовать творческую группу с приглашением зарубежных художников в Дом творчества «Сенеж», который располагался в солнечногорском районе Подмосковья. В течение пяти лет, когда Е. Дацко руководил творческими потоками, немалое количество зарубежных мастеров изобразительного искусства, приезжая сюда, смогли под руководством опытных наставников повышать свой профессиональный уровень.

Но вот пришло время, когда художник Е. Дацко понял, что необходимо приступить к выполнению той задачи, которую он поставил перед собой еще несколько десятилетий тому назад. К 2016 г. им был накоплен значительный подготовительный материал для выполнения своей главной картины. Важно отметить, что, начиная с середины семидесятых годов, он полностью переключается на исполнение художественных произведений в технике масляной живописи. Поставленная им задача выполнена, картина площадью 28 квадратных метров представлена на суд взыскательного зрителя.

Сегодня искусство заслуженного художника России Е. Дацко представлено в сорока картинных галереях и художественных музеях как у нас в стране, так и за рубежом. На открытии выставки Е. Дацко председатель объединения художников «Русский Север», заслуженный деятель искусств России Лев Миловидов по поручению своего коллектива наградил художника Е. Дацко памятной медалью имени Владимира Стожарова за большой вклад в русскую и мировую художественную культуру.

Свою масштабную картину Е. Дацко назвал «СССР. 22 июня 1941 года». Автор решил показать жизнь нашей страны, начиная от Брестской крепости и до Владивостока в течение всего лишь одного, первого дня войны. Четыре часа утра 1941 года. Фашистские войска без предупреждения, вероломно нарушив границу, начали наступление на Брестскую крепость. Именно первые часы трагедии всего советского народа, а также подвиг советских солдат на западных границах запечатлел художник в начале своего

эпохального полотна. За два часа до нападения на СССР через пограничную реку переплыл перебежчик со стороны Польши, который предупредил, что через два часа Германия начнет войну против СССР.

Художник Е. Дацко в первом эпизоде своей масштабной картины изобразил в воздушном пространстве немецкую авиацию, а на земле он показал большое количество военной техники врага — танки, автомобили, мотоциклы,двигающиеся вглубь СССР. Но, начиная с первых минут войны, вера в победу советского народа была неколебима. Поэтому художник изобразил пограничников верхом на лошадях с копьями в руках, один из которых пронзает змея. Здесь автор обращается к истокам русской истории, к образу святого Георгия Победоносца. Автор представил также руководителя СССР Иосифа Сталина с его неизменной трубкой и телефонным аппаратом на фоне Спасской башни и кремлевских часов, которые начали отсчет времени до окончательной победы над гитлеровской Германией. Но до победы еще оставалось целых 1410 дней.

Символом того или иного государства нередко становится изображение дерева. Образом России всегда была береза. Когда в начале картины огонь охватил группу белоствольных берез, сразу становится ясно, что на Русь обрушилась большая беда. Но через несколько эпизодов автор картины изобразил мощный дуб, который известен в природе как один из самых крепких и прочных на планете деревьев — долгожителей, обладающих большой силой. Вокруг его ствола на картине изображена группа людей, которые набираются от этого дерева той силой, которая даст возможность всему нашему народу сплотиться и одолеть ненавистного врага. Все персонажи на картине уже тогда были исполнены решимости, уверенности, что и на этот раз весь русский народ как единое целое поднимется на защиту своей страны и сумеет отстоять свою свободу и независимость, как и героические предки в прошлые века.

Каждый эпизод картины наполнены глубоким философским смыслом и символизмом. Исторично развитие сюжетной линии картины. Художник помещает на полотне образ тогда еще довольно молодого будущего руководителя советского государства — Леонида Брежнева, который неоднократно проявлял героизм в боевых сражениях. При освобождении Крыма он принял участие в известном керченском десанте, имея звание полковника, и своим личным примером демонстрировал участникам десанта отвагу. При этом он сменил убитого пулеметчика и на протяжении нескольких часов отражал атаки врага. Рядом с Л. Брежневым художник изобразил легендарного командующего партизанскими соединениями на Украине — Ковпака. Здесь автор картины напоминает зрителю об уникальном партизанском движении 1812 года, когда простые крестьяне, вооруженные нередко лишь вилами и косами, изгоняли ненавистных французов с родной русской земли.

Как уже было сказано, картина представляет собой масштабную и многофигурную композицию. Автор изобразил на ней 100 персонажей, многие из которых узнаваемы.

Здесь изображен выдающийся генерал-лейтенант инженерных войск — Карбышев. Выдающийся инженер оборонительных сооружений еще в конце XIX — начале XX вв. принимал участие в строительстве Брестской крепости. К сожалению, он уже в октябре 1941 г. был захвачен в плен. До марта 1945 г. фашисты пытались заставить генерала работать на них. Когда это

им не удалось сделать, в марте 1945 г., а тогда стояли крепкие морозы, фашистские изуверы в лагере Маутхаузен вывели генерала Карбышева на плац и в течение нескольких часов обливали его холодной водой из шланга, пока он не превратился в ледяную глыбу.

Внимательный и знающий зритель узнает на картине будущего выдающегося скульптора Е. Вутечича. Именно он вскоре после войны создал знаменитый памятник солдата с девочкой на руках, установленный в Трептов-парке в Берлине. Еще одним уникальным монументом В. Вутечича восхищается весь мир, он установлен на Мамаевом кургане в Волгограде — это «Родина-Мать». Вся картина Е. Дацко выполнена с глубоким философским подтекстом. Самое главное, в ней прослеживается изображение символов русского православия. День начала войны 22 июня — День всех святых, в земле Российской просиявших. Окончание войны выпало на дни празднования Пасхи. Во время войны немало людей замечало на небе изображение святой Богородицы, которая как бы своим Покровом осеняла Святую Русь.

Двигаясь дальше вдоль полотна, зритель может увидеть выступление министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова. Именно он 22 июня в 12 часов дня объявил на всю страну о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. При этом были произнесены самые важные слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Но этой победы придется ждать почти 4 года. Далее, продвигаясь вдоль картины, зритель видит маршала Шапошникова, министра внутренних дел Лаврентия Берию и довольно уже известного на то время военачальника Георгия Жукова. Все они внимательно слушают доклад летчика, который только что вернулся с западной границы и рассказывает об обстановке, которая сложилась на тот момент.

Творческая интеллигенция всегда была рядом со своим народом. Со всем не случайно автор картины поместил представителей этой категории, а именно выдающегося композитора Сергея Прокофьева, уже тогда известного художника Павла Корина и др. Дальше можно увидеть известных ученых, а именно Александра Александрова, Игоря Курчатова, Петра Капицу. Казалось бы, всего один лишь день запечатлел художник на своей картине, а сколько всего удалось автору показать: и фронтовую обстановку в первый день войны, и самых выдающихся людей тогдашнего СССР.

Е. Дацко изобразил также на картине группу молодых людей, а именно школьников, которые в 1942 г. создали в городе Краснодоне легендарную «Молодую гвардию». Автор счел необходимым показать также выдающихся конструкторов: Сергея Королева, Андрея Туполева, Александра Яковлева, благодаря которым уже во время ВОВ удалось выполнить большой объем работы, переломить ход войны и начать изгнание ненавистного врага с нашей территории. В конце картины художник изобразил свою родную семью.

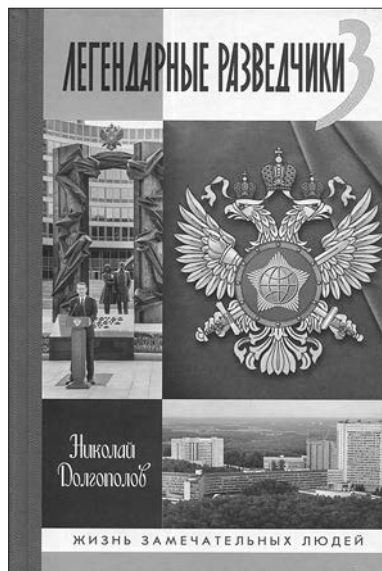
Конечно, данная картина требует более тщательного исследования и способна вырасти в целую монографию. Необходимо сказать несколько слов и о живописных достоинствах картины. Художник с помощью цвета сумел мастерски передать как внешние, так и внутренние черты характеров всех представленных персонажей, а также большое напряжение, которое охватило практически всех жителей нашей страны. Но при этом отсутствует какая-либо паника, а герои, изображенные на картине, выражают решимость и уверенность в том, что народ сумеет сконцентрироваться и собрать

все силы воедино и разгромить ненавистного врага. Обо всем этом выдающаяся работа Евгения Иннокентьевича Дацко, которая в дни празднования Дня Победы может достойно оформить здание ГУМа, выходящего своим фасадом на Красную площадь. По предположению художника, он размещает свое панно на стене этого здания, а между отдельнымидесятью эпизодами картины будут представлены фамилии всех Героев Советского Союза и России.

ВЫШЛА КНИГА

Легендарные разведчики. Николай Долгополов. М.: Молодая гвардия,. (Серия: «Жизнь замечательных людей»), 2020.

Новая книга известного автора посвящена 100-летию создания отечественной внешней разведки ИНО — ПГУ — СВР. Главная ее особенность: новые, только что открытые герои, в основном разведчики-нелегалы, говорится в аннотации к книге. Некоторых из них, а также их жен и боевых спутниц автор знал лично. Вы познакомитесь с Героем Советского Союза Михаилом Васенковым, ушедшим в разведку еще во второй половине 1970-х, с Героями России Юрием Шевченко и Виталием Нетыксой и несколькими другими выдающимися разведчиками, чьи подвиги буквально до последних месяцев были под грифом «Совершенно секретно», узнаете имя первого послевоенного Героя Советского Союза среди разведчиков. Специально для этой книги частично рассекречены личное дело великого Кима Филби и добытые им важнейшие документы. Вам будет представлен таинственный нелегал из Берлина, работавший под оперативным псевдонимом «Топаз», о котором знаменитый генерал Маркус Вольф (и он присутствует в этой книге) говорил, что его настоящее имя никогда не будет предано огласке, а автор приводит откровеннейшую исповедь этого фантастического разведчика. В Шотландии автор общался с прототипом Джеймса Бонда — сэром Фицроем Маклином, который под прикрытием дипломата работал в Москве еще в 1930-е годы и закончил свою успешную деятельность в 1990-х годах.

Михаил ЗАРУБИН

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Александра Андреевна наметила разменять десятый десяток годков, но старушкой, утомленной долгой и трудной жизнью, себя не ощущала. Даже наоборот, в ней с каждой новой весной обновлялось и крепло чувство радости жизни, сердце источало нотки ликования, особенно когда было тепло и солнечно. Она любила понаблюдать из окна, как настойчиво весна отвоевывает положенное ей время и пространство. Так было и на этот год: солнце, занявшее свои позиции с середины марта, казалось несокрушимым. И Александра Андреевна подолгу засиживалась у окна, блаженно щурясь от слепящих небесных лучей. Хотя она, прожившая жизнь, полную лишений, знавшая войну, понимала, что и тепло, и радость, и сытость понятия временные, могущие исчезнуть в один миг, но неожиданно наступившей слякотью была огорчена до слез, как маленький ребенок. Ей не хотелось верить в то, что невесть откуда взявшиеся тяжелые тучи, источающие ледяную морось, расположились над ее домом надолго. Она неодобрительно качала головой, разводила руками и тихо повторяла одну и ту же фразу:

— Это что творится-то? Когда же тепло придет к нам?

Безнадежно махнув рукой, не спеша шла на кухню, заваривала кофе, ставила на огонь замоченную с вечера крупу для каши. С хлебом насущным она, пережившая в детстве военные лишения, голод, обращалась со священным почтением. Бережно относилась к продуктам, не выбрасывала ни корочку, ни крошечку. А готовить любила. И хорошо, даже отлично у нее это получалось.

Александра Андреевна еще держала в руках чашку с дымящимся, а она любила очень горячий кофе, напитоком, когда позвонила сестра, которой было всего-то восемьдесят три.

— Шура, ты придешь ко мне? Попьем чаю, пообщаемся.

Александра Андреевна присела от неожиданности: как же она забыла, что сегодня 6-е мая, день рождения у ее любимой сестры Гали. Александра Андреевна неодобрительно по отношению к себе покачала головой, но нашла что ответить.

— Галя, ты посмотри, что за окном творится. Какой день рождения? Конечно я помню, какой сегодня у нас с тобой праздник. Желая тебе, родная моя, здоровья и чтобы больше не случилось на нашем веку ни войны, ни голода. Чтобы дети и внуки наши были радостны и успешны.

Галя не дала договорить сестре.

— Да, ты права, Шура, непогоде конца и края не видно. Я уже насмотрелась на нее, и озябла, и загрустила. Хоть и не маленькая, а надеялась, что в мой день рождения и день будет красивым.

В разговоре образовалась пауза. Александра Андреевна вскоре искренне продолжила:

— Галя, не обижайся, по такой непогоде мне не дойти до тебя. Грязь кругом, чуть поскользнусь, собирать долго будут, если вообще будут. Галя, у меня предложение. Нет, даже распоряжение — встречаемся в моей квартире 9 мая. Ты должна слушаться старшую сестру, — улыбаясь своему мудрому решению, настояла Александра Андреевна.

— Почему девятого? Это же всенародный праздник. Гулять надо, радоваться Победе, идти с Бессмертным полком. Хотя мне тяжело в нем участвовать, даже не от того, что устаю, а от того, что очень волнуюсь, плачу — то ли от горя, вспоминая нас в войну, то ли от радости, что война окончилась.

— А потому, что девятого мая обещают день солнечный и теплый, в этот день не может быть плохой погоды. Вот мы и отметим два праздника сразу: твой день рождения и славу Победы повеличаем.

— Ой, Шура, кто бы спорил, а я согласна. Твои знаменитые пироги и торт будут? — радостно защебетала Галя.

— Конечно, состряпаю, а еще сын обещал из своего хозяйства курочку доставить.

— Здорово! Да и греха особого нет — справить день рождения попозже.

— Галя, родная моя, но я тебя сегодня с днем рождения поздравляю. Здоровья тебе, — продолжила прерванные пожелания Александра Андреевна.

— Спасибо, сестра. Чего мне не хватает, так это здоровья.

Синоптики с прогнозом не обманули. Уже накануне в середине дня ветер во всю свою мощь дунул на тучи-облака, и они разбежались по сторонам как мыши. Весна, не поблагодарив ветер за помощь, вошла в свои права победительницей.

9 мая Александра Андреевна проснулась рано. Взглянув в окно и убедившись, что день будет солнечным и теплым, улыбнулась первым лучам просыпавшегося светила, едва выглядывавшего из-за Кузьмихи, и принялась застряпню.

По выпечке Александра Андреевна была большая мастерица.

Ее пироги обладали особым, сложным сладостно-сдобным, ванильно-сливочным ароматом, который, если вылетал на улицу, так задевал про-

хожих, что они не могли пройти мимо, не остановившись, не вдохнув в себя вкусный дух чужих пирогов.

Не только выпечкой славилась она, у нее был талант вкусно готовить все. К чему бы ни прикасались ее руки — было вкусно: и супы, и каши, и пироги. А торт, изготовленный бабой Шурой, являлся кондитерским совершенством. Резать и есть его было жалко, так как торт представлял собой не только кулинарный шедевр, но и произведение декоративного искусства.

К приходу Галины весь стол был уставлен бабы Шуриными шедеврами.

— Ой, Шурочка, — восхищенно воскликнула сестра, — когда же ты все успела? Поди, не спала?

— Спала, даже очень хорошо спала, можно сказать, радостно, зная, что ты придешь. У меня же весь процесс приготовления пирогов выверен. Тесто поставила и начинок разных наготовила, потом пироги в духовку засунула. Они не сопротивлялись, быстро испеклись.

Галина покрутила головой, восхищенно принохиваясь к окружающему пространству, насыщенному густыми, разнообразными ароматами. По-девчоночьи облизнулась, села за стол и приступила к угощению. Разглядывая пирожок, она продолжала выражать свое восхищение:

— Вкуснятина, надышаться не могу. Как у тебя это получается, Шура?

— Да и не знаю, как получается, сестрица. Как-то само собой, как будто кто-то подсказывает под руку — чего положить, сколько что с чем смешать. Я и не задумываюсь, руки сами хлопочут. Да хватит меня нахваливать, давай лучше поьем кофейку, я еще с утра маковой росинки во рту не держала.

— И я тоже, Шура. Зная, что у тебя такая стряпня будет, на свою домашнюю еду и не посмотрела.

— Тем более, надо закусить. Поьем, полакомимся, пока гости не подехали.

— Какие гости, Шура? — удивилась Галя, надкусывая пирожок.

— Да, я тебя не предупредила, забыла. Приедут Коля — сын, Володя с Юрой — внуки.

— А-а. А я думала, что кто-то из твоих друзей и подруг приглашен.

— С подругами только по телефону общаемся, да две подруги осталось-то, — грустно проговорила Шура. Глубоко вздохнула и Галина.

— У меня тоже почти никого нет. Все ушли и уже не вернуться никогда.

Сестры поминально отхлебнули из чашек по глотку кофе. Обреченно помолчали.

Галина повеселела первая. Попробовав пирожок с другой начинкой, воскликнула:

— Все вкусные! Шура, сколько пытаюсь сама сделать то же, что и у тебя, так не получается, не знаю почему.

— И я не знаю, Галя. Ешь, пока горячие. Холодные уже не то.

— У тебя вкусные и холодные.

— Да, Галя, забыла тебе сказать, — спохватилась Шура, — я получила письмо от Ниночки, нашей «столичной» сестренки.

Галя отвлеклась от пирожков, заинтересовалась и сразу переключилась на жизненно важную тему разговора.

— Это здорово, что сестренка тебе написала. Обычно телефонным разговором все обходится. И о чем же она пишет? Какие у нее новости?

— Да важных никаких. В основном о здоровье своем и своего Миши. Но есть в нем необычная просьба.

Галя насторожилась, как будто удивилась.

— И что же это за просьба? Обычно мы о чем-то просим нашу Ниночку.

— Она просит рассказать, как мы жили в военные годы. Подробно, во всех деталях, во всех трудностях.

Галя даже встрепенулась. Удивилась еще заметнее. Охнув, покачала головой. Приложила ладонь к щеке.

— И зачем же ей это надо? Ведь столько лет прошло. А вспоминать начнем, сердце изболится, очи затуманятся слезами. Хотя я не забыла ничего.

Шура смущенно улыбнулась и, понизив голос, добавила:

— Наверное, мужу нужно, он писатель, что-то, верно, надумал написать. У него нет привычки придумывать, он пишет то, что, действительно, было. Наверное, он хочет показать тяготы нашей жизни военной поры. А ведь, действительно, мало свидетельств о жизни далекого сибирского тыла.

— Да и пусть расскажет, Шура, чтоб люди не думали, что мы тут, в пяти тысячах километров от линии фронта, как сыр в масле катались.

— Ты права, Галя, надо действительно вспомнить и рассказать подробно.

Шура огорченно замолчала, то ли от того, что предстоит нелегкое воспоминание, то ли от того, что сердце может его не вынести. Галя какое-то время тишину не нарушала, а потом вдруг воскликнула:

— Ты не разводи писанину, а расскажи все нашему писателю по телефону, чего душу-то ранить.

Шура недоуменно посмотрела на сестру и удивленно переспросила.

— Какую писанину, Галя?

— Ну, Нина попросила же написать?

— Попросила рассказать, — строго поправила старшая младшую.

— Так я и говорю, расскажи, пусть тебе внуки помогут. У них сейчас у всех камеры есть, включат, ты на них и расскажешь, а они отправят по адресу.

— Помнить-то я помню многое, а о чем рассказывать, не знаю, — смущилась Шура, — давай вместе подумаем.

Галя подбодрилась, отерла рот салфеткой и, прихлебнув глоток остывающего кофе, настроилась наставлять сестру.

— Говори о войне, о том, как люди жили в тылу.

Потом вдруг осеклась, задумалась.

— Знать бы точно, зачем и кому это нужно знать.

Потом и вовсе замолчала и перешла на другую мысль.

— Ты посмотри, Шура, что придумали, стали искать фронтовиков-ветеранов, встречи с ними организовывать для молодежи. А на них смотреть жалко, такие старые, что детей ужасают. Вот еще лет двадцать-тридцать назад фронтовики и ветераны были в силе, в полной памяти. Мужики brave и рассказывали интересно.

Шура властно пресекла поток ее спорных оценок.

— Чего ты, Галя, придумываешь, что вдруг на стариков страшно смотреть. Они красивы своими подвигами, тем, что еще с нами и могут рассказать о военных временах, чтоб не повторились.

— А ты на себя давно в зеркало смотрела? В следующем году девяносто будет. Повспоминаешь, расстроишься, скорую помощь после этого вызвать надо будет.

— Все, Галя, все, — запротестовала сестра, — давай прекратим этот разговор. Я все решу сама.

— Прекратим, а Ниночке — я позвоню. Попрошу, чтобы тебя не травмировали такими заданиями.

— Не надо, я сама позвоню. А это задание мне не в тягость.

Шура быстро провела ладонью вдоль лица, будто что-то смахнула. Повеселела, а когда услышала звонок, резво поспешила открывать дверь своим кровиночкам.

Через мгновение в узком коридорчике появился огромный, похожий на сказочного великана, сын Александры Андреевны Николай.

— Гостей тут принимают? — раздался его басовитый голос.

— Принимают, принимают — с радостным возгласом кинулась к нему тетушка Галя.

— Тогда получите подарки.

Николай как Дед Мороз доставал из тяжелой сумки подарки в красивых коробках, перевязанных лентами, продукты в пакетах. Шура отнекивалась, говорила, что всего много наготовила. Но праздник имеет свои законы, а изобилие на столе — главный из них, как говорится, русское хлебосолие.

Старушки радовались как девчонки и гостям, и подаркам. И жизнь из холодного и голодного вспомнившегося прошлого вернулась в ликование настоящего.

* * *

Но праздник, как и горести, не вечен. Щедро наделив пирогами всех своих родимых, Александра Андреевна проводила до порога сестру, сына и внуков. Потом помыла посуду, думая, что в свои молодые годы о таком сытном и удобном житье и не мечтала. Справившись с хозяйственными делами, она примостилась у окна отдохнуть, проверить, что с погодой, подросла ли трава на газоне, не переутомилось ли солнце от своего праздничного сияния. Все было хорошо, ладно, как и положено в мае месяце. А особенно хороша была ее Ангара, слепящая густыми вечерними красками, как радуга.

— Сколько лет живу, столько же, ну за малыми промежутками, Ангара со мною, — подумала Александра Андреевна. — Мы с ней как сестры. Извилисты наши пути-дороги.

На этом образе ее мысли не остановились, воспоминания нахлынули как просветленный вешний дождик, слезы, живительной влагой выступившие на веках пожилой женщины, как линзы приблизили и укрупнили прошлое.

В детстве и юности Ангара была широкая, быстрая. Новые времена ее укротили и поукоротили. Плотину построили, сразу острова появились, рыбаки тут же захватили их, домиков понастроили, деревца посадили, а к главному острову дорожку подвели и его островом любви назвали.

Из окна виден и дом, вернее место, старый домик снесли давно, построили новый, но все равно там прошло детство и юность Александры. Отсюда она замуж ушла. С Юрочкой до кончины его счастливо прожили.

Родное место, а сейчас там чужие люди живут.

— Какие же мы дураки были, что продали его после отъезда мамы к Нине, — горько вздохнула Александра Андреевна.

Сейчас только в окно посмотреть и остается. А сколько с ним связано. Вот и Ниночка спрашивает, как мы жили во время войны. Как жили? Наверное, права Галя, — плохо, вернее, тяжело, трудно жили. Но мы ведь росли, в детстве и по молодости на многие тяготы не обращаешь внимание. Не чувствуешь ответственности о других. А как приходилось нашей маме с шестерыми детьми на руках, страшно представить. Но многое помнишь из той жизни. Хотя почти век прошел, скоро будет мне девяносто, а тогда, в сорок первом, десятый год шел. Вздохнув, она задумалась.

Папа на войну уходил в сентябре. Какого числа не помню, помню только, что встали мы в то утро рано. Обычно сентябрь в наших краях теплый, солнечный месяц. Иногда только ночные заморозки землю прихватывают. Но тогда было пасмурно. Облака, правда, хоть и несли в себе заряд осеннего ненастья, солнце все-таки не смогли утопить во мраке, оно упрямо поднималось над Ангарой и все утро напоминало о своем присутствии в этом мире. От этого становилось немного легче на душе, которая излучала надежду, согревающую сердце верой, что наши победят.

Помню, то утро было будничным. Мама, как всегда, готовила завтрак, папа окапывал яблони в саду, готовя их к зиме. И этим как будто говорил, что война скоро кончится, что он вернется к цветению сада. Однако за столом все молчали. Отец ел быстро, как-то очень сосредоточенно, иногда обводил нас всех внимательным взглядом, словно пытался запомнить, запечатлеть, укоренить наши образы в душе. Теперь я понимаю, что наше присутствие в мире придавало ему силы на фронте. Семья, сад, дом — те скрепы бытия, которые и защищают, и сами требуют защиты.

Прощались на дворе. Мы, четыре девчонки, прижались к отцу, четырехлетнего Толика он взял на руки, а мама держала на руках шестимесячного Вовочку.

— Со мной ходить не надо, до вокзала мне дойти полчаса хватит, — строго проговорил он, обращаясь ко всей своей семье.

Отец наклонился к маме, поцеловал ее в щеку, задев своей шершавой щетиной Вову. Тот от боли или от неожиданности захныкал. А может, почувствовал страх трагической минуты.

— Все, мать, пора.

Папа закинул за плечи вещевого мешок и быстро пошел к калитке.

— Папа, папа, — закричал Толя, — возьми меня с собой!

Отец вернулся, приподнял сына, подкинул в небо и поцеловал.

— Рано сынок тебе, да и в доме должен быть мужчина. Я на тебя надеюсь. Я иду защищать страну, ты остаешься защищать дом.

— Нет, папа, я с тобой, — настаивал на своем Толя.

— Катя, — обратился отец к дочери, — возьми брата за руку. А я пошел. Ждите меня. Я вернусь.

Калитка захлопнулась за отцом металлически громко, скрипуче, больно этот звук отозвался в моем сердце. Мы подошли к маме, она улыбалась, но улыбка ее была нерадостной, по щекам текли слезы. Тоня, наша самая старшая из сестер, взяла Вову на руки и приказала всем зайти в дом.

— Шура, — обратилась она ко мне, — вам с Катей пора в школу, уроки никто не отменял, переодевайтесь и в путь.

Мы не ослушались старшую сестру.

Сегодня иногда можно услышать, что жилось нам в глухом тылу неплохо. Да, снаряды и бомбы не падали на нашу голову, но в остальном всё, как и у всей страны. Те же лишения и тяготы. Мы переносили их стойко, терпеливо.

Война для всех была неожиданностью, и для нас, и для власти. Даже в нашем далеком сибирском городе можно было услышать панический шепот, страх липкой улиткой заползал в слабые души, расползлся по мыслям, сковывал надежду. Я такого страха у себя не помню. Помню неискоренимую, тихую надежду на лучшее.

Продуктов в магазинах не стало. Люди, у кого, конечно, были деньги, запаслись впрок. На Руси издревле знают, что такое «черный день» и как можно спастись. У нас денег не было. Несколько месяцев мы жили впроголодь. Позже ввели продовольственные карточки на хлеб и сахар.

В ноябре карточная система распространилась на мясные и рыбные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия. Но не было гарантии, что продуктов хватит на всех жителей, поэтому очередь стала привычной приметой голодного времени.

Конечно, основные продукты распределялись для тех, кто работал на оборону страны. Нам, детям, полагалось сначала триста граммов хлеба, потом норму сократили до двухсот граммов. И качество хлеба ухудшилось, он стал вязкий, тяжелый, напичканный всякими хитрыми добавками.

Вскоре карточки, кроме хлебных, вовсе отменили. Они превратились в бумажки, так как отovarивать их было нечем. Состоятельные люди пользовались дорогущим продовольствием из коммерческих магазинов. Мы себе это позволить не могли, даже не заглядывали в такие магазины.

Мама за шестерых детей получала пособие сто пятьдесят рублей на всех. При этом буханка хлеба в коммерческом магазине стоила семьдесят рублей, а килограмм свинины пятьсот. Особенно мучительно было зимой. Мы страдали даже не из-за холода, а в основном из-за голода. Денег взять было неоткуда, заработать некому. От отца весточек не было. Но надежда нас не покидала, мы упорно ждали весны и победы.

Вся тяжелая работа по дому легла на мамины плечи. Можно представить эту работу: шестерых детей надо накормить, помыть, постирать, раздобыть дрова и уголь, для протопки, натаскать воды. Стирала мама дома, но полоскать в целях экономии воды шла на Ангару. Старшие дети ей помогали. Мама топором рубила прорубь, а мы по очереди полоскали в ней белье, в морозы особенно торопились, ведь прорубь на глазах затягивалась льдом. И наша любимая Ангара не могла нам помочь, так как сама находилась во власти законов природы. Я и сейчас помню эту выламывающую руки до локтя боль от ледяной воды. Пальцы становились деревянными, движения скованными, белье, даже самой мелкое, казалось веса неподъемного. Но мы не халтурили, выполаскивали тщательно мыло, пахнущее не духами, как сейчас, а застарелым жиром, палеными костями. Таковы были тогда его составляющие. Сами промерзали насквозь. Бегали, прыгали, растирали лицо снегом.

Мама согревала наши руки своим дыханием, тоже не очень горячим, отогревала их у себя подмышками. А свои руки не берегла, помню их красную кожу, словно кто-то нарисовал ее киноварью. Потом она всю жизнь мучилась от ревматизма.

А когда ребячьи руки с маминой помощью немного отогревались, чувствовалось, как настырный мороз, находивший щелочки в валенках, заползал в них незаметно и нестерпимо больно вгрызался в пальцы ног, пробирался мурашками до коленей, располагался ледяной повязкой вокруг живота. А живот был всегда пустой, в нем ничего не было. Но мороз пробирался все дальше и дальше по детским телам, злость свою ненасытную тешил.

Чтобы не расплакаться, мы крепко сжимали губы и до скрипа — зубы, чтобы челюсти не задрожали и не стали выстукивать зубами чечетку. Тогда уж точно нужно бежать домой. А нельзя, пока дело не сделаем.

Ангара нас не отпускала ни зимой, ни летом. Она, казалось, была нашей кровью. Мы жили в рабочем поселке, приписанном к городу, но в нем не было водопровода, и приходилось ходить за водой к реке. Ходить это не точное слово. Мы, девчонки, взбирались на крутой берег, а потом почти ползком перебирались через железнодорожную насыпь. А через плечо — коромысло с двумя ведрами, иногда прихватывали третье ведро в свободную руку. Воды нужно было много, летом добавлялся полив огорода, вода требовалась на стирку и регулярное мытье малышей, на заготовку корма и питья для коровы.

Корова! Вот кто нас спас. Держать корову — трудное дело, особенно в городе. Однако наша мама невероятными усилиями сберегала нашу кормилицу. Без нее мы бы не выжили.

Литр молока стоил столько же, сколько буханка хлеба. Поэтому почти все молоко от коровы шло на продажу, немного доставалось малышам Вове и Толе, ну а нам по большим праздникам перепадало по кружечке. Ничего слаще в своей жизни не пробовала. Ни с чем не сравню этот живительный вкус молока, пахнущего летом, цветами, мамиными теплыми руками, ласково оглаживавшими бока нашей кормилицы во время доения.

На доходы от молока мы покупали хлеб, иногда даже мясо и подсолнечное масло удавалось раздобыть. Корова в хозяйстве — помощь огромная, но она ведь живое существо, ее кормить надо. Летом всей детской оравой траву по оврагам рвали, осенью картошку накапывали. А зимой нашей бедной кормилице приходилось так же туго, как и нам, кроме сена — ничего мы ей позволить не могли, никакой вкусной добавочки не было. Какой там комбикорм, тем более хлеб? Об этом и мечтать нельзя было в военное время. На наше общее детское пособие можно было купить только две буханки хлеба в месяц. И все.

Да и сено-то, что заготавливали для нашей коровки, доставалось недешево и с огромным трудом. Сенокосную делянку колхоз выделял, но ее нужно было оплачивать. А чем, если денег у нас не было вообще? Отдавали теленка, на меньшее руководители колхоза не соглашались. Неважно, что шестеро детей, неважно, что отец этих детей на фронте, власти это не замечали. Родина требует, фронт просит. С этим и не поспоришь. И отдавали, ведь там, на фронте, был наш папка. Он нас защищал. А мы ему по-своему помогали.

Весной было совсем худо, особенно если у коровы отел затягивался. Все припасы заканчивались, даже картошка. И дети, и корова голодные.

Ребятня терпеливая, привычная, молчит, еды не требует. А корова орет что есть мочи. Мама сберегала для нас несколько картофелин. Вскипятит чугуна воды, натрет их на терке вместе с кожурой и заправит этой серой массой воду. Получается что-то похожее на кисель. Съедаем его, животы раздуваются, а есть еще сильнее хочется. Смотреть друг на друга страшно. Руки и ноги тонкие, животы вперед выпирают, и большие голодные глаза светятся каким-то неизъяснимым светом. Наверное, это был извечный свет жизни, непобедимой никакими невзгодами.

Когда появлялась лебеда, крапива и черемша, становилось полегче. Черемша, то есть дикий чеснок, была вообще растением спасительным. Ели ее свежей, солили на зиму. Иногда, когда по карточкам выдавали муку, пекли с черемшой пирожки и варили вареники. Ух, какая вкуснятина получалась!

Лучше всего было летом и осенью. И корова тогда была сыта, и мы, дети, не понимавшие, что спасала все мама, и нас, и корову, и вообще семью.

Мама... Никогда не забыть мне ее. Она единственная на свете, самый дорогой человек в мире.

Недавно внук Володя спросил, какое мое самое главное желание. Я тогда не знала, что ответить. Сейчас знаю точно.

Хочу сесть рядом с мамой, положить голову на родное плечо и слушать, как бьется материнское сердце.

Ранним утром, когда я открывала глаза, мама уже была на ногах, топала печь, готовила завтрак. Вечером все ложились спать, а она допоздна трудилась, кормила корову, укрывала нас одеялом, делала заготовки на завтрак, запасала дрова, убиралась в доме. Мы росли, не замечая этого, а маме приходилось придумывать, как нас одеть, обусть, из чего кому что перешить. Да так, чтобы красиво получилось, чтобы порадовались мы обновке. От нее я получала первые уроки доброты: уважение к старшим и помощь младшим, милосердие ко всем и любовь к жизни, какая бы она ни была. Постепенно эти качества души человеческой я осознала как незыблемые законы существования на земле.

А что мы сами ей давали? Конечно, мы помогали маме, все очень ее любили, но редко, очень редко говорили ей об этом. И сейчас я так жалею об этих несказанных словах, которые были бы для нее поддержкой. Как же она в ней нуждалась!

Помню, это было в сентябре, в нашей семье случилась большая беда, умерли от кори двое детей. Вовочка умер 29 сентября, а Люсенька несколькими часами позже.

Мама с Люсей лежали в больнице, у девочки после кори возникло осложнение — менингит. Тогда с этой болезнью бороться не умели.

А в это время у Вовы, который остался дома с сестрами, началось осложнение на легкие. Вова умирал на моих руках. Я пыталась облегчить его мучения, он задыхался, помню его черно-синие дрожащие губы, закатывающиеся от нехватки воздуха глаза. Надеясь на помощь, я побежала искать Тоню, она была самой старшей и уже работала. Я орала, рыдая, на всю улицу.

— Тоня, Вова умирает! Тоня, где ты? Помогите! Вовочка умирает!

На бегу я споткнулась и больно упала. Тоня, не обращая на меня внимания, уже мчалась к умирающему брату. Быстро организовала подводу и увезла его к маме в больницу. Но было уже поздно.

Мама не плакала. Она смиренно прижимала к груди двоих своих мертвых детей, глядя в невидимую даль.

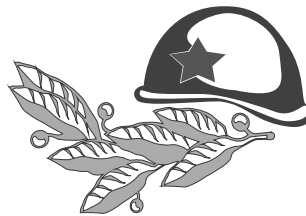
Мама, моя дорогая, нежно любимая мама! С каждым годом своей жизни я все более понимаю, какой непосильный груз ты взвалила на свои плечи, какие тяжкие удары жизни приняла, защищая и сберегая нас, своих детей. Никогда я не видела твоих слез, не слышала жалоб. Ты была красива своим смирением и негромкой, но спасительной любовью. Любовью к миру, к жизни, к своей семье. Этой любовью был спасен мир, наша страна и мы, твои дети.

* * *

В комнате было уже темно. Вечер бережно обнял город, весело и шумно отметивший День Победы. Солнце, радовавшееся вместе со всеми, сейчас окуналось в реку, казалось, желая остудить свой праздничный пыл. И Ангара заботливо принимала своего небесного гостя в прохладительные объятия.

Александра Андреевна, налюбовавшись знакомой картиной, отошла от окна. Но свет не включила. Не хотела спугнуть песню. С берега Ангары доносились чудесные звуки, высокий мальчишеский голос громко и старательно выводил «Катюшу». И так от этого детского голоска становилось радостно на душе, что все тяжелые воспоминания последних часов стали забываться. Александра Андреевна обреченно махнула на них рукой. Она была уверена, напиши все свои воспоминания на листе бумаги, они перестанут быть ее собственностью, ее сокровищем. Этим богатством она может поделиться только со своими внуками, рассказать им историю семьи. Но и для этого время еще не пришло. Еще слишком они малы и душевно не закалены. Но придет время...

Александра Андреевна накинула на плечи шаль, отерла одним ее углом слезу и вышла из дома. Праздничный вечер озарился звездными букетами ослепительного и громогласного салюта, символизирующего и Победу военную, и продолжение жизни.

Андрия РАДУЛОВИЧ

«...ВСЕГДА ЗНАЛ ЧТО ПОЭЗИЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ»*

Андрия Радуллович (Андрија Радуловић) — род. в Подгорице (Черногория). Поэт, переводчик, эссеист, критик и общественный деятель. Окончил факультет педагогических наук в Нови Саде (Сербия). Член СП Черногории. Зам. гл. ред. журнала «Литературная запись» и гл. ред. журнала «Сквер». Автор десяти книг поэзии. Стихи переводились на многие языки мира. Лауреат ряда отечественных и международных литературных премий. Является основоположником Пушкинских дней в Черногории. **Живет и работает в Подгорице (Черногория).**

* Печатается с авторской орфографией и пунктуацией.

ГОЛУБОЙ САД

Вериги смолкли
запах подожженных фруктов
поднимает румяную зарю
завейное чадо

В яслях парча
соломенная шляпа
и кусок неба

Мельник вытянул руки
глубоко
ярко
чтобы колесо повернулось

В слезе парус вьется

Длится долго это переселение
говорит отец
посеребрится
слушай колокола

ДЕТСТВО

Какая-то невидимая сила
поедает меня понемногу

И я больше не я

Странная эта чаша
эта корона обглоданная

А я прекрасно знаю
всегда знал
что поэзия самая главная
на свете

Как детство

ТРУБОЧИСТ

Все позабыли
вестника счастья
друга диких пчел
шершней и белых аистов

Все бы хотели Гагарина
видеть на крыше

Обнимал одну деву тайно
и на своей веревке по трубе

часто ей спускал
ломти молодого месяца

с острова не дуло
во все стороны

Если бы его только пустили
сейчас бы так

Дом бы им был полон
голубого света

ПЕКАРЬ

Кроме шуток, его работа святая
В полночь берет отцовские весла

И благословенно захватывает булочки
лепешки длинный хлеб

На рассвете стучат в дверь поэты
игроки влюбленные ночами не спящие

Коврижка встает в полудреме и делит
дрожжи как ладан

И вся улица поднимается как тесто
И все пахнет хлебом

ГОЛУБЬ

Из своей богемы переселился
в пещеру выше города

Встречал почтальонов
крутил самокрутку с табаком
и курил предложение за предложением

И так три зимы
пока не зачитался не перекурил
и слезы его задушили

Голубь из букв созданный
крылья поломал
чтобы написать имя
на плите серой каменной

КАМЕНОЛОМНЯ

Извлекают куски белого мрамора
похожего на кусочки венгерского сыра

Вливают любовь молотками
ваяют птиц которые никогда
не взовьются ввысь в голубизну

В конце концов все же каждому
сядет он на шею

как плита
крест или многоконечная сосулька

Мы еще и клянемся камнем
думаем что в нем что-то сокрыто

А что если для тебя вся эта глыба каменоломня
Если тебе молотком бьют в угол дома
Если каждый день ломают

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ СЕГОДНЯ

Что бы было сейчас
со всей этой философией и поэзией
Гомер слепой и Сократ устный
Что бы делали трагики без своих Агоров
Если бы не было фильмов об Александре Македонском
никто бы не знал об Аристотеле

Леонида сейчас
компьютерский герой которого любой подросток
использует за свою монетку
в любом месте и в любое время

Как бы презирал этот мир
Гераклит
который еще недавно отправился на Берег
строить с детьми башни из песка

Только марафонцы
метатели копья и диска
как-нибудь бы выжили сегодня

А волны
конечно делают свое дело

СЛЕД

Всегда, когда я ехал в Россию
брал с собой вино землю иконы

Всегда, когда я переезжал Карпаты
привозил иконы землю
ладан и лампадное масло
и какую-нибудь книгу гравюру

Как будто в этом обмене живом
я ищу невидимое подтверждение
Лик Христа

Перевод Марианны Киришовой (Москва)

Элка НЯГОЛОВА

«НАМОЛЕННЫХ ИМЕН НЕ ЗАБЫВАЙТЕ»

Элка Няголова — поэт, издатель, переводчик, беллетрист, антологист, создатель и первый председатель Международного творческого фонда, директор международной ассоциации писателей, международного фестиваля поэзии, главный редактор журнала «Знаки», действительный член Академии Российской словесности и др. Автор более 30 книг, лауреат более 15 национальных наград, а также международных литературных премий. В России: орден М. Ломоносова, орден А. С. Грибоедова, медаль им. Пушкина — АРС и др. **Живет в г. Варна (Болгария).**

СВЕРЧОК

Не молчи, сверчок полночный,
У любимого в груди —
Грозы руют дом непрочный —
Ты запой, и мир порочный —
Во спасенье разбуди!
Как над брошенной деревней,
Над землей навис молчок.
Ты запой, сказитель древний,
Растревожь народ, сверчок!
Натяни потужи струны
Луговых июньских трав.
Вспомни дедовские руны,
Сострадающих собрав.
Вот уже июль на небо
Взвился со звездой во лбу,
Вот уже и август немо
Сеет ноты на лету.
Не молчи, сверчок любезный,
Пой пронзительно в тиши;
Вестью обнадежь небесной
Во спасение души.
Тебе пуговку к рубашке
Богородица пришьет.
Думы Матушкины тяжки,
Больно сердцу за народ.
Пой, сверчок, во избавленье
Сирых и скорбящих душ.
Скоро, скоро дождь осенний
Явится со стадом туч.
Помнишь, парень на откосе
Песню спел мне, став судьбой?
Песня старая, но в грозы
Ты смахни с глаз неба слезы,
Чистые, как наши грезы,
И в ночи мотив напой.
Мой сверчок, ты понимаешь —
Жизнь по-дьявольски кратка.
Ты башмак в пути теряешь,
Позабыв припев, хромаешь,
Но с молитвою шагаешь
Прямиком, без башмака.

Перевод В. Бояринова

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Райские яблоки. Вместо рая.
Грустные взгляды — людей и ангелов.
Бел Андреев день — до бескрайности.
Серафимы — высоких рангов.

А человек — небо разжаловал.
А человек — фигура плакатная,
И в плакате — любовь и жажда.
И заснеженность необъятная.
Стих написан чернилами белыми
Нерадиво, с ошибками глупыми.
Тишина — как пред общим побегом...
Человечество, стой, ты запуталось!
Светлый рай на Востоке — проверено.
Снежные ангелы родом оттуда.
Райские яблоки. Рвали их смелые.
Ад свой носят в себе покуда.

Перевод Т. Житковой

ИМЯ

И хлеб. И гроб. И крест над колокольной,
И эхом прокатившаяся весть.
А все другое — только звук окольный,
Всему другому вряд ли имя есть.
Намоленных имен не забывайте,
В старинном танце затаен полет.
Я чувствую — в *неравнодельном такте*¹
Немая кровь ликует и поет.
И клятва в *Молчаливом хороводе*²,
Беззвучная, как гром перед грозой,
Кипит во мне, кипит в моем народе,
Скрепленная соленой слезой.
Вливается и в Струму, и в Марицу³,
В себя вбирая спекшуюся боль,
Готовая мгновенно превратиться
В наречии родном и в беск, и в соль.
Когда я в детстве с мамою учила
Стихи о доме светлом и родном,
Она мне в сердце искорку вложила,
Чтоб не споткнулась на пути земном.
Я пронесла по жизни эти строки.
Отечество младенческое в них.
Стареет мама, беспощадны сроки,
Но помню «*Домик дней моих золотых...*»⁴.
Болгария моя, тот свет в оконце
Я берегу поныне для внучат.
А «Молчаливый хоровод» под солнцем
Блестит, как слеза, в твоих очах.

Перевод В. Бояринова

¹ Неравнодельный такт — (7/8; 9/8) — танцевальная народная музыка, своеобразный символ Болгарии.

² «Молчаливый хоровод» — ритуальный мужской танец.

³ Струма и Марица — реки в Болгарии.

⁴ «Домик дней моих золотых» — хрестоматийное детское стихотворение.

Филипп МОСКВИТИН

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ И ИКОНОПИСНЫЙ ОБРАЗ

*Лука Крымский —
жертвенный служитель
и милосердный предстатель*

Филипп Александрович Москвитин — художник, иконописец, скульптор, публицист, род. в 1974 г. в Иркутске в семье художника, жил в Санкт-Петербурге. Окончил Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества, аспирантуру под руководством проф. Ильи Глазунова, член Союза художников России, действ. член Академии Российской словесности, доцент факультета церковно-исторической живописи РПУ св. ап. Иоанна Богослова. Имеет более 30 персональных выставок в центральных залах России, а также награды от Русской Православной Церкви и Российской академии художеств. **Живет в Москве.**

«Образ, дивно расчлененный, исчезает навсегда». Богоборцы и сокрушители Российской империи вряд ли знали эти слова великого Гёте, но действовали именно по такой методике. Они не только расчленили храмы, не только умерщвляли «верных» России православной, но искажали образы и смыслы русской истории, глумились над народной верой, которую, как показало время, ни сжечь, ни разрушить невозможно, потому что дух и души не могут стать прахом. Сегодня я хочу представить свою художественную работу, которая, по моему замыслу, должна и может способствовать возрождению дивного образа Руси православной. Это скульптурный портрет святителя Луки (в миру — Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий). Он родился в дворянской семье в 1877 г., Валентин Феликсович увлекался живописью и врачом стал не по призванию, а по убеждению. Он был уверен, что не имеет права делать то, что ему нравится, а нужно трудиться, чтобы облегчить страдания ближнего, и избрал жизненный путь как служение людям Божиим. Он выбрал самую трудную область медицинской деятельности — хирургию. В начале своего поприща был назначен на окраину Российской империи, стал главным врачом Ташкентской городской больницы.

Как рассказывается в житийных источниках, уже после октябрьского переворота боголюбивый хирург часто принимал участие в диспутах на духовные темы, где выступал с опровержениями тезисов научного атеизма. По окончании одного из таких просветительских собраний епископ Иннокентий обратился к вдохновенному врачу и сказал: «Доктор, вам надо быть священником». Валентин никогда не помышлял о свя-

*Скульптурный портрет святителя Луки Крымского.
Справа налево: скульптор Филипп Москвитин,
уполномоченный по правам человека в Севастополе Павел Буцай*

шенстве, но сразу принял предложение известного иерарха Русской Православной Церкви. Вскоре он был рукоположен в диакона, а через неделю возведен в сан иерея. Отец Валентин продолжал трудиться на медицинском поприще, по воскресеньям служил в храме, усердствуя в проповедничестве.

В богоборческие времена, во время разгула обновленчества, на о. Валентина легло управление всей Ташкентской епархией. Ссылный епископ Андрей Уфимский (кн. Ухтомский), находясь проездом в Ташкенте, одобрил избрание о. Валентина в епископат, совершенное собором духовенства, сохранившего верность Церкви. Потом тот же епископ постриг о. Валентина в его комнате в монахи с именем Лука и отправил в небольшой городок недалеко от Самарканда. Здесь жили два ссыльных епископа, и святитель Лука в строжайшей тайне был хиротонисан (18 мая 1923 г.). Через полторы недели после возвращения в Ташкент и после своей первой литургии он был арестован органами безопасности (ГПУ), обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Англии и осужден на два года ссылки в Сибирь, в Туруханский край.

Дальнейшая судьба свт. Луки неотделима от трагической судьбы его Отечества. Ссылки, оправдания, опять ссылки, мучительные допросы, ложные обвинения, допросы «конвейером», когда 13 дней и ночей в ослепляющем свете ламп следователи, сменяя друг друга, непрерывно вели допрос, вынуждая святителя оговорить себя. И как следствие бескорыстного

профессионального служения и физических и нравственных издевательств от приспешников новой власти — тяжелые болезни: опухоль, тропическая болезнь, приведшая к отслоению сетчатки глаз.

Но выдающийся хирург-ученый понадобился стране, особенно во время Великой Отечественной войны, когда все свои силы он отдавал на спасение соотечественников, будучи главным хирургом красноярского госпиталя, а также ответственным за все военные госпитали края. При этом он служил епископом в епархии области, где, как бахвалились коммунисты, не осталось ни одной действующей церкви. Но война — известная проявительница истинных ценностей и настоящих героев, гонения на Церковь немного ослабила, и митрополит Сергей возвел свт. Луку в сан архиепископа. В этом сане он принял участие в Соборе 1943 г., на котором был избран Патриархом митрополит Сергей (Страгородский), а сам свт. Лука стал членом постоянного Синода. Позже он стал лауреатом Сталинской премии I ст. за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов».

После войны выдающийся хирург и пастырь был переведен в Крым и назначен архиепископом Симферопольским. В Крыму святитель боролся с вольными нравами местного духовенства. Он учил, что сердце священника должно стать огнем, излучающим свет Евангелия и любви ко Кресту, убеждать словом или собственным примером. Из-за болезни сердца святитель Лука был вынужден прекратить оперировать, но продолжал давать бесплатные консультации и оказывать помощь местным врачам советами. По его молитвам произошло множество чудесных исцелений. Господь слышал молитвы искреннего предстателя за заблудшие души человеческие. Упокоился свт. Лука 29 мая 1961 г., снискав любовь и современников, и потомков. Поныне его могила — место паломничества.

В 1995 г., когда мощи святителя были извлечены и помещены в кафедральный собор Симферополя, святитель был причислен к лику местночтимых святых. В 2000 г. святитель Лука был причислен к сонму святых Новомучеников и Исповедников Российских. Следует сказать, что хирург-монах оставил важное научное и богословское наследие, имеющее непреходящее значение. Свт. Лука ввел термин «христианская антропология». В связи с этим отмечу: считается, что русская философия по сравнению с западной не внесла большого вклада в антропологическую науку. Здесь нужно поспорить, вспомнить имя Виктора Несмелого и его гениальный двухтомный труд «Наука о человеке»¹, свт. Луку Крымского с его духовным трудом «Дух, душа и тело». Бесспорно, это великий, недооцененный вклад в мировую научную сокровищницу знаний о человеке. Человека свт. Лука видит как совокупность духа, души и тела. Силу человеческого духа — понимает выше силы человеческого мозга, над которым сегодня проводятся жесточайшие эксперименты. Но по убеждению свт. Луки, дух и духовные энергии не во власти человека.

¹ Подробно исследовано в трудах митрополита Константина (Горянова). См.: *Константин (Горянов), архиепископ. Религиозно-философская антропология* В. И. Несмелова. // И познаете истину. СПб.: Родная Ладога. 2011 г. С. 223–293.

Осуществление заповеди «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный» Владыка Лука видит в непрестанном совершенствовании человеческого духа и в бессмертии души. В названном выше труде свт. Лука говорит: «Нервная система, и в особенности мозг, — не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию»¹. Свт. Лука учил не скрывать своего мировоззрения. «Если христианская мораль ставится под сомнение, если на нее возводится тяжелое обвинение, что она антигуманистична, вредна, устарела, то, прежде всего, надо спросить христианина, какую мораль он исповедует. Мы, христиане, не боимся поставить нашу мораль перед судом современности. Когда Основателя нашей религии — Иисуса Христа привели на суд и стали спрашивать Его об учении Его и учениках, Он ответил: *Я всегда учил... в храме... и тайно не говорил ничего*. Когда же один из слушателей ударил Его за такой ответ, Он сказал ему: *Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, за что ты бьешь меня?»* (Ин. 18: 20–23)².

Все это я говорю, чтобы лучше показать личность нашего великого святого, почти современника, и те трудности, с которыми сталкивается художник, поставивший задачу представить не только портрет исторической личности, но выявить ее духовные черты. По своей натуре свт. Лука был личностью мощной, подобной св. Петру, которого называют Камнем. Именно на камне стоит христианская Церковь. Образ Камня Веры я хотел выразить в портрете, поэтому избрал жанр скульптуры. Лицо свт. Луки на прижизненных фотоизображениях рельефное, эмоции сдержанные, но выразительные. На челе ученого — отражается работа мысли, глубокие раздумья; на лице монаха — ясная вера и вдохновенная любовь к человеку. Такую сложную личность трудно передать плоскостным изображением. Требуется всесторонний охват, сменяемый угол зрения зрителя. Скульптурное произведение обладает осязательной силой убеждения. Со знанием жанра, изучаемого мной по греческим и римским оригиналам и копиям, могу сказать, что это искусство по своим стилистическим особенностям простое, изображающее реального человека, не ограниченное жанровыми условностями. И в то же время — требующее анатомических знаний, большого физического труда. Оно не рассказывает, как картина, а показывает. И здесь ошибиться нельзя. Требуется изнуряющее трудное умение, чтобы превратить безжизненный камень (материал) в живой образ.

Благо за века разработано много для того приемов. Хорошо потрудились древние греки и римляне. В моей работе меня вдохновляли образы Марка Випсания Агриппы (25 г. до н. э.), императора Траяна, портрет Луция Вера, Филиппа Аравитянина, греческого бога медицины Асклепия и др. Отмечу, что свт. Луку Крымского поныне почитают в Греции, изучают его научное и богословское наследие, посвящают ему храмы, на иконах изображают с медицинскими инструментами. Наверное, греки чувствуют родство своих героев и святых с русским врачом-монахом. Согласно мифу, Асклепий был смертным сыном Аполлона, которого мудрый кентавр Херон обучил искусству врачевания. Асклепий стал столь великим врачом, что научился вос-

¹ *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа и тело. Троицкое слово. Феникс. 2001 г., С. 180.

² Там же. С. 81.

крешать мертвых, и люди на земле стали подобными богам, перестали умирать. За это разгневанный Зевс убил врача, но тот попал не в царство мертвых, а на небо, в созвездие Змееносца. Похоже на историю жизни свт. Луки. Он ведь тоже трудился во имя того, чтобы спасти людей от смерти телесной и духовной. И был гоним за свои добрые святительские дела. Греческий Асклепий стал языческим богом, русский ученый, христианский монах стал святым Русской Православной Церкви и предстоятелем у Престола Господня.

Вглядываясь в мраморную римскую копию древнегреческого оригинала, можно сказать, что древний врач Асклепий был человеком твердым

в своих убеждениях и вдохновенным, бесстрашным и сдержанным. Греко-римская посвяtitельная скульптура всегда отличалась достоверностью и метафоричностью, жизненностью и обобщенностью. В своей работе я пытался передать реальность, материальность образа свт. Луки посредством видимых пластических приемов, открытого процесса лепки. Я хотел, чтобы была видна рука скульптора, трудное сопряжение веков, неизбежность традиции. Чтобы наблюдался процесс перехода от пластики к скульптуре, прослеживающийся в древнегреческих образцах. Это создает динамику возрастания образа, сочетание твердости и зыбкости выражает основные черты характера модели. Приводит к философско-метафорическому толкованию личности портретируемого. Я старюсь через ощущение массы материала добиться живого и эмоционального, цельного и мощного образа. Как говорит об этой работе поэт В. Ефимовская, «Лаконичная и в то же время всеобъемлющая характеристика святого человека рождается вследствие скрытого композиционного ритма, резкого контраста форм, способствующих распределению и движению светотени. Ощущается как духовная и жизненная энергии пульсируют под непроницаемой оболочкой. Статика и экспрессия, драматизм и лиризм делают портрет выразительным, личностным и в то же время обобщенным — символом негнущности и мужественности, милосердия и жертвенности».

Действительно, благодаря техническим приемам, сделанная из гипса (в дальнейшем из бронзы) скульптура приобретает стилистические свойства

*Икона Святителя Луки.
Иконописец Филипп Москвитин*

жесткого камня, что особенно важно для лица модели. Лицо святителя, с глубокими впадинами глаз, выпуклым лбом мыслителя, должно быть выполнено экономными, я бы сказал, архаичными художественными средствами, чтобы выявить сильный, целеустремленный и в то же время милосердный характер ученого-монаха, чтобы из незримых глаз его изливался свет любви к Евангелию и ко Кресту. Допуская разнонаправленные, волноподобные плоскости в процессе обработки поверхности скульптуры — на груди, бороде, в волосах, под разными углами отражающие свет, пытаюсь добиться того, что портрет излучает свет. Этот художественный прием, дающий возможность проследить взаимоотношение света и тени, позволяет показать духовное состояние героя, его страдания и обретения, его стояние в вере и пребывание в святости.

Вызывает вопрос, для каких целей я создал портрет свт. Луки? Если для популяризации деяний святого монаха, почти нашего современника, то спрашивается, где будет установлено это религиозное по своему замыслу произведение? О храме, наверное, говорить не приходится. Скульптура, как известно, в православной церкви не имеет того канонического статуса, как икона или стенная роспись. Однако скульптура религиозной тематики имеет многовековую традицию, заметно востребованную в наш век возрождения Церкви. Вблизи или на территориях храмов сейчас устанавливаются памятники святым и историческим личностям. Вспоминаются образы Николая Угодника в итальянском Бари и в турецких Мирах Ликийских, выполненные соответственно В. Клыковым и Г. Потоцким, скульптура Великой княгини Елизаветы Федоровны в Москве, созданная В. Клыковым, образы Кирилла и Мефодия в г. Дмитрове А. Рукавишникова и мн. др. работы. Тенденция приближения героев к народу, ради которого они совершали свои подвиги, способствует не только историческому просвещению и сплочению нации, но и умудрению отдельного человека, воспринимающего духовный свет от произведения религиозного содержания, обращению души к отечественной истории, вере и Церкви.

В современном обществе, с его игровой установкой, с его бунтом против отцов и традиции, с личностным превосходством и автономным существованием человека, не знаю, будет ли полностью понято и принято мое скульптурное произведение. Актуальной делает работу соединение специфических тенденций: современный культурный контекст и использование классических традиций. Как известно, скульптурный портрет наиболее близкий для человеческого восприятия художественный жанр. Скульптура вызывает на внутренний диалог, ставит перед зрителем вопросы, ответы на которые могут всколыхнуть его душу, взывать неожиданные ассоциации. Поэтому я надеюсь и буду рад уже тому, что портрет свт. Луки вызовет сначала любопытство моих современников, потом, может быть, интерес к жизни того, кому он посвящен. И если это случится, уверен, что история судьбы и служения, мощь и масштаб личность врача-монаха Луки Крымского вовлекут зрителя в мир правдивой отечественной истории и в жизнь Русской Православной Церкви.

А в пространстве храма я, надеюсь, он обратит внимание и молитвы о здравии тела и спасении души иконе свт. Луки. Современными иконописцами создано немало образов святого хирурга, почитаемого в разных странах мира. Я тоже отдал дань этому святому человеку. Иконография

различается в зависимости от местных приемов и традиций, но во всех иконах сохраняется портретное сходство. Часто святителя изображают в строгом черном монашеском одеянии, символизирующем молитвенный подвиг и тяготы его служения в тяжелейшие безбожные времена, когда Русская Православная Церковь была гонима и сама походила на гонимого, каким был и монах Лука, много претерпевший за свою веру в Бога и в человека. В своей иконе я хочу показать пасхальные символы служения архиепископа Крымского, ведь он совершал подвиги во имя существования, возвращал к жизни солдат, воюющих за Отечество. Уподобляясь Христу, он излечивал безнадежно больных. Поэтому я создал образ Луки Крымского в пасхальном одеянии. Икона — это не картина, икона и обозначает реальный символ, и являет его. Посвященная святому икона должна излучать благодать, присущую святому. Не вдаваясь в глубины труда иконописца, когда должны быть задействованы и сердце, и душа, и навыки, скажу, что много тому способствует цветовое решение. Здесь я использую основные цвета — золотой, красный, зеленый, белый. Золотой символизирует непрерывность христианской традиции, восходящей к Рождеству. Волхвы, приветствуя Младенца, среди прочих даров поднесли Ему — золото. Золотой цвет также означает Высший — Святой Дух. Это сияние Бога. Зеленый фон иконы напоминает о цветении природы, это цвет Рождества и Вечной жизни. Красный цвет представляет духовный огонь, присущий Господним святым. Это цвет мученичества, любви и Воскресения Христова.

Каноническая атрибутика и строгость лика святителя созвучны иконографии Николая Мирликийского. Белоснежный омофор архиерея — тоже символичен. Белый цвет — символ чистоты, святости, простоты. А еще этот цвет напоминает крымский инкерманский известняк, древний облицовочный камень, из него сложены многие сооружения в Севастополе, построены все монастыри Крыма. У меня нет сомнения, что не без помощи святителя, его предстоянием пред Богом русский полуостров бескровно вернулся в родную Русскую землю.

Читая духовные работы святителя Луки на богословские темы, восхищаясь их глубиной, правдивостью, я всегда отмечал их простоту, доходчивость, как будто добрый учитель разъясняет сложные вопросы бытия. Создавая икону архиепископа Крымского Луки, я пытался передать свет просветительства, надеясь, что лик святителя привлечет верующих не только для молитв о теле и душе, но вызовет интерес к истории Русского Православия и заставит уверовать в то, что есть пророки в нашем Отечестве.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ВСЁ МОГУТ КУСТАРИ

По следам «Павловских очерков» В. Г. Короленко

Елена НАУМОВА

В июне 1889 года замечательный русский писатель В. Г. Короленко впервые побывал в разбросанном по холмистым берегам Оки селе Павлово. Он приехал сюда для того, чтобы изучить жизнь и труд местных кустарей, продукция которых пользовалась широкой известностью и спросом не только в России, но и далеко за ее пределами. Местные умельцы создавали удивительные по красоте и надежности замки. Они же предлагали покупателям искусно выполненные прочные ножи всевозможных форм и размеров, столовые приборы.

В этом патриархальном селе все вопросы труда и быта решались сходом — самими крестьянами. Но и сюда начал проникать крупный капитал. Появились скупщики, подчинившие себе кустарей Павлово и окрестных сел. За малые деньги они скупали продукцию у плохо разби-

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

«Павлуша с лодкой»

Нижегородская улица

равшихся в коммерции крестьян и втридорога перепродавали ее в крупнейших городах России.

Чудо-мастера, которые должны были бы богатеть и процветать, оказались в крайней нужде. В стремлении защитить их, в Павлово отправился Короленко. В общей сложности он посетил село пять раз. Результатом его

Музей «Особняк Гомулки»

поездок стали знаменитые «Павловские очерки», которые в 1890 году появились в трех номерах журнала «Русская мысль», вызвав огромный интерес у читателей.

Благодаря Короленко древнее село Павлово приобрело всероссийскую известность. После революции кустари и скупщики исчезли. Вместо них возникли крупные промышленные предприятия, выпускавшие, в том числе, скобяные изделия и столовые приборы. Но наибольшую известность среди них приобрел автобусный завод. Павловские автобусы колесили по всем дорогам страны, в том числе по труднопроходимым грунтовкам, где «пазики», с их повышенной проходимостью, не знали конкурентов.

Спустя десятилетия мы решили вслед за Короленко отправиться в Павлово, которое в 1947 году превратилось в город, получив еще одно название — Павлово-на-Оке. Естественно, что путеводителем нам служили «Павловские очерки» В. Г. Короленко. Писатель вспоминал, как в одной из своих поездок в Павлово сначала сошел на железнодорожной станции Гороховец, где ему «попался попутчик, молодой виноторговец, недавно открывший в Павлове склад...». Они «наняли просторные сани и поздним вечером отправились в путь».

Дорогой им начали встречаться люди «с кошельками за спиной. Это мастера из деревень, спешили к утренней скупке...». Тем же путем, но только не на санях, а на автомобиле, мы отправились в Павлово. Росшие вдоль дороги кусты постепенно сменились вплотную подходившими к шоссе густыми лесами. Миновали некогда славившееся своими кустарями большое село Тумботино, «отделенное половодьем, — как писал Короленко, — от глинистых павловских гор».

Но вот и Ока, а за ней вытянувшийся вдоль реки город. Переправившись по понтонному мосту через реку, первым делом поприветствовали воз-

В Особняке Гомулина

Потолок в Особняке Гомулина

вышавшегося на постаменте «Павлушу с лодкой». Легенда повествует, что когда-то человек по имени Павел перевозил людей через Оку. В честь него и назвали село, а в наше время поставили памятник.

«Нигде в такой мере, — писал Короленко, — не сохранился прежний характер наших старинных городов и пригородов, как в этом кустарном

селе... Чем-то древним веет на вас в этих узких и кривых улицах...». Кажется, что Короленко писал о сегодняшнем Павлове, центр которого сохранился практически неизменным с давних времен. Все те же улочки, с построенными когда-то двух-трехэтажными каменными домами, с непохожими друг на друга фасадами. Правда, не обошлось без утрат. В прошлом году за одну ночь напротив старинного здания местного краеведческого музея, о котором мы еще поговорим, образовался пустырь. Хотя еще накануне здесь стоял переживший все павловские пожары старинный дом Страховых. Вероятно, кому-то понадобилось место в центре города с видом на Оку.

Поплутав немного, мы вышли на Нижегородскую улицу, где когда-то обосновались скупщики. Но ни их, ни кустарей мы, скользя по нечищеным обледенелым тротуарам, конечно же, не увидели. Но зато представить себе обстановку минувших лет нам помогли все те же каменные дома, в которых некогда размещались лавки скупщиков. По понедельникам ночью, ближе к утру, они выносили на улицу столы, ставили на них фонари и ждали предлагавших свой товар кустарей. Те к утру могли обойти нескольких скупщиков, но они, выражаясь современным языком, согласно картельному сговору сохраняли низкие закупочные цены. И кустари уступали. Ведь вернуться без денег, не продав товар, они не могли — надо было кормить семьи. Да и то небольшое, что удавалось заработать, часто пропивалось в близлежащих кабаках.

Скупщики нередко недоплачивали кустарям, компенсируя третью часть причитавшейся суммы чаем или железом, конечно же, самого низкого качества. Занимались скупщики и «променом», то есть, разменивая крупную купюру на причитавшиеся кустарям более мелкие деньги, всякий раз оставляли себе за услуги несколько копеек. Короленко же упоминал о том, как кустарь, взяв в долг у ростовщика, оставлял ему в качестве залога собственную жену, «которая дожидается на холоду, у крыльца ростовщика, пока муж сдает товар и рассчитывается с скупщиком». Хотя некоторые купцы стеснялись названия «скупщик» и величали себя «торговцами павловского изделия».

И все же нам удалось увидеть и скупщиков и кустарей, но только на картине, которая висела в одном из залов удивительного краеведческого музея в Павлове. Он разместился в роскошном здании с великолепной трехэтажной угловой башней, принадлежавшем купцу 2-й гильдии В. И. Гомулину. Фасад особняка шикарно декорирован красным кирпичом с белокаменными вставками. Но еще большее великолепие ожидало нас внутри здания. Почти все комнаты второго этажа украшены чудом сохранившейся лепниной с розетками, бутонами, кессонами, филенками. Настоящий дворец! И во всех музейных помещениях можно увидеть уникальные экспонаты — выполненные в разные десятилетия чудо-замки с оригинальными ключиками, перочинные ножички, ножи, предназначенные для тех или иных блюд, например, для вскрытия раковин с устрицами. Некоторые из предметов, например те же ножички, настолько малы, что их можно увидеть только под увеличительным стеклом. Их создал павловский мастер Куликов, которого, конечно же, звали Павлом. А какой вид на Оку открывался из окон особняка Гомулина! Да, умели выбирать себе места для своих хором павловские богачи.

Но не один Гомулин процветал в Павлово. Так, Короленко подробно описал встречу с другим купцом — Дмитрием Васильевичем Дужкиным,

Особняк Щеткина

считавшим, что «благородное скупщицкое сословие является необходимым звеном в кустарном организме. Это — просвещенные коллекторы, совершенствующие производство!» Впрочем, писатель представил своего собеседника не под его настоящими именем и фамилией. На самом деле его звали П. В. Щеткиным. Ему также принадлежал роскошный дом с фонариком-башенкой. Что поделаешь, нравилось павловским купцам пристраивать башни к своим жилищам. В особняке Щеткина ныне разместился ресторан. При входе на прикрепленном к стене панно с рассказом-легендой читаем о семейной жизни Щеткина, который, имея с дюжину дочерей, значительную часть своей коммерческой деятельности посвятил поиску для них богатых женихов.

Для посетителей ресторана отведен зал, украшенный лепниной, которая очень похожа на ту, которую мы увидели в особняке Гомулина. Правда, современная простенькая «общепитовская» мебель казалась чужеродным элементом на фоне великолепия, украшавшего потолки и стены. А сколь экзотично смотрится установленная еще в давние времена лестница с изгибами, которая ведет на второй этаж, где сейчас находится туристическое бюро. В другом павловском ресторане, разместившемся, как и положено, в бывшем купеческом особняке, для привлечения посетителей выставлен самый крупный в мире навесной замок, высотой 185 см и весом с ключом 415 кг. Так что современный ресторанный бизнес активно использует славные традиции павловских мастеров.

И, конечно же, нельзя не вспомнить еще об одном павловском купце Ф. М. Варыпаеве, о котором также упоминает Короленко. Он, как ни странно, защищал кустарей и пытался объединить их в артели, чтобы противостоять скупщикам. Заслуги Варыпаева не остались незамеченными даже в Петербурге. В павловском музее демонстрируется фотография купца в кафтане, подаренном самим Александром III.

Постигая город Павлово, мы набрали на памятник гусям. Он установлен в честь птиц, бои между которыми до сих пор проводятся в Павлово-на-Оке. Но эти бои не жестокие и вовсе не похожи на кровожадные петушинные схватки, о которых не раз упоминал Короленко. Он писал, что крестьяне окрестных сел сокрушались по поводу того, что разговоры у павловских мастеров «все про кулачные да про кочетиные бои». А вот о гусиных боях писатель не рассказывал, хотя и упоминал, что к празднику Вознесения в Павлово покупали гусей.

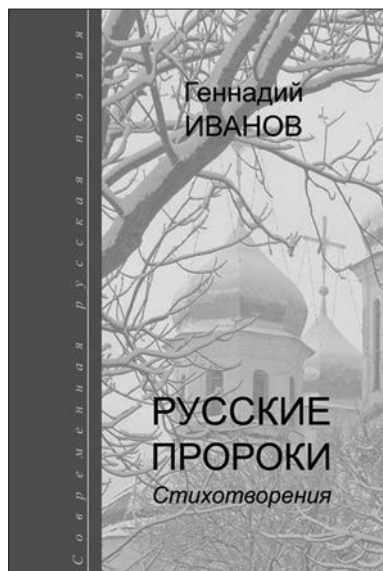
Ну а как же кустари? В наши дни они снова появились в здешних местах. В расположенном в 10 км от Павлово городе Ворсме проезжающих по шоссе в сторону Нижнего Новгорода то и дело встречают объявления, приглашающие посетить частные магазинчики, где торгуют ножами, изготовленными местными умельцами. Продают их как кустари, так и скупщики. Так что все возвращается на круги своя.

ВЫШЛА КНИГА

Иванов Г.

Русские пророки. Стихотворения. — М.: Российский писатель, 2020. — 52 с.

Геннадий Иванов родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство началось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Кандалакшу на Кольский полуостров — там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор четырнадцати книг стихотворений. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Большой литературной премии России и премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

Сергей КОРЫТИН

ДУХОВНЫЙ ФРОНТ

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в с. Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем на заводе «Прогресс» в г. Куйбышеве, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Неописуемо богат
Закат в последних числах мая,
Как будто из незримых врат
Рассыпали цветы из рая...

Оливковый и золотой...
Чуть выше: красный, белый, синий...
О!.. Это флаг страны родной
Украсил склон Небесных Скиний!..

Россия — Родина — жива!..
Русь Горняя ей шлет поклоны!..
И небо кажется иконой!..
И крепче нет того родства!..

8 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

Если б Советская власть
Верующих не гнобила,
В ней обитала б сейчас
Великая Божия сила...

В какой еще было стране
Бесплатное образование?..
Бесплатно — квартиры, дома?..
Но не было покаяния...

Если б Советская власть
С Церковью не боролась,
Существовала б сейчас,
Как золотой самородок...

Советский Союз бы жил
И развивался бы мудро...
Но дверцу Господь закрыл
В зимнее хмурое утро...

* * *

Как я люблю свою Малую Родину!..
Часто скучаю, тоскую по ней.
И не пугает дорога в колдобинах,
Что из райцентра бежит средь полей.

Родина малая, Матушка милая,
Огороди своих взрослых детей
От дыма и гари греховного пламени
И исцели от смертельных страстей.

* * *

Справа — поле.
Слева — поле.
Рожь, пшеница
И овес.
С четырех сторон
Раздолье!
Хоть и кончился
Колхоз.

Он обходит
Поле утром,
Видит
Каждый колосок,
По-старинному
Премудро
Просит, чтобы
Бог помог.

Пашут, сеют,
Убирают.
Жив еще
В селе народ.
Илью Муромца
Встречаю
На дороге
Каждый год.

Чтоб помог
Овсу, пшенице
И всему
Успеть созреть,
Чтоб летали
Пчелы, птицы
И могли бы
Песни петь.

ОМУТ СТРАСТЕЙ

Снова занырнешь в бурлящий омут,
Снова швей: «тина-камышы» —
Рубище сошьют... И тесный ворот
Перекроет воздух для души.

А без воздуха душа закиснет,
А без воздуха душа умрет.
Но не думай, что был в мире лишним,
В Книге Жизни твоей записан род.

* * *

В искушении испытывается душа,
Словно золото в горниле огненном...

И в печи плавильной отлетает ржа,
Выявляя в сердце образ подлинный.

* * *

Псалтырь и пластырь — схожие слова.
И цели, и задачи у них схожи.

Псалтырь читают и... душа жива!
А пластырь от царапин лечит кожу.

* * *

Ты сам себя ставишь над бездной,
Ввергаешь сердце в соблазны,

Устраиваешь в нем ежедневно
Приют для помыслов праздных.

* * *

Радуга заветная святая
Показалась мне улыбкой рая!..
А еще напомнила мне Ноя,

Сима, Иафета и изгоя...
Хамом звали вроде бы его...
А твоя душа похожа на кого?..

* * *

Мы все, конечно, смертны.
Но думаем, что вечны.
Живем, как ветер дунет,
Считая будто рúлим.

А рúлит нами ветер,
И благо, если в вечер
Стихает он немного...
И мысль коснется Бога.

* * *

На склоне лет
Страсть некая пришла,
И душу обвязала,
И утробу...
Неудержимо
В пропасть повлекла
К духовному
Мерцающему гробу.

Как мне избавиться
От страсти той?..
Не подорваться как
На страшной мине?..
Читатель, подскажи.
Вот адрес мой:
Глас вопиющего...
В пустыне.

* * *

*Борьба со страстями обща всем...
и длится всю жизнь.*

Святитель Феофан Затворник

Неудержимо хочется грешить,
Хотя грехи всем сердцем ненавижу...
Но сил достаточных в себе не вижу,
Чтобы без них и день один прожить.

Такая злая двойственность во мне,
И грех, и добродетель живут вместе,
Как дрожжи и вода в пшеничном тесте,
Как осень поздняя присутствует в весне.

И в жизни — смерть. И в смерти — зерна жизни.
Но все же грех из сердца нужно гнать.
Любить, прощать, служить своей Отчизне
И призывать на помощь Божью благодать.

ДУХОВНЫЙ ФРОНТ

Есть общий фронт.
Есть твой участок.
Определил его
Сам Бог.
Идут-спешат
Святые части...
До их подхода
Будь готов

Обороняться,
Защищаться,
Как защищал
Твой дед Москву.
Вгрызаюсь в Землю,
Чтоб сражаться
За душу
Грешную свою...

* * *

Возненавидеть грех всем сердцем,
Возненавидеть всей душой,
И, словно в Бресте в сорок первом,
Вести с ним непрерывный бой.

Изнемогая, не сдаваться,
Но подкрепления искать —
У тех, кто раньше нас сражался
И научился побеждать.

Андрей РОДОССКИЙ

«МЫ ЖИТИЯ ВЗЫСКУЕМ ТИХОГО, ЧТОБ ОТ БЕДЫ ГОСПОДЬ УПАС...»

Андрей Владимирович Родосский — родился в 1957 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГУ (1982) и заочное отделение СПбДА (2015). Кандидат филологических наук. Магистр богословия. Автор десяти поэтических сборников и более десятка книг переводов стихов и прозы со всех романских языков. Награжден тремя медалями, в том числе «За заслуги в сохранении русской культуры». **Живет в Санкт-Петербурге.**

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

При императоре Септимии Севере
Зосима некий жил —
монах, столь крепкий в вере,
Что мысль ему пришла
в один прекрасный миг,
Что совершенства он высокого достиг.

Но встретилась ему
несчастливая блудница,
Что к покаянию решила обратиться
И в одиночестве египетских песков
Смогла очиститься
от множества грехов.

Спасенье близило,
но вот одно несчастье:
Отлучена была Мария
от причастья —
Но через много лет Зосимую она
Святых Христовых Тайн
была причащена.

Пришло поветрие —
и приняты все меры.
Но изоляции не бойтесь, маловеры!
Развеется гроза —
и ждет причастье всех...
Не унывайте же:
унынье — смертный грех!

БРАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

И яств, и пития немного,
Но ощутима близость Бога,
Сидящего среди гостей...
Тогда покажется вкусней
Простая, скромная еда,
И принесенная вода
Из запоздалого кувшина
Взыграет радостней, чем вина...

* * *

Мы жития взыскуем тихого,
Чтоб от беды Господь упас...
Моли же, Патриарсе Тихоне,
Всечасно Господа за нас!

Мы чаем вечного спасения.
Чтоб пламень веры не угас,

Моли, святая мати Ксение,
Владыку Господа за нас!

Хотя мы путь избрали правильный,
С него сбиваемся подчас...
Моли же, Иоанне праведный,
Царя Небесного за нас!

Идем стезями некольными,
Как нам велит небесный глас...
Архиепископе Николае,
Моли Спасителя за нас!

Не перепишешь жизни заново,
Но каемся мы каждый раз...
Творец канона покаянного,
Моли Распятого за нас!

Мы чтим святыни православные,
Нам памятен предсмертный час...
Святые, что в веках прославлены,
Молите Господа за нас!

И молимся, и верим истово,
Взирая на иконостас...
Моли, Владычице Пречистая,
Царя Небесного за нас!

АЛЕКСИЙ I

Аристократ, монашество принявший —
Не как толстовский князь Касатский, нет! —
В года гонений патриархом ставший,
При богоборческих властях познавший
И ссылку, и арест, и много бед.

Двадцатый век. Обманная свобода
Собою запятнала пятый год —
И он в Союзе Русского Народа
Нашел себе поддержку и оплот.

Был предан Петербургу—Ленинграду
И пережил фашистскую блокаду,
В Никольском храме каждый день служил,
Под колокольной коего он жил.

Неоднократно к орденам представлен,
К нему отнесся благосклонно Сталин,
Но в полуопустевшем Божьем доме
Он ясно видел дьявольский оскал,
Когда в Кремле московском на приеме
Его Хрущев за бороду таскал.

И баловала жизнь его, и била —
И сотни почестей, и сотни бед.
Однако неподкупная могила
Принять его в объятия не спешила —
Не дожил семь годков до сотни лет.

ПАТРИАРХ ПИМЕН

*Я тогда клобучок сниму, а амуничку надену.
«Очарованный странник»*

В том граде ему жребий выпал родиться,
Что назван во имя Небесной Царицы.

Когда поменял этот город название,
Обрел себе юный Извеков призвание.

Он Богу — отнюдь не Перуну — покорен...
Суровою кистью писал его Корин.

Гоненья и ссылку изведаль сполна...
Сегодня — свобода, а завтра — война.

Сменил шевелюру он стрижкой короткой,
А черный клобук — краснозвездной пилоткой.

Отчизну с оружием в руках защищал,
А после — раненье, потом — трибунал.

Он вряд ли избегнул бы лагерной жути,
Когда б за него не вступился Ватутин.

И после трудов, треволнений и мук
На куколь сменил он привычный клобук.

СХИАРХИМАНДРИТ КИРИЛЛ (ПАВЛОВ)

За снарядом рвется снаряд.
Защищается Сталинград.
Обнаружил среди руин
Лейтенант советский один
Книгу, что чудесную Весть
Всем народам готова принести,
И читает в кромешной мгле:
Слава Богу! Мир на земле!

Возле озера Балатон
Ратный подвиг закончил он
И возжаждал духовных битв
Под защитой поста и молитв.
Опаленный великой войной,
Он свершает подвиг иной —
За Россию святую стоит
Несгибаемый архимандрит,
Что на рясу сменил мундир...
Слава Богу! На земле мир!

* * *

...Но даже если будет не по силам
Нам храм константинопольский вернуть —
Пусть это будет вековечный символ,
Что, как звезда, нам указывает путь!

Средь необъятной шири небосклона
Она не потускнеет никогда...
Звезда Давида? Или Соломона?
Нет — это Вифлеемская звезда!

Там тот родился, кто приблизил Небо
И людям преподал Благую Весть!
Да, Вифлеем по-нашему — Дом Хлеба...
О Боже, хлеб насущный даждь нам днесь!

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Виктор МОЛЧАНОВ

СИМВОЛ ВЕРЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

*К 200-летию
Ф. М. Достоевского*

Виктор Федорович Молчанов — историк, исследователь книжной культуры России, доктор ист. наук, работает в сфере науки и библиотечного дела. Зав. Отделом рукописей Российской гос. библиотеки, фонд которой под его руководством пополнился 250 тыс. редких документов XII—XXI вв., автор более 150 научных работ по проблемам книжной культуры, истории, библиотековедения, книговедения. Основатель нового научного направления — оптико-электронной текстологии. Лауреат многих премий, имеет награды РПЦ и Министерства культуры. **Живет в Москве.**

2021 год проходит по зна-ком юбилея Ф. М. Достоевского. В честь русского гения Фонд «Возрождение Тобольска», председателем которого является книгоиздатель А. Г. Елфимов, готовит еще один свой уникальный проект «Перерождение убеждений» (письма Ф. М. Достоевского из Сибири). Оформление издания выполнено художником В. Е. Валериусом. Так о значении и содержании будущей уникальной книги, посвященной Ф. М. Достоевскому, говорит доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской государственной библиотеки В. Ф. Молчанов.

* * *

Письма XIX столетия — уникальные исторические документы, олицетворяющие память прошлого, которое смотрело в будущее.

Россыпи драгоценных сокровищ эпистолярного наследия классиков отечественной и мировой литературы открывают перед нами глубинную сущность философии русской жизни, гениальную откровенность размышлений, чувств и переживаний, мир науки, жизни общества, культуры.

Творческое наследие Ф. М. Достоевского еще при жизни писателя привлекало и привлекает в третьем тысячелетии живое внимание критиков, читающей и просвещенной аудитории, ученых, как в России, так и за рубежом.

Неослабевающий интерес вызывают не только неопубликованные произведения, но и личный архив Ф. М. Достоевского, сохраняющий бесценный материал для новых открытий. История формирования архивного наследия Ф. М. Достоевского представляет собой многотрудный процесс, в котором принимали

участие родственники, друзья, сподвижники гениального русского писателя, их преемники и последователи. На протяжении десятков лет, в силу объективных и субъективных обстоятельств, рукописи Ф. М. Достоевского неоднократно меняли места бытования и владельцев, перемещались по различным городам и учреждениям.

В настоящее время большая часть личного архива Ф. М. Достоевского находится на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд № 93), общий объем которого составляет более двух тысяч единиц хранения. Всего же рукописные фонды ОРРГБ насчитывают свыше 700 тысяч единиц хранения VI—XXI веков.

Обладая столь обширным рукописным богатством, ОРРГБ — в процессе экспертизы, научного описания документов, подготовки публикаций, аутентичного воспроизведения авторских текстов — столкнулся с существенной проблемой. Авторские и цензурные зачеркивания, пометы, угасший текст, следы бытования, последующие подчистки, исправления не позволяли вводить в научный оборот в некоторых случаях до 15 % текста даже в академических изданиях. Решить столь важную и вместе с тем сложнейшую задачу позволяет факсимильное воспроизведение автографов с приложением аутентичной транскрипции (сохраняя в печатном тексте авторскую орфографию и пунктуацию).

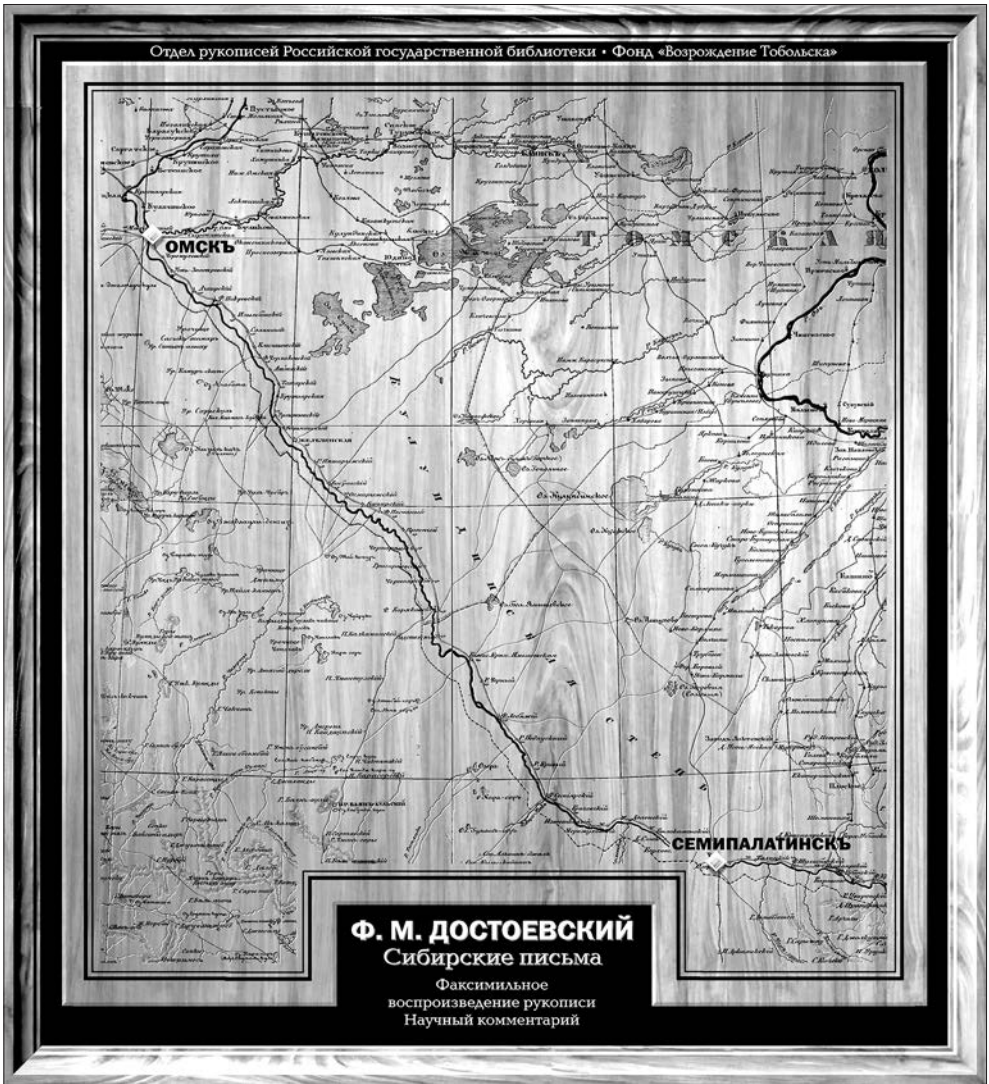
Такое расположение текстов позволяет читателю не только удобно сопоставлять, сравнивать содержание строк, но и понимать авторский стиль, замысел, исключает привнесение вкусовых или иных коррективов цензоров, составителей и т. д.

Разумеется, для решения столь актуальных и вместе с тем сложных проблем необходимо выявление, открытие ключевых и полноформатных архивных источников. «Быть верным духу и значит быть верным писателю, — подчеркивал, изучая наследие Ф. М. Достоевского, литературовед А. В. Михайлов. — Потому что дух и буква, смысл и буква образуют в великом произведении неразрывный союз, и что отнято у одной, то отнято у другого, что отнято у одного, то отнято у другой».

Письма Ф. М. Достоевского — в процессе расшифровки рукописи, подготовки к факсимильному изданию — увлекают как эпистолярный роман, написанный Гением. Честный и душевно чистый сюжет, изложенный великодушным художником слова, вызывает сопереживание, погружает, независимо от нас, в особое духовно-интеллектуальное пространство миропонимания классика русской литературы.

Особый интерес представляют письма Ф. М. Достоевского 1854—1856 годов.

Осужденный в конце декабря 1849 г. «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» на смертную казнь, а затем помилованный, лишенный чинов и всех прав сословия, сосланный на четыре года на каторжные работы в Сибирь, Ф. М. Достоевский смог тайно передать первое письмо брату Михаилу лишь в начале 1854 года. «Вот уже неделя как я вышел из каторги. Это письмо посылается тебе в глубочайшем секрете, и об нем никому ни полслова. Впрочем я пошлю тебе письмо и официальное, через штаб Сибирского Корпуса. На официальное отвечай немедленно, а на это, при первом удобном случае», — сообщал Ф. М. Достоевский в своем первом письме от

Крышка футляра издания. Художник В. Е. Валериус

22 февраля 1854 года, переданном через доверенное лицо из Омска старшему брату Михаилу.

В отечественном литературоведении письмо М. М. Достоевскому относят к числу «важнейших автобиографических документов о годах каторги». При всей справедливости оценки, следует отметить, что она не отражает полноты и многожанровости письма, оно — гораздо масштабнее. Ф. М. Достоевский вспоминал о невзгодах и тяготах каторжной жизни, о лютых сибирских морозах, о том, что «промерзал до сердца», но и убежденно писал, что скоро все переменится, они скоро встретятся. В его словах предугадывается дар пророчества, о котором напишут публицисты в XX—XXI веках. «...А я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мне. Мы увидимся, брат, очень скоро. Я верю в это как в дважды два. На душе

моей ясно. Вся будущность моя, и все что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнью», — писал, не имея ничего кроме веры, Ф. М. Достоевский.

Вероятно, в одно и то же время с посланием старшему брату, тайно, с доверенным лицом, Ф. М. Достоевский отправил письмо Н. Д. Фонвизиной, написанное в Омске 20 февраля 1854 года. Прошло четыре года со дня их встречи в Тобольске. Посещение в Тобольской тюрьме ссыльного писателя 10 января 1850 г., передача женами декабристов Н. Д. Фонвизиной, П. Е. Анненковой, Ж. А. Муравьевой «Евангелия» и материальной помощи явилось для Ф. М. Достоевского лучом света во мраке безысходной несвободы, душевных потрясений и переживаний. Воспоминания о том трагическом состоянии души Ф. М. Достоевский оставил в знаменитых записках с печальным названием «из Мертвого Дома». Федор Михайлович писал: «Эту книгу, с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата». Томик Нового Завета, который ныне в научной литературе именуется как «Евангелие Ф. М. Достоевского», бережно хранился Федором Михайловичем. Евангелие помогло ему «бесстрашно углубиться в неисследованные глубины и праглубины» человеческой личности, обрести «пророческое вдохновение». Даже антигероям своих произведений Ф. М. Достоевский сумел создать словесный, реальный образ, иллюстрирующий глубокий смысл изречения апостола Павла: «...они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно».

Непрерывный внутренний диалог, постижение мудрости и открывающегося величия Нового Завета, вызвали у Ф. М. Достоевского потребность вновь и вновь перечитывать Священное Писание.

Об этом свидетельствуют многочисленные (более 1400 на 600 с.) владельческие, познавательного характера, маргиналии Ф. М. Достоевского, установленные и реконструированные с помощью оптико-электронного оборудования учеными ОРРГБ.

Полученные впервые в научной практике достоверные результаты открывают неограниченные возможности для ранее недоступного визуального изучения текстов.

Итоги оптико-текстологической работы легли в основу подготовленного Общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» и Российской государственной библиотекой факсимильного издания «Евангелия Ф. М. Достоевского» в трех томах, использованы в настоящем проекте.

В трудном, полном мучительных испытаний отыскании истины, жаждя веры, Ф. М. Достоевский ощущал помощь Бога, даровавшего ему вдохновенные мгновения совершенного душевного спокойствия, гармонию любви, просветленное восприятие евангельских первооснов. «...В такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе что и не может быть. Мало того если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом нежели с истиной», — писал Федор Михайлович.

По сути, перед Ф. М. Достоевским, назвавшим себя «дитя века, дитя неверия и сомнений», открылась глубина неизведанной человеком Высоты.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. России с коалицией Турции, Англии, Франции, упорные слухи о самоубийстве Императора Николая I, не пережившего позора, будоражили, вызывали недовольство столичной публики.

Из письма Федора Михайловича следует, что он знал о переменах настроений в российском обществе и косвенно упоминал о них. «Идеи меняются, сердце остается одно», — писал другу Федор Михайлович. «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели вы были когда-нибудь иначе? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения», — делился своими размышлениями писатель.

Пройдя через тяжкие испытания каторги и ссылки, Ф. М. Достоевский сохранил веру в душе и верность Отечеству. «Уверяю вас, что я на-прим<ер> до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русской народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его: ибо был сам русской. Несчастье мое дало мне многое узнать практически, может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, т. е. действовать против своего убеждения», — отмечал Ф. М. Достоевский.

Три письма, публикуемые факсимильно, представляют три ярких эпизода на пути восхождения к вершине классика отечественной и мировой литературы.

Ф. М. Достоевский, которому просвещенное человечество в 2021 г. отмечает юбилей — 200 лет со дня рождения, вошел в историю культуры России как феноменальный пример реальности преодоления границ календарного, текущего в симметрических рамках времени, как явление, соизмеримое временем историческим.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аркадий ЕЛФИМОВ

ЗРИМЫЙ ОБРАЗ ВЕРЫ

*Евангелие Достоевского
К 200-летию
со дня рождения великого
русского писателя*

Аркадий Григорьевич Елфимов — общественный деятель, книгоиздатель, фотохудожник, родился в Тюмени в 1950 г., по специальности инженер-строитель. В 1994 г. стал инициатором создания Тюменского регионального благотворительного общественного фонда «Возрождение Тобольска», руководит которым поныне. Благодаря фонду в Тобольске возрожден Художественный музей, установлены памятники знаменитым уроженцам города, чеканится медальерная серия «Славный град Тобольск», выпускается библиотека книг о Тобольске, издается альманах «Тобольск и вся Сибирь». **Живет в Тобольске.**

Дом Пашкова, где располагается Российская государственная библиотека и хранилище редчайших книг, стал для меня местом достопамятной встречи. Здесь мне посчастливилось взять в руки небольшую Книгу в темном переплете. С чувством промыслительности этого доверия судьбы я перелистывал страницы бесценного издания, божественность которого заключалась не только в святом содержании Книги, но и в том, что именно этот том Нового Завета принадлежал великому русскому писателю Федору Михайловичу Достоевскому. Всемирно известный автор со страниц этой Книги черпал мудрость жизни, вдохновение, через осознание древних событий он осмыслил историю и современность своего Отечества, создавал вневременные образы своих героев, через нее он обращается к нам, ныне живущим. С благоговением я рассматривал на листах еле заметные отметины писателя: где ногтем, где загибанием листа он отмечал важные для себя мысли. Неожиданно явилось понимание, как было бы хорошо показать моим современникам ход писательского поиска и размышлений. Сегодня достаточно полно изучено творчество Достоевского, смыслы которого имеют иерархическую структуру, требуют от читателя душевной самоотдачи и созвучного сердца. Очевидно, что многие его художественные образы и ситуации укоренены в библейской мудрости, которую наш великий соотечественник транспонировал в историю России, исследовал питательность русской духовной почвы для нашей древней веры.

Надо сказать, что в этом смысле Достоевский не был первопроходцем. Вся древнерусская и большая часть последовавшей светской классической литературы содержала аналогии из библейской истории и соз-

давала краткий катехизис, то есть более тысячи лет воодушевлялась Священным Писанием. Апостол Павел в своем послании говорил, что «вера — от слышания». Но для Руси-России этого оказалось мало, чтобы уверовать, надо увидеть, прочесть, прикоснуться живыми глазами к истории. Да и сама наша Православная вера была выбрана по зримым критериям красоты. Ни истовые молитвы мусульман, ни аскетический латинский обряд, ни прагматика иудаизма не убедили князя Владимира, не легли на ищущее веру его сердце. И только Константинополь показал настоящую «красоту церковную». На Руси высокая Красота стала критерием Истины.

Ф. М. Достоевский точно и кратко сформулировал эту связь одной фразой, сказав, что мир спасет красота. Сегодня эти слова, вложенные в уста второстепенного героя романа «Идиот», известны многим, однако интерпретируются они через привязку только к одному из двух полюсов смыслового диполя. Но Красота не определяема без идеи спасения, без Христа и христианства. Не помню, когда вспыхнула идея — исследовать духовный поиск великого писателя, показать, что такое красота и спасение в его понимании, приоткрыть тайну взаимоотношений великой личности и великой Книги. Но помню, что родившийся план создания особенного издания Евангелия, принадлежащего Ф. М. Достоевскому, был сразу поддержан и стал воплощаться в жизнь коллективом ученых, художников, печатников и даже декораторов. Никто из коллектива не сомневался, что книга о Спасительной Красоте должна сама являться совершенным произведением искусства. Хотя история знакомства петрашевца-каторжанина Достоевского с Библией происходила отнюдь не в благополучных условиях.

24 декабря 1849 года — через два дня после остановленной в последний момент казни петрашевцев на Семеновском плацу осужденный на четыре года каторги «петербургский мечтатель», закованный в дорожные кандалы, на санях в сопровождении жандарма отправился в свой каторжный путь по Московско-Сибирскому тракту. Дорога была неблизкой. За это время Федор Достоевский о многом успел подумать, но главное для себя решение он принял еще в самом начале пути. Так об этом он пишет брату Михаилу: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее». Он понял это еще по пути на каторгу, еще имея самое смутное представление, о том, что именно ему предстоит. А, как известно, Господь целует намерения...

В Тобольске Федор Михайлович промыслительно обрел то единственное, что могло помочь ему воплотить эти намерения в жизнь. Там жены декабристов добились («умолили», по словам Достоевского) тайного свидания с петрашевцами на квартире смотрителя пересыльной тюрьмы. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский вспоминал: «Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. <...> Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного».

Томик Нового Завета был подарен Достоевскому Натальей Фонвизиной и Прасковьей Анненковой. Книга представляла собой первое издание Еван-

гелия на русском языке, осуществленное в 1823 г. Библейским Обществом под руководством епископа Филарета Дроздова, будущего митрополита Московского. Достоевский никогда не расставался с этим Евангелием, в течение 30 лет, до самой смерти, он держал ее под рукой. Он хранил Книгу под подушкой на каторге, она была с ним в пути, всегда лежала на его письменном столе. На Омской каторге, в обстановке душевных страданий и мучительного, унижительного быта, в сердце Достоевского происходило, как он сам говорил, «перерождение убеждений». Каторга стала для Достоевского местом, где он заново открыл для себя христианство. Поэтому он вспоминал о тяжелых своих временах не только без ропота, но даже с благодарностью. «О! это большое для меня было счастье: Сибирь и каторга!» — восклицал он, например, в 1874 г. в разговоре с писателем Вл. Соловьевым. — «Я только там и жил здоровой и счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что я и сам русский, что я один из русского народа. Ах, если бы вас на каторгу!».

Преображение будущего великого русского писателя, который ныне и для всего мира является литературным источником духовной мудрости, кажется необыкновенным. Ведь сам Федор Михайлович в своем дошедшем до нас письме к Наталье Дмитриевне Фонвизиной, своей счастливой дарительнице, отправленном из Омска в январе-феврале 1854 г., пишет: «Я слышал от многих, что вы очень религиозны, Наталья Дмитриевна. Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений

Памятник Достоевскому в Тобольске. Автор М. Переяславец

стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных»¹.

Будучи руководителем фонда «Возрождение Тобольска», я часто вожу гостей к памятнику Достоевскому, который установлен недалеко от дома Фонвизиных и, заканчивая свой рассказ о Достоевском в Тобольске, говорю: «Видите, какая мистическая страница истории города Тобольска — если бы Достоевский попал на каторгу без этой книги, еще бы неизвестно, что бы там с ним случилось... А так город Тобольск и город Омск сделали великого русского писателя, философа-богослова».

Интересоваться темой Достоевского в Тобольске я начал еще в далекие советские времена. Тогда начальник местного отдела КГБ рассказал мне, что в город зачастили странные люди — то японский ученый, то музейщики из Австрии и Западной Германии, и все ищут, в какой тюрьме сидел Достоевский. На всех фотографиях, иллюстрирующих этот период жизни великого писателя, запечатлен тюремный замок в Тобольском кремле. Он к тому моменту уже был готов к приему заключенных, но его еще не ввели в эксплуатацию. Потому Достоевский в ожидании отправки в Омск находился в более старой пересыльной тюрьме.

Потом был омский острог. Острожная жизнь для дворянина, привыкшего к совершенно другим условиям, оказалась очень тяжелой. Каторга уравнивала всех в общем праве на несправие. Никакой индивидуальности — у всех наполовину выбритые головы, казенная одежда — холщовая рубашка с черным кругом на спине летом, грубый черный тулуп с бубновым тузом зимой. Петербургскую квартиру Достоевскому заменила арестантская казарма. Что она собой представляла, Федор Михайлович описывал в письме брату Михаилу: «Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что в целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С толков капель — все сквозное. Нас как сельдей в бочонке. Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал), а угар нестерпимый — и вот вся зима...»

К тому же, каторга встретила новоприбывшего с ненавистью. Ведь арестанты были в основном или крепостные крестьяне, или солдаты, набранные по рекрутскому набору из крестьян. Преступления свои они совершили против помещиков или офицеров, которые над ними издевались. А Достоевский был и помещик, и офицер, мог бы жить, пользуясь всем, что давало его положение, а вместо этого читал какие-то книжки, зачем-то против царя-батюшки возмущение устроил. Но Федор Достоевский не сломался. Он прошел через «горнило испытаний» и пришел к своей «осанне». И его история наглядно доказывает, что любую ситуацию при должном к ней отношении можно обратить на пользу. Ведь это были не только четыре года в совершенно невыносимых условиях, но и четыре года наедине с Евангелием.

Каторгу Достоевский воспринял как очистительное страдание, сопричастное Голгофе и воскресению Христа. Потом он напишет: «не как

¹ Письма к Н. Д. Фонвизиной, зима 1854, Омск. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. в 15 т. / т. 15 <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/383.htm>

мальчик же я верую во Христа и его исповедаю, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Именно здесь, наедине с Евангелием писатель обрел *свой* «символ веры». В одном из своих писем из Семипалатинска, куда писатель был направлен после освобождения из острога и где был зачислен рядовым в 1-ю роту Сибирского 7-го линейного батальона, он писал: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной».

Евангелие Достоевского, находящееся сейчас в архиве Российской государственной библиотеки и которое мне посчастливилось держать в руках, впитало каторжный пот и грязь, хранит самые ранние каторжные пометы Достоевского — отметы ногтем, так как карандаш в тюрьме не дозволялся. Подчеркивания, пометки, записи на полях, сделанные рукой самого Федора Михайловича, проясняют жизнь и творчество гения, проявляют его присутствие в нашем веке. Кажется, что все его романы исходят из этих ремарок, подчеркиваний и знаков, а диалоги персонажей вырастают из строк Писания. «Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точное изваяние мира, и человека, и характеров человеческих, и названо все, и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных... Эта книга непобедима... Это книга человечества», — находим мы слова Достоевского в одной из его статей. «Евангелие Достоевского», эту бесценную реликвию, ученые исследовали около двух десятков лет, изучали каждый сантиметр Книги. И ценна эта «расшифрованная» Книга не только потому, что раскрывает ход мысли гения и позволяет глубже понять личность великого писателя, но и потому, что это была главная Книга в его жизни, она в буквальном смысле хранит все испытания и озарения, пережитые ее владельцем.

В трехтомном издании, подготовленном выдающимися достоеведами современности с мировыми именами — В. Н. Захаровым, Б. Н. Тихомировым, а также заведующим отделом рукописей Российской государственной библиотеки, главным хранителем и исследователем первейших книжных сокровищ России В. Ф. Молчановым, помимо факсимиле личного экземпляра Нового Завета Ф. М. Достоевского со всеми пометами великого писателя, содержатся исследования и комментарии ученых к его маргиналиям, дается подробное описание отражений Евангельского Слова в текстах писателя, раскрыто значение Евангелия в его жизни и творчестве.

Кульминация глубинных взаимоотношений гения с гениальной Книгой — его обращение к тексту Нового Завета перед самой своей кончиной, когда писатель уже сам не мог читать и попросил об этом свою верную спутницу. Анна Григорьевна открыла на случайной странице Евангелие и прочитала: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду». На что Достоевский ответил: — Ты слышишь — «не удерживай» — значит, я умру. С педантизмом настоящей жены писателя Анна Григорьевна обозначила для потомков:

«Открыты и прочитаны (строки. — А. Е.) мною по просьбе Федора Михайловича в день его смерти в 3 часа».

Эта Книга открывает одну из великих Тайн творчества Достоевского, которую разгадывают во всем мире. Очень точно сказал сербский святой Иустин Попович: «Тайна и сила России — в Православии». Слава Богу, что есть люди, которые эту силу выражают. Есть люди, которым эта тайна понятна. Бесспорно и то, что изданное нами «Евангелие Достоевского» получило признание не только в России, но во всем мире, учитывая масштаб личности и творчества писателя.

Факсимильное издание того самого экземпляра Евангелия, с которым Достоевский не расставался в ссылке, предпринимается впервые. Взял на себя интеллектуальную ответственность и материальные расходы на издание фонд «Возрождение Тобольска», которому 28 февраля 2019 г. исполнилось 25 лет. Будучи его руководителем, скажу о нем несколько слов, так как в нашей стране и, особенно, в ее новейшей истории, не так много культурно-просветительских организаций, имеющих столь впечатляющую, по нынешним временам, жизнестойкость, столь масштабный охват культурно-исторической тематики, издательских, просветительских, мемориальных проектов. По своей значимости и «географии» работы фонда давно вышли за пределы Тюменского края. Фонду удалось привлечь к своим проектам и к своей деятельности своеобразный экстракт, сгусток российской интеллектуальной элиты, в орбиту которой вошли лучшие культурные корифеи страны: историки, художники, музейные работники, фотографы, краеведы, искусствоведы, музыковеды, библиографы, писатели. Проекты фонда — издание исторических книг, установка памятников и памятных досок, создание уникального ландшафтного парка «Ермаково поле» и мн. др. То есть возрождение российской истории, связующей прошлое с настоящим и будущим.

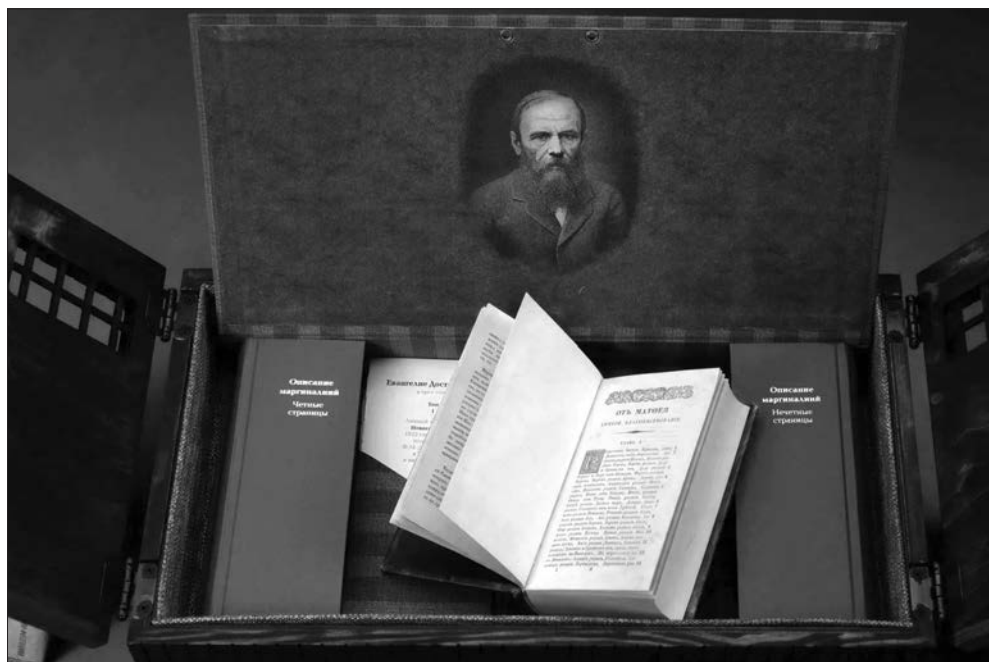
Ответы на многие вопросы найдет вдумчивый читатель в новом издании нашего фонда: какие пометки, подчеркивания, то ногтем, то карандашом, делал писатель в Евангелии; какие страницы загибал, чтобы возвращаться к ним снова и снова; наконец, какое влияние оказали тексты Священного Писания на его творчество. Но о каком читателе мы говорим, если тираж дорогого издания — всего 100 экземпляров. Понятно, что для популяризации русских классиков лучше и проще издавать их большими тиражами. Но перед нами стояла другая задача: фонд «Возрождение Тобольска» — благотворительный! Он одаривает библиотеки, ныне бедствующие, скудно финансируемые государством, книгами по истории Сибири (например, это знаменитый альманах «Тобольск и вся Сибирь»), антологиями произведений классиков и современных авторов. А тут — другой вид нашей деятельности. Фонд позиционирует «Евангелие Достоевского» как «памятник гению писателя». А памятники, как известно, изделие штучное.

Об уникальном издании Евангелия Достоевского можно говорить как о произведении и художественном, и литературном. В его строгой объемной композиции, обладающей глубиной, выражено драматическое начало, символизирующее жизнь великого русского писателя, воплощено также единение двух начал — логоса (смысл) и мелоса (пластичность, глубина). Именно глубина человеческого падения и возможная высота восхождения личности всегда интересовала великого писателя, который первый свой опыт

получил, наблюдая каторжан, «выследил глубину этих погибших сердец и прочел в них сокровенное от всего света...» («Записки из Мертвого дома»).

В нашей работе с Евангелием Достоевского имеет большое значение оформление Книги, ее смысловая художественная форма. Сам Новый Завет и сопровождающие его комментарии помещены в метафорический футляр «тюремного острога» с зарешеченными окнами. Сделан деревянный короб из липовой дощечки. На ней с помощью лазера имитирована структура сосны. Уже сам по себе этот короб, созданный по эскизам известного российского художника В. Е. Валериуса, является произведением искусства, достойного самых взыскательных исторических музеев. Достоевского этапировали в Тобольск и Омск в тяжелейших условиях, в повозках, и образ футляра в виде мрачного каземата помогает читателю пережить настроение тяготы, тревоги, волнения — еще до того, как он прикоснется к книжным страницам.

Внутри футляра цвета каторжной робы — главный том, содержащий само Евангелие, на крышке — распятие, под которым находится узел, символизирующий узел судьбы Федора Достоевского. В издании нет ни одной даже самой мелкой детали, которая бы не являлась символом. Концепция символов очень близка к древнерусскому духовному пониманию искусства. В футляре находится — не только сама Книга, но еще несколько книг, помогающих современному человеку в понимании духовного поиска Ф. М. Достоевского. В факсимильном издании нельзя ставить какие-либо значки «от себя», но нужно ведь было показать все эти отчеркивания, загибы страниц, показать Евангелие, прожитое Федором Михайловичем. Художником В. Е. Валериусом со священным почтением к Святому Благовестию была мудро решена задача вынесения пометок за рамки факсимильного издания. Трудность

Евангелие Достоевского

заклучалась в том, что, если нет проблем сделать копию страницы с карандашной сноской или карандашным подчеркиванием слова, то невозможно в печатной копии отобразить загиб страницы, да еще двойной. А ведь есть и отметки ногтем, которые Достоевский делал в связи с лишением его в тюрьме пишущих средств. Некоторые подчеркивания невозможно разглядеть сегодня без оптико-электронной экспертизы.

Открывая разворот Евангелия и пользуясь полутомиками, мы сразу видим — здесь отчеркивание ногтем, здесь уже пометы карандашом — когда у писателя появилась такая возможность. Исследователями, как я уже говорил, в течение двадцати лет была проведена огромная работа по выявлению и изучению пометок. Их обнаружено в результате кропотливого труда более 1400. Чтобы понять, чем именно эта евангельская мысль заинтересовала писателя и как потом отразилась в его последующих произведениях, нужно обратиться к комментариям — это уже второй том. Там дан подробный библейский комментарий, проанализированы мысли, отмеченные Достоевским в священной Книге, археологически исследованной учеными.

Много сделал в подготовке аналитической части издания и в его популяризации заместитель директора Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге Борис Николаевич Тихомиров. Велик и важен его вклад, так как третий том представляет литературоведческое исследование, он состоит из текстов современных литературоведов, осмысляющих творчество Достоевского, разъясняющих значение его пророчеств для сегодняшнего дня. Издателям хотелось обратить внимание читателя на каждое из них. Стремление большого коллектива специалистов, среди которых следует отметить уникальную работу коллектива московской типографии «Новые решения» под руководством А. В. Снитенко, — проследить духовный поиск великого писателя увенчалось успехом.

Конечно, 100 экземпляров уникального издания — предназначены не только для избранных читателей, но даже для избранных библиотек. И в то же время эта работа — для всех. Заинтересованного зрителя-читателя порадует тиражная цифровая копия. Это необходимое современное решение, ведь и в изобразительном искусстве есть шедевр, хранящийся в музее или в частной коллекции, а есть репродукции, вполне позволяющие знакомиться с творчеством автора, пробуждающие к нему интерес. Были те, кто меня отговаривал от создания интернет-версии «Евангелия Достоевского». Ведь, если мы делаем наше издание достоянием общественности, то его уникальность теряется. Но наша цель — не эксплуатировать успехи фонда, зарабатывая себе популярность, а дойти до возможно большего числа почитателей творчества Достоевского. Переформатирование бумажной версии издания в электронную для Интернета — дело очень трудоемкое и недешевое, фонд вкладывает в эту работу значительные средства. Но не зря — на сайте фонда «Возрождение Тобольска» тысячи просмотров электронной версии ставшей уже знаменитой нашей книги «Евангелие Достоевского».

Мне радостно думать, что это издание заставит того, кто поверхностно, со школьной скамьи знаком с творчеством Достоевского, но чьи руки не дошли до Библии, обратиться к священной Книге, которая, по словам самого Федора Михайловича, «принадлежит всем, атеистам и верующим равно». И напротив, человек набожный, но не слишком образованный, потянется к произведениям нашего великого соотечественника — кстати, самого читае-

мого (и почитаемого) русского писателя за рубежом. А уж нам-то сам Бог велел изучать его произведения.

Сегодня, когда разрушающая исконные человеческие ценности либеральная идеология проникает во все сферы жизни, особенно важно вспомнить и понять, как сам Федор Михайлович вырвался, оказавшись у черты жизни и смерти, из идей западничества и либерализма, как искал и нашел путь, ведущий к Православию. «В мировой литературе было немало писателей, которые превосходно знали Священное писание, изучали его, использовали идеи и образы в своем творчестве. Но вряд ли найдется кто-либо еще, кто, как Достоевский, не только четыре года читал только одно Евангелие, но пережил и прожил его как свою судьбу — страдания, смерть и воскресение Христа как свою смерть в Мертвом Доме и свое воскресение в новую жизнь», — отмечает в своей статье научный руководитель проекта, профессор, доктор филологических наук В. Н. Захаров, бывший максимальных два срока президентом международного общества Ф. М. Достоевского. Он, всемирно известный исследователь творчества Достоевского, являясь многие годы зав. кафедрой Петрозаводского государственного университета, создал свою школу исследователей русской классической литературы.

Масштаб творчества художника определяется масштабом вопросов, которые его волнуют. Издание Евангелия Достоевского в полной мере проясняет для современных людей, насильно отторгнутых прошлым веком от национальной традиции, все то, чем жили, что хранили в своих душах предки. «Русскую боль», прочувствованную в полной мере великим Достоевским, передает наше издание, приглашая в область духовной действительности Руси-России, показывая извечную русскую битву между верой и апостасией. «Евангелие Достоевского» много способствует пониманию того, почему Ф. М. Достоевский со своей верой в спасительность Красоты так близок русскому сердцу.

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 11.05.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 21050270.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.